

Родословное
древо нартв:
предки трех
нартвских
родов

Основной миф
индоевропейцев
в осетинском
нартвском
эпосе

История
осетинского
национального
образования

Рукописи,
вернувшиеся
на родину:
судьба
осетинского
литератора

ИСТОРИКО- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

3
2005

Владикавказ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АРХИВ

ИСТОРИОН-
ФИЛОЛОГИОН
АРХИВ

3

Владикавказ 2005 Дзæуджыхъæу

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИОН-ФИЛОЛОГИОН АРХИВ

Учредители:

Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ

Журнал СП РСО-А «Мах дуг»

Редколлегия:

М. М. Блиев (гл. редактор), Р. С. Бзаров,

А. М. Кодзати, Т. К. Салбиев

Историко-филологический архив. 3. – Владикавказ, 2005. – 104 с.: ил.

Ответственный за выпуск Т. К. Салбиев

© Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ, 2005

Авторские права защищены. Полное или частичное воспроизведение публикуемых материалов допускается только с письменного разрешения издателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Языки культуры

- Ю. А. Дзиццойты. Родословное древо нартов 4
- Р. Ф. Фидаров. Индоевропейский основной миф в нартовском эпосе осетин 16

История национальной культуры

- Р. С. Бзаров. Очерки истории осетинской школы. 30

Литература свидетельства

- Бимболат Бтемиров. «Я потерял свое имя...» 78
- Contents 103
- Сведения об авторах 103

Ю. А. Дзиццойты

Языки культуры

Родословное древо нартов

Если судить по тому, как регулярно и ясно в Нартовском эпосе обозначаются родственные отношения героев между собой, можно смело утверждать, что они имеют для его содержания весьма серьезное значение. На это обстоятельство, конечно же, не могли не обратить внимание исследователи осетинского фольклора. Более того, в середине прошлого века в своих фундаментальных исследованиях французский ученый Ж. Дюмезиль на обширном сравнительно-историческом фоне пытался показать, что деление нартовского общества на три рода, сообразно их общественной специализации, является ключевым для понимания общего содержания эпоса. Напомним, что он различал три функциональных рода: *Алæггатæ*, *Æхсæртæггатæ* и *Борæтæ*, где первые связаны с религиозно-культовой (жреческой) функцией, вторые – с воинской, а третьи – с хозяйственной.

Сегодня очевидно, что проблема генеалогии нартов все же гораздо сложнее и шире предложенного Ж. Дюмезилем трифункционального деления. Действительно, при постановке во главу угла не социальных, а собственно родственных отношений вопросов оказывается больше, чем ответов. Достаточно указать на то, что нет полной ясности даже относительно отцов-основателей, или прародителей, трех вышеназванных нартовских родов, выделение которых с функциональной точки зрения не вызывает никаких затруднений.

Поскольку общепризнано, что в центре Нартиады находится род воинов – Ахсартаггата, к которому принадлежат главные герои нартовского эпоса – Урузмаг, Хамиц, Сатана, Сослан (Созырыхъо), Батрадз и другие, то именно в непосредственной связи с этим родом и следует вести изучение интересующей нас проблемы. С одной стороны, согласно господствующей точке зрения, прародителем рода Ахсартаггата был герой по имени Вархаг // Валхаг (*Wærxæg* // *Wælxæg*), или Вархтанаг // Вахтанаг (*Wærxtænæg* // *Wæxtænæg*). У него родились сыновья-близнецы *Æхсар* и *Æхсæртæг*, последний из которых и дал имя этому роду¹. С другой стороны, в целом ряде текстов

Вархаг считается родоначальником не только рода воинов, Ахсартаггата, но и всех остальных нартов [ИАС-I: 7-27; ОРФ: п. 23, д. 56 (бр. II), л. 545; Нарты-I: 78-99], что также не осталось незамеченным исследователями эпоса [Къубалты 1978: 40; Калоев 1992: 543; Абаев 1949: 200; Абаев 1990: 152, 153-159, 281; Алборов 1979: 105]². В генеалогии рода Ахсартаггата обычно насчитывают четыре поколения: Вархаг (или Бора) – Ахсар и Ахсартаг – Урузмаг – Сослан и Батрадз [Гаглойти 1977: 125; Ванев 1990: 236]³. Вместе с тем ряд исследователей отмечает также наличие других генеалогий, согласно которым Вархагу предшествовали одно или два поколения нартов [Туганов 1977: 135; Нигер 1968: 355; Дюмезиль 1976: 174; Bailey 1980: 238; Littleton, Malcor 1994: 313].

Таким образом, без решения вопроса о генеалогии нартов – хотя бы предварительного – невозможно понимание главных событий эпоса. В конечном счете, предстоит дать ответы на вопросы о том, был ли у нартов общий прародитель – и если да, то кто это, – а также, каким образом разделилось его потомство.

Достижение данной цели предполагает, во-первых, критический обзор существующих версий, позволяющий реконструировать родословное древо нартов в возможной полноте, то есть создание некоей инвариантной модели, и, во-вторых, выявление принципов, лежащих в основе организации последней. Вместе с тем очевидно, что достижение поставленной цели невозможно без учета системы родства в осетинской традиционной культуре, а также привлечения сравнительно-исторического материала. Все вместе это должно позволить, как представляется, реконструировать систему родства у нартов уже не в

текст, в котором сыновьями Вархага являются Ахсартаг, Алаг и Бора [Архив: ф. 4, оп. 1, д. 93, с. 1269].

² Правда, в одной из своих работ В. И. Абаев так уточняет свои представления о генеалогии нартов: «**Wærxæg** имя родоначальника эпических героев "Нартов", точнее – главной фамилии (*Æ*)*xsærtæggatæ* "(А)хсартаговых", отец близнецов (А)хсара и (А)хсартага» [Абаев ИЭС-IV: 96].

³ Совершенно непонятно, почему В. И. Абаев, вопреки принятому им самим представлению о Вархаге, как о родоначальнике нартов, причислил внука Вархага, Урузмага, ко второму поколению нартов [Абаев ИЭС-IV: 127].

¹ Согласно некоторым текстам, у Вархага было не два, а три сына: Ахсар, Ахсартаг и *Сæтæлæг* [ИАС-I: 57 и сл.]. Здесь я не рассматриваю явно отклоняющийся от нормы

статике, как у Ж. Дюмезиля, а в динамике, то есть в процессе ее развития и становления.

Родоначальник нартов

Следует заметить, что при рассмотрении родословной нартов предпочтение обычно отдается тем вариантам, в которых родоначальником нартов является сам Вархаг, так как они записаны якобы «от лучших сказителей» [Абаев 1990: 153].

Однако в других сказаниях со всей очевидностью предстает наличие ряда поколений нартов, предшествующих рождению Вархага. Так, в сказании о войне между родами Ахсартаггата и Бората говорится, что эти роды трижды истребляли друг друга, пока, наконец, от первого не остался в живых один лишь Вархаг, а от второго – Борафарнуг [Нарты-I: 86]. В варианте этого сказания говорится следующее: *Бориатæ æма Æхсæртæгкатæ сæ дуйнебæл дæр кæрæдзей хæццæ нæ федудтонцæ, æма, зæгъуй, йеу кæми адтæй, уоми бабæй истухтæнцæ, æма Бориатæ Æхсæртæгкати бундзагъд никкодтонцæ. Ра-ма-си йервазтæй айдагъ йеу зæронд лæг Уæрхæг, зæгъгæ, æма сæ силгоймæгтæй йеу уæззауæй æ цæгатмæ адтæй, уотемæй* «Бориата и Ахсартаггата никогда не ладили между собой, а однажды, говорят, стали воевать и Бориата перебили всех Ахсартаггата. Из них (в живых) остался лишь один старик, Вархаг, да одна из их невесток (букв. “женщин”), которая была на сносях и (потому) находилась в доме своих родителей» [ИАС-I: 21-22]. Главой рода Бориата в этом сказании является некий *Багъодз-æлдар*.

Следовательно, Вархаг не был родоначальником нартов, а враждующие нартовские роды лишь в порядке позднейшей интерполяции названы Ахсартаггата и Бората, ибо это противопоставление могло возникнуть только после рождения у Вархага сына по имени Ахсартаг.

В другом сказании прямо говорится: «*Уæрхæг æмæ Тæрхæг – адон сты нарты æртыккаг фæлтæр*» (Вархаг и Тархаг являются (представителями) третьего поколения нартов) [НТХ: 82]. О нарте Тархаге других сведений не сохранилось, но примечательно, что Вархаг в этом тексте, как и в текстах Б. Андиева (см. ниже), считается представителем именно третьего поколения.

Существуют другие версии нартовской родословной, представляющие, на наш взгляд, гораздо больший интерес, опирающиеся на источники, которые удобно различать соответственно имени записавшего фольклорные материалы.

В первую очередь следует обратиться к вариантам нартовских сказаний, записанным и обработанным

Б. Андиевым, в которых родословное древо нартов представляется в наибольшей полноте. И хотя, к сожалению, мы не располагаем данными о сказителях, со слов которых Б. Андиев записал свой материал⁴, этот факт не должен умалывать значения собранных им текстов, так как они легко поддаются проверке материалом аутентичных сказаний.

Так вот, согласно генеалогии, представленной в сборнике Б. Андиева, первым жителем на земле был некий *Бæсты сæры тых*, который вел борьбу с силами природы. От него и пошли нарты [Нартæ: 3-4], однако непосредственным родоначальником нартов назван некий Савасса (*Sæwæssæ*), у которого родились три сына: *Борæ-болатгуыр*д, *Болатбæрзæй* и *Дзылæу* [Нартæ: 5]⁵. Дзилав и Болатбарзай погибли в юном возрасте в борьбе с великанами [Нартæ: 26-28, 35-41]. Нартовский род продолжил старший из братьев – Бора, у которого родились два сына – Вархаг и Вархтанаг [Нартæ: 46]; у Вархага родились сыновья-близнецы Ахсар и Ахсартаг [Нартæ: 51]. Таким образом, Бора, который, согласно большинству сказаний, является родоначальником рода Бората, оказывается еще и предком рода Ахсартаггата. В андиевском сборнике род Бората является носителем не третьей (хозяйственной) функции, как в остальных сказаниях, а второй (военной), которую в большинстве других сказаний представляют Ахсартаггата. Что касается носителей третьей функции, то они полностью исчезли из андиевского сборника, хотя упоминается один из их представителей – Бурафарныг, который, однако, противопоставлен представителям рода Бората [Нартæ: 175-179, 180]. Упоминается и род Алагата [Нартæ: 99], но не ясно, откуда он берет свое начало.

* * *

В сборнике, подготовленном К. Гутиевым, фактически воспроизводится андиевская генеалогия: Савасса – родоначальник нартов, у него три сына: Бора, Дзилав и Болатбарзай [НК: 15-19]; у Бора родились сыновья Вархаг и Вархтанаг [НК: 56-59, 60]; а у Вархага – сыновья Ахсар и Ахсартаг [НК: 150]; у Ахсартага – Урузмаг и Хамиц [НК: 184-186]. Однако этим дело не ограничивается, поскольку в этом же сборнике имеется и другой материал, отсутствующий у Б. Андиева и объясняющий происхождение трех нартовских родов:

⁴ За исключением одного из них – отца самого Б. Андиева. См. об этом [Туганов 1977: 133; Мелетинский 1957: 43; Калоев 1957: 181; Гаглойти 1977: 123-124].

⁵ Как мы полагаем, в андиевском сборнике представлены две не связанные между собой генеалогии, в одной из которых родоначальником нартов считался Басты-сарытых, имя которого тождественно имени героя дигорской сказки *Бæстисæр-тухæ* [ИАС-II: 61-76; см.: Туганов 1977: 142, 144], а в другой – Савасса.

у Вархага, помимо близнецов Ахсара и Ахсартага, было еще два сына: близнецы Фарнаг и Ван [НК: 191], а у Вархтанага, бесследно исчезнувшего из андиевского сборника, также было два сына: Субалц [НК: 129-141] и Алаг [НК: 191]. Когда потомство Вархага решило разделиться, Хамиц и Урузмаг приняли имя своего отца, Ахсартага, и стали именоваться Ахсартагата, а Ван и Фарнаг стали именоваться Бората – по имени своего деда Бора. Сын же Вархтанага, Алаг, стал родоначальником третьего рода – Алагата [НК: 191]. Таким образом, Бора оказывается родоначальником всех трех нартовских родов⁶.

Поскольку гутиевский сборник также лишен документации, возникает вопрос: насколько надежна эта генеалогия и каково ее происхождение?

В одном из аутентичных сказаний, описывающем начальный период жизни людей на земле, род людской был представлен нартами, главой которых был некий *Дзылы-мæликк*, а его сына звали *Темырхъан* [ХИФ 1940: 78-82]. Из сказания не ясно, был ли «правитель Дзылы» первым человеком на земле, и был ли Вархаг его потомком, однако его имя, несомненно, тождественно имени *Дзылæу* из андиевского сборника.

* * *

Примечательную картину родословного древа нартов находим еще в одном аутентичном тексте. В 20-е годы прошлого века профессор Б. А. Алборов записал сказание, в котором родоначальником нартов является «Бораев Вархаг», происходящий из фамилии Куриста (*Хъуырыстаæ*) [ОРФ: п. 135, д. 348, л. 15]. «Отсюда явствует, – пишет Б. А. Алборов, – что Бора отец Уархага» [Алборов 1930: 282]⁷. Нам остаеся добавить, что, поскольку сам Бора принадлежит к фамилии Куриста, существовало, как минимум, еще одно поколение нартов, представленное героем *Хъуырыс*'ом. Таким образом, по рассматриваемой версии, родоначальником нартов был некий *Хъуырыс*, его сыном (или одним из его потомков) – Бора, а сыном последнего был Вархаг. Следовательно, *Хъуырыс* в данной генеалогии замещает Савассу андиевского сборника.

⁶ Возможно, такая же картина была и в андиевском материале, который дошел до нас не в полном объеме. М. С. Туганов, принявший участие в первом издании андиевского сборника (1942), так пишет об этом: «В юго-осетинский сборник, по условиям военного времени и ограниченности сроков издания, не могли войти очень многие, в высшей степени интересные сказания из имеющихся у Андиева материалов. Здесь освещена только одна фамилия “Бората” и не тронуты вовсе “Алагата” и “Ахсартагата”, а также не освещена титаническая борьба нартов с небожителями, длившаяся в течение многих поколений» [Туганов 1977: 141].

⁷ Именно эту генеалогия имел в виду один из лучших знатоков осетинского фольклора И. В. Джанаев, когда писал, что «родоначальником нартов был Борæты Уæрхæг (Уæрхæг был из рода Куристи)» [Нугер 1968: 355].

О том, что отцом Вархага был именно Бора, говорят и другие сказания. Так, в сказании, опубликованном в 1889 г. А. Кайтмазовым, говорится: «Особенным геройством и удалью отличались потомки одного из нартов, Бора, и сына его Уархага (...). Уархаг (...) имел двух сыновей-близнецов: Ахснарта и Ахснартага» [Н-II: 26]. Отметив данное совпадение между текстами Б. Андиева и А. Кайтмазова, Ж. Дюмезиль признал их «выпадающими из общего правила вариантами» [Дюмезиль 1976: 174-178]. К близкому выводу пришел и Ю. С. Гаглойти, который, однако, указал на большее число текстов, в которых Сослан, Батрадз и Урузмаг причислены к роду Бората [Гаглойти 1989: 18]. В другой работе Ю. С. Гаглойти отождествил Вархага с Бора, подчеркнув, что последний только в некоторых текстах назван родоначальником рода Ахсартагата [Гаглойти 1977: 125]. Однако привлечение всего необходимого материала убеждает нас в том, что представители рода Ахсартагата по происхождению действительно связаны с героем по имени Бора, а имя *Борæ* не является аллонимом имени *Уæрхæг*, т. к. Вархаг сам является одним из представителей рода *Борæтæ*. Этот материал можно разбить на две части: 1) прямые и 2) косвенные указания на родство Ахсартагата с Бора. Обратимся к соответствующим данным.

Согласно вариантам Нартиады, обработанным А. Кубаловым в начале XX в., все главнейшие герои эпоса являются потомками Бора. Мать виднейших нартов Ахсара и Ахсартага, Дзерасса, сообщает своим сыновьям: *Нæртон у уæ мыггаг æцæг! Уый Борæтæ хонынц, æгас у нырма дæр уæ хистæр – зæронд лæг Уæрхæг* «Вы действительно (происходите) из нартовского рода! Называется он “Бората”; жив еще старший в вашем (роду) – старик Вархаг» [Кубалты 1978: 45]. В обработке Нартовского эпоса на русском языке А. Кубалов дает ту же самую картину: «Гей вы детушки мои, | Внуки старого Уархага! | Вы из рода славных нартов, | Из Бораевых могучих» [Кубалты 1978: 67]. В комментарии к этим текстам А. Кубалов сообщает: «Уархаг – собственное мужское имя (...); родоначальник Бораевых, главных нартовских героев» [Кубалты 1978: 173].

В публикации анонимного автора, вышедшей в 1871 г., говорится: «Из древнейших осетинских богатырей известнее других, под общим именем Бораты, два брата Хамиц и Урузмаг, сестра их Сатана, сын Хамица – Батрадз, сын Урузмага Сирдон и приемыш Сатаны Сослан» [ППКО-IV: 29]. Аналогичную генеалогия находим еще у одного сказителя: *Нартæн сæ сæр æппæты фыццаг Боратæ уыдысты. Боратæй уыди æппæты фыццаг Ахсар æмæ Ахсæртæг* «В самом начале родоначальниками нартов были Бораевы.

К роду Бораевых в самом начале принадлежали Ахсар и Ахсартаг» [ОРФ: п. 21, д. 45-1, л. 59]. В этом же тексте Ахсар и Ахсартаг именуется *Бораты Ахсар æмæ Ахсæртæг* [там же, л. 60].

Отдельные представители рода Ахсартаггата часто именуются потомками Бора: *Борæты Уæрхæг* [ОРФ: оп. 1, п. 145, д. 350, л. 5], *Борæты Сослан* [ХИФ 1940: 96]; *Борæты Уæрхæджи фырттæ Ахсар æмæ Ахсæртæг* «Сыновья Вархага Бораева Ахсар и Ахсартаг» [ОРФ: п. 23, д. 56 (бр. IX), л. 81], *Нартæн сæ фыд уыд Уæрхæг, йæ мыггаг та уыдис Борæтæй* «Родоначальником нартов был Вархаг, а фамилия его была Бораев» [ОРФ: п. 135, д. 348, л. 19], *Борæты Ахсар* «Бораев Ахсар» [там же, л. 20]; *Уырымæг та Борæтæй уыди* «Урузмаг же принадлежал к роду Бораевых» [ОРФ: п. 23, д. 56 (бр. II), л. 18]; *нарты Борæты Уырымæг* «нартовский Бораев Урузмаг» [ОРФ: п. 23, д. 56 (бр. IX), л. 30]; *Ацу æмæ ныхъхъæр кæ Аертæ Нарты æмæ Аертæ Чынты хъæутæм: "Борæты Уырымæг уæ хоны!"* «Пойди и оповести Три Нартовских и Три Чинтских села о том, что Бораев Урузмаг приглашает их (на пир)» [ОРФ: оп. 1, п. 145, д. 350, с. 122]; *Хæмыц дæр уыд Боратæй* «Хамыц тоже был из рода Бораевых» [НТХ: 74]. В одном из сказаний Созырыко так говорит о себе: *Æз дæн нарты æфсæддон, хистæр Борæтæй, мæ ном Созырыхъо* «Я – нартовский воин, из старших Бораевых, зовут меня Созырыко» [ИАС-I: 75]. В другом сказании о старике Урузмаге говорится: *Борæтæй ма ацы зæронд хæрæг баззад, æмæ уыд дæр хъуамæ ныммарæм* «Из Бораевых в живых остался только этот старый осел, но с ним мы тоже должны покончить» [ХИФ 1936: 139].

В сказаниях, записанных В. И. Абаевым в 1934 г. со слов одного из лучших сказителей Южной Осетии, Ахсарт и Ахсартаг названы сыновьями Бора [Нарты-I: 93], а Бора – дедом Урузмага и Хамица [Нарты-I: 96]. Точно так же в сказании, записанном В. Ф. Миллером в североосетинской Туалии, Урузмаг, Хамиц и Созырыко считаются представителями рода Бораевых [Миллер 1881: 28, 52]. В полном соответствии с этой генеалогией современный осетинский драматург Д. Туаев в пьесе, написанной по мотивам нартовских сказаний, главных героев, Хамица и Сослана, именуется *Борæты хуыздæртæ* «лучшими из Бораевых» [Туаты 1969: 330].

И по времени, и по месту записи рассматриваемых сказаний, а также из их общего количества видно, что варианты, в которых Бора считается родоначальником главнейших нартовских героев, объединенных под родовым именем «Ахсартаггата», заслуживают полного доверия. Андиевские тексты являются лишь дополнительным подтверждением этой генеалогии. Об этом же говорят следующие косвенные данные.

Свою родную мать Урузмаг и Хамиц похоронили в «(родовом) склепе Бораевых» (*Борæты зæппадз*) [ОРФ: п. 15, д. 23-1, л. 35], что было бы невозможно, если бы эти герои не принадлежали к указанному роду. Согласно другому сказанию, в «склепе Бораевых» похоронили нарта Батрадза [ОРФ: оп. 1, п. 145, д. 350, с. 137]. В другом сказании утверждается, что безымянный сын Урузмага страдал в царстве теней от того, что отец не справил по нем поминки. Это послужило причиной создания едкой поговорки, в которой высмеиваются все обездоленные обитатели царства мертвых: *Борæты мардау – æнæ марды кæнд* («Он остался) без поминок, подобно покойнику из рода Бораевых» [ОРФ: п. 23, д. 56 (бр. II), л. 11]. В другом месте, говоря о хатиагском языке, собиратель осетинского эпоса Г. А. Дзагуров так передает слова сказителя Г. Сланова: «По объяснению Гаха, этот язык существовал в среде нартов из фамилии Боряевых, в отличие от других нартов» [ОРФ: оп. 1, п. 145, д. 350, с. 126]. Как видно из текста сказания, речь идет об Урузмаге и его потомках. Следует отметить, что другие сказители специально подчеркивают, что хатиагским языком владели исключительно Урузмаг и его ближайшая родня: Сатана, Сослан, Батрадз и другие [ИАС-I: 75, 155, 234, 240, 241, 243, 247, 346, 433, 434, 436; ХИФ 1936: 94, 140, 141; ХИФ 1940: 28, 30, 54]⁸. Еще одно подтверждение нашей мысли можно видеть в имени тетки Урузмага и Хамица со сторны их отца – *Борæнхъыз* [ОРФ: п. 5, д. 26, л. 134]. Компонент *хъыз* в этом имени представляет собой тюркское слово со значением 'дочь'⁹, а *Борæн* – это вариант имени *Бора*, представленный еще и в таком варианте имени *Бурæфæрныг*, как *Бурæнфæрныг* [ОРФ: п. 135, д. 348, лл. 15, 19]. Следовательно, имя тетки Урузмага и Хамица в буквальном переводе означает «дочь Бора», а это значит, что Бора (Боран) был дедом этих героев.

Таким образом, есть все основания считать представителей рода Ахсартаггата потомками нарта Бора. Однако в других, не менее надежных, текстах род Бората противопоставлен роду Ахсартаггата и представлен

⁸ Правда, в одном тексте по-хатиагски говорит также Бурафарныг со своей женой [ХИФ 1936: 150]. Но это отклонение от нормы.

⁹ Ср., например, карачаево-балкарское *къыз* (*qəz*) 'дочь, девушка, девица' [РКБС: 132, 153]. Это же тюркское слово представлено в осетинском женском имени *Хъызмыдæ*, во второй части которого, возможно, скрывается осет. *мыд* 'мед'. Что касается осетинского *чызг* | *кызгæ* 'девочка; девушка; дочь', которое В. И. Абаев пытался связать с той же тюркской основой [Абаев 1949: 85; Абаев ИЭС-I: 614; принято: Cheung 2000: 199], то, ввиду фонетических расхождений с тюркской основой, его удобнее связать с сакским *cistd* 'юный' (из **uistah*), древнеиндийским *kinra-* 'молодое животное', восстановив для осетинского этимон **uistaka* [Bailey 1979: 103; Герценберг 1981: 242]. Для синкопы *-ta-* ср. осет. *къуск* 'ниша' из др.-иран. **kauřda-ka-* [Bailey 1979: 324].

героем Бурафарныгом и его детьми, что создает очевидное противоречие, которое в аутентичных сказаниях никак не объясняется. Для устранения данного противоречия нет необходимости следовать за теми исследователями, для которых генеалогия, в которой Бора является родоначальником нартов, представляет собой отклонение от нормы. Я буду исходить из того, что представители родов Бората и Ахсартагата вполне определены, а представители рода Алагата – вполне вероятно являются потомками нарта Бора¹⁰. Следовательно, представители всех трех родов могли именоваться как *Борæтæ*, т. е. «потомками Бора», так и по патронимам, т. е. по именам своих непосредственных предков, потомков Бора – Ахсартага и Алага.

Косвенное подтверждение вывода о том, что Бора был общим предком всех нартов, можно видеть и в карачаевском сказании «Нарт Бора-батыр и Чюелди» [НБК: 535-537], согласно которому богатырь Бора-батыр жил «в те времена, когда нарты и эмегены (т. е. великаны. – Ю. Д.) враждовали», нападая друг на друга «и целыми группами, и в одиночку». Несмотря на свои богатырские качества, Бора-батыр держал шестьдесят драконов, которые охраняли его крепость от великанов. Все это живо напоминает нарта Бора из андиевского сборника, проводящего свою жизнь в борьбе с великанами и похоронившего своих братьев, павших от рук великанов. Следовательно, Бора – герой начального времени, времени, когда космос, только что выделившийся из хаоса, не был еще надежно защищен от деструктивных сил хаоса. Борьба героев этого поколения против великанов и составляет основной конфликт соответствующих сказаний. Герои этих сказаний считались первопредками, и неудивительно, что Бора-батыр считался первым правителем нартов, трон которого наследовал следующий правитель – Чюелди. Показательно, что последующие поколения осетинских нартов, включая нарта Вархага, враждуют уже не столько с великанами, сколько между собой. Великаны же представляют для них опасность только в дни отсутствия в нартовском селе выдающихся героев Сослана и Батрадза, или же в тех случаях, когда нарты покидают пределы своей страны. Любопытно также отметить, что Бора в карачаевском сказании, как и его собрат в осетинском, является носителем третьей, хозяйственной функции, основной принцип которой – богатство: «Сын нартов

¹⁰ В известных мне аутентичных текстах Алагата ни разу не названы потомками Бора. Однако главный атрибут их функции – чаша *Уацæмонгæ* (или *Нартамонгæ*, или *Æрдамонгæ*), – согласно одному тексту, почему-то хранится в подвальном помещении дома Бората [ИАС-I: 241], что, возможно, свидетельствует о том, что и предок этого рода вышел из дома Бора.

Бора-батыр очень богат, у него много добра» [НБК: 536].

Возникает вопрос: почему же имя общего для всех нартов предка (Бора) закрепилось преимущественно за потомками одного из трех его сыновей и почему оно у них единственное? Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к истории сложения фамилий (родов) у осетин.

В фамильных преданиях современных осетин можно проследить две тенденции. С одной стороны, родственные роды возводят свою генеалогию к братьям, носившим эпонимные имена, а имя их общего предка либо вовсе не упоминается¹¹, либо упоминается, но не является эпонимом¹². С другой же стороны, имя общего предка закрепляется за потомством одного из братьев. Такой случай отмечен, например, в генеалогии фратрии *Хуыбылтæ*, имевшей первопредком некоего *Хуыбылæ*, у которого родились три сына. Потомство старших сыновей Хуыбыла известно по патронимам – именам сыновей и даже внуков Хуыбыла. Это современные осетинские роды *Джиотæ*, *Магкотæ*, *Битетæ*, *Бабатæ*, *Коккоитæ*, *Гасситæ* и *Остæтæ*. Что касается потомства младшего сына Хуыбыла, имя которого в предании не сохранилось, то они носят фамильное имя *Хуыбылтæ*, являющееся производным от имени первопредка, хотя этим же фамильным именем пользуется каждый из потомков старших сыновей Хуыбыла, а в особенности их женщины, которых именуют *Хуыбылон*, что значит «принадлежащая к роду Хуыбыла» [Ванев 1990: 70-73, 82-83]. Приблизительно такую же картину находим в родословной *Бытæтæ*, представляющей собой одну из ветвей внутри рода *Тыладтæ*: потомки Адильгирея и Майрамуко Бытаевых решили разделиться, «следствием разделения стало оформление нового патрилиниджа с собственным названием – в соответствии с осетинской традицией получившие имущественную самостоятельность потомки Майрамуко стали именоваться *Майрæмыхъуатæ* “Майрамуковы”, а старшая ветвь Бытаевых сохранила прежнее имя *Бытæтæ*» [Бзаров 1993: 68-69]. Как видно из последнего примера, процесс образования нового патрилиниджа, который со временем может превратиться в самостоятельную фамилию (самостоятельный род), напрямую связан с

¹¹ Так, например, родственные роды *Дзиццойтæ*, *Саулохтæ* и *Хæныкъатæ* произошли от трех братьев, носивших имена соответственно *Дзицц*, *Саулох* и *Хæныкъ*, но имя их общего предка в фамильных преданиях этих родов не упоминается.

¹² Фамилии *Гæбæратæ*, *Санахъотæ* и *Гаглойтæ* произошли от трех сыновей некоего Урызмага – *Гæбæра*, *Санахъо* и *Гаглой* [Чурсин 1925: 8-9], однако имя их общего предка не стало эпонимом. Фамилии Есеновы, Кануковы и Мамсуровы производят себя от некоего Знаура, имя которого также не играет никакой роли, хотя и сохранилось в предании [см. Бзаров 1993: 68].

разделением имущества общего предка. «Осетинский патрилинидж получает название фамильного (осет. *мыггаг*) типа, образуемое от имени предка-эпонима (...). Насколько удастся проследить, возникновение и закрепление таких антропонимов происходило в результате имущественного (поземельного в первую голову) обособления обозначаемой родственной группы. Эпонимом не обязательно становился тот пращур, который непосредственно участвовал в разделе – но тогда обязательно кто-то из его близких предков или потомков: это уже зависело от многих обстоятельств» [Бзаров 1993: 65]. Аналогичные утверждения находим в работах других исследователей: патронимия «имела общее наименование, которое образовывалось из собственного имени главы дома, давшего начало этой группе (...). Разрастаясь из патронимий, более широкий коллектив (...) удерживал свое наименование. Последнее таким образом обращалось в фамилию в нашем общепотребительном смысле» [Косвен 1936: 5, 7]; «Каждая патронимия носила имя своего основателя – главы дома, давшего начало данной группе» [Калоев 1971: 191]; «Выделившиеся сыновья образуют свои индивидуальные семьи (...). Чтобы подчеркнуть принадлежность к той или другой патронимии, рядом с общеродовым (фамильным) именем указывалось имя родоначальника патронимии» [Магомедов 1974: 144]; «Каждая патронимия у осетин имела свое название, образующееся из собственного имени предка... Чем авторитетнее был этот предок, тем дольше сохранялось его имя» [Гаглойти 1974: 73]. «Весьма часто эти патронимические наименования становились названиями более обширных родственных групп, а впоследствии превращались в фамилии в современном смысле» [Гаглойти 1974: 84]. Отмечается также, что «патронимическое наименование нередко становилось названием населенного места данной родственной группы – топонимом» [Гаглойти 1974: 76].

По аналогии можно предположить, что и предки родов Ахсартагата и Алагата – Вархаг и Алаг – могли покинуть дом отца и дать начало новым нартвовским родам, которые стали именоваться в первом случае по имени внука Бора (Ахсартагата)¹³, а во втором – по имени его сына (Алагата). Хотя в то же время все они являются *Борæтæ*. Тот же из сыновей Бора, который остался жить в доме отца, сохранил за собой общее для нартвов родовое имя, которое у него единственное.

Нам остается выяснить, по какой причине дом Бора покинули Алаг и Вархаг, а не третий сын Бора. Этот вопрос прямо связан с другим вопросом – о порядке раздела

имущества между сыновьями Бора, т. е. дом отца должны были покинуть либо двое старших, либо двое младших братьев. Иными словами, нам необходимо выяснить, какой порядок наследования имущества был принят в нартвовском обществе – майорат или минорат?

В сказаниях нет прямых указаний на возрастное соотношение между сыновьями Бора, однако существует косвенное указание на то, что отделившиеся сыновья были старшими братьями, а тот, кто остался в доме отца, – младшим. Подтверждением этой догадки может служить цитированное выше заявление Созырыко, именующего себя представителем «старших Бораявых». Это подразумевает наличие и младших Бораявых, которые, однако, ни разу не упоминаются, но кем, несомненно, являются те Бората, которые в большинстве текстов представляют третью функцию, т. е. *Бурæфæрныг* и его семья. Если так, то раздел между сыновьями Бора проходил по обычаю минората. В поддержку этой догадки можно привести и некоторые другие косвенные свидетельства, но прежде, чем обратиться к ним, следует выяснить вопрос о минорате у осетин.

Как в современной, так и в позднесредневековой Осетии раздел имущества и, соответственно, распад большой семьи происходил преимущественно после смерти отца [Чурсин 1925: 38; Магомедов 1968: 324; Калоев 1971: 207]. При этом старший из сыновей получал преимущество в дележе: ему сверх обычной доли доставались котел, медный таз, оружие, дом, а также некоторые другие вещи [Магомедов 1968: 327]. По М. О. Косвену, изучившему данный вопрос на юго-осетинском материале, старшему сыну «оставался отцовский дом и все принадлежавшие дому драгоценности» [Косвен 1936: 13], т. е. раздел проходил по обычаю майората. Объяснялось это тем, что «по смерти отца главой семьи становился старший сын, который наследовал и привилегии его» [Магомедов 1968: 328]. Но очень часто раздел проходил при жизни отца, особенно в тех случаях, когда он становился слишком старым, и тогда от общего предка отделялись старшие сыновья, которые строили себе самостоятельные дома [Косвен 1936: 12; Ванеев 1990: 92, 95, 97; Магомедов 1968: 327; Гаглойти 1974: 68]. Эти новые дома (или семьи), как мы отметили выше, называли и по патронимам, образованным от имен переселившихся в новый дом сыновей, и по общему для всех братьев фамильному имени. Что касается младших братьев, то они оставались в доме родителей и также имели преимущественное право на отцовское наследство [Ванеев 1990: 81, 93, 132, 141-142; Калоев 1971: 210]. Именно этот факт и определял дальнейшее наименование семьи младшего из братьев, которая, можно сказать, была обречена носить то фамильное (родовое) имя, которое закрепилось за данной семьей еще

¹³ При этом семью Вархага или его потомков иногда именуют *Уæрхæгитæ*, т. е. «Вархаг и его потомки» [ХИФ 1936: 158]. Но это, конечно же, не фамильное имя, которое должно было звучать **Уæрхæгатæ* «потомки Вархага».

до раздела между братьями. Имя младшего брата, не став эпонимом, переставало быть актуальным и со временем вовсе забывалось, как это произошло, в частности, с именем младшего сына Хуыбыла. Следовательно, в позднесредневековой Осетии в исключительных случаях раздел проходил по обычаю минората¹⁴. Поскольку, однако, у нас нет уверенности, что в Нартовском эпосе раздел между братьями Бора мог произойти согласно этому исключительному случаю, и поскольку абсолютно ясно, что эпос сложился задолго до рассматриваемого периода, необходимо выяснить порядок раздела имущества у предков осетин в эпоху сложения эпоса.

Судя по некоторым данным, у скифо-сарматских племен раздел имущества мог происходить при живых родителях. Об этом свидетельствует легенда о происхождении сарматов, записанная Геродотом, в которой говорится, что скифские юноши, покинув свою страну, вступили в любовную связь с воинственными девицами (амазонками), на которых впоследствии женились. При этом юноши «получили (свою) часть имущества» от родителей и поселились вместе с женами на новом месте. От их союза произошло новое племя – савроматы (Геродот, IV, 110-117). Отсюда видно, что в скифском обществе юноши, достигшие брачного возраста, могли отделиться от родителей, получив причитающуюся им долю имущества, и могли дать начало новому роду или «племени». Правда, из сообщения Геродота вытекает, что этот случай следует отнести скорее к числу исключений (скифские юноши сначала звали амазонок к себе), но сам факт того, что юноши все же отделились от живых родителей, забрав причитающуюся им долю имущества, по крайней мере не противоречит мнению о существовании у скифов минората. Этот вопрос неоднократно обсуждался в научной литературе, причем основным источником наших сведений о минорате у скифов считаются две версии генеалогической легенды скифов. Согласно первой из них, власть в Скифии досталась младшему из сыновей родоначальника скифских царей – Колаксаю (Геродот, IV, 5-6). Согласно другой версии, распространенной среди понтийских греков, власть в Скифии досталась младшему сыну Геракла, носившему имя Скиф (Геродот, IV, 8-10). Отсюда, казалось бы, вытекает, что у скифов существовал обычай минората. Однако в своей монографии о социальной истории скифов, в специальном разделе, озаглавленном «Существовал ли у скифов минорат?», А. М. Хазанов

[Хазанов 1975: 94-98] дает на поставленный им вопрос весьма сдержанный ответ: «Таким образом, принципиальная возможность существования у скифов минората едва ли подлежит сомнению. (...) В скифской этногонической легенде говорится не о наследовании имущества, а о наследовании власти, и не столько о ее наследовании, сколько о первоначальном возникновении и утверждении. (...) В исторический период царская власть у скифов отнюдь не переходила от отца к младшему сыну» [Хазанов 1975: 96]. И далее: «То, что известно об их (т. е. скифов. – Ю. Д.) обществе, допускает принципиальную возможность наличия у них минората. Но никаких подтверждений его в источниках нет, а привлечение в качестве доказательства данных этногонической легенды неправомерно» [Хазанов 1975: 98]. Таким образом, наличие в скифском обществе минората вполне допустимо, а в генеалогической легенде скифов первый мифический правитель скифов передал свою власть в соответствии с этим обычаем. Как увидим ниже, в Нартовском эпосе также идет речь о передаче по наследству не только дома Бора, но и власти над нартами.

У близких родичей скифов, древних индийцев, старшие братья, согласно законам Ману, имели право отделиться от семьи и обзавестись новым домом, тогда как дом отца и орудия производства, в частности скот, признавались долей младшего брата [Ковалевский 1886: 333-335]. Сопоставив обычай индийцев с обычным правом осетин, предусматривавшим особую долю младшего брата при дележе имущества отца, М. М. Ковалевский так объяснил его происхождение: «Младший всего доле остается в нераздельности с отцом, а потому и более старшего участвует своим трудом в создании оставляемого отцом достатка» [Ковалевский 1886: 334]. Обычай этот мог зародиться только «в крестьянской среде – чуждой интересам военной защиты и всецело организованной в видах экономического производства» [Ковалевский 1886: 335]. Любопытно, что в эпоху средневековья в крестьянской среде Европы был распространен именно такой тип наследственного права (минорат), тогда как в среде аристократического сословия имела место противоположная тенденция – майорат, предусматривавшая преимущественное право старшего брата [Ковалевский 1886: 332].

Один из исследователей проблемы минората, Дж. Фрэзер, убедительно показал, что минорат существовал майорату, и в прошлом был распространен во всех концах земного шара [Фрэзер 2003: 246-290]. Следы минората прослеживаются и в Ветхом завете [Фрэзер 2003: 246 и сл.], причем совокупность фактов и здесь позволяет заключить, «что обычаю первородства, или предпочтения старшего сына, у евреев предшествовал более древний обычай – “право последнего

¹⁴ Укажем в этой связи также на недавно обнаруженную в сел. Заманкул фамильную дверь Айларовых, которая, согласно устной традиции, после разделения братьев перешла именно к младшему из них, с тем, «чтобы его не обидеть» [Мамиев, Сланов 2004: 7].

рождения», т. е. предпочтение младшего сына при наследовании отцу» [Фрэзер 2003: 250]. Вслед за некоторыми европейскими исследователями Дж. Фрэзер придерживается мнения, что в Европе минорат был связан с феодально-зависимой формой крестьянского держания земли, тогда как майорат был распространен среди дворянства [Фрэзер 2003: 252-254]. Для нашей темы особенно важно, что в ряде традиций с миноратом напрямую связаны как проблема наследования власти, так и проблема возникновения новых родов (кланов) и, соответственно, новых фамильных (родовых) имен. Обратимся к этим данным.

В Ассаме у горного племени лушей каждая деревня представляла собой как бы отдельное государство, управляемое своим вождем. Каждый сын вождя по достижении брачного возраста получал жену на средства своего отца и строил собственную деревню, где он управлял как независимый вождь. Младший же сын оставался в отцовской деревне, и к нему переходила по наследству не только деревня, но и все имущество отца [Фрэзер 2003: 260]. У племени качинов на севере Бирмы, по сообщению Дж. Скотта, существовал обычай, согласно которому после смерти вождя наследником был младший сын. «Старшие же братья уходили на сторону и основывали новые поселения, что в случае удачи служило началом возникновения самостоятельных племен, носивших имя основателя» [Фрэзер 2003: 264]. Согласно другим авторам, у тех же качинов каждый клан управлялся наследственным вождем, при котором состояли также наследственные помощники. Должность помощника неизменно переходила к старшим сыновьям вождя, тогда как должность вождя наследовалась младшим сыном, а за неимением сыновей – младшим братом. Земля передавалась в наследство всегда младшему сыну, а старшие сыновья уходили из дома и рассчитали себе отдельные участки [Фрэзер 2003: 267-268]. Точно так же у племени лоло в Южной Азии наследником имущества и должности вождя обыкновенно являлся младший сын [Фрэзер 2003: 270]. Такую же картину можно реконструировать для Уэльса, древний закон которого предписывает, чтобы при дележе имения между братьями младший получал усадьбу, все постройки и восемь акров земли, а также топор, котел и сошник, потому что отец не вправе передавать эти три предмета никому, кроме младшего сына [Фрэзер 2003: 251].

Аналогия мотиву трех предметов (топор, котел и сошник) отмечена Д. С. Раевским в скифской легенде, где в руки младшего сына, родоначальника скифских царей, Колакская, попадают секира, чаша и плуг с ярмом, а вместе с этими предметами и право быть царем в Скифии [Раевский 1977: 182]¹⁵. Таким образом, в далеком

прошлом минорат не был привилегией младшего сына, а был естественным порядком, обусловленным тем, что старшие сыновья обыкновенно отделялись от отца, образуя собственное хозяйство, младший же сын оставался при отце и вступал в права наследника только после смерти отца [Фрэзер 2003: 255].

Если, как мы полагаем, раздел имущества между сыновьями нарта Бора проходил по демократической, крестьянской, а не аристократической традиции, то они должны были иметь одинаковый социальный статус, принадлежать к сословию земледельцев и скотоводов. А если так, то каждый из выделившихся братьев лишь впоследствии приобрел соответствующую «специализацию», соотносимую с индоевропейскими социальными функциями. Можно ли подтвердить этот вывод какими-нибудь аргументами?

Если бы предполагаемый раздел между сыновьями Бора проходил по аристократическому обычаю, то это означало бы, что общество нартов было социально дифференцированным еще до раздела. Но тогда не ясно, почему дом Бора покинул старший брат, предок Сослана (Созырыко). Не ясно также, почему Ахсартатта, т. е. воины, из среды которых происходит социальный лидер Урузмаг, до возмужания Урузмага не обладали реальной властью в нартовском обществе. Власть принадлежала «младшим» Бората в лице наиболее яркого их представителя – Бурафарныга и его семьи.

Существуют и прямые указания на то, что Вархаг и его юные сыновья, Ахсар и Ахсартатта, первоначально были рядовыми общинниками. Так, согласно одному сказанию, у Вархага на старости лет родились сыновья-близнецы Ахсар и Ахсартатта. Сказитель добавляет: *Йетæ ку рагъомбæл æнцæ, уæд сæ фидæ нæ бал фæразта нæ хуасæ кæрдун, нæ хумæ, ма æрмæгур æнцæ* «Когда они подросли, то отец их уже не был в силах ни сено косить, ни пахать, и они обеднели». Подросшие сыновья взялись было продолжить дело отца, но оно показалось им слишком утомительным и малоприбыльным. И тогда братья приняли решение наняться к Бурафарныгу охранять священную яблоню, чтобы прилично зарабатывать [Нарты-I: 86-87]. В этом сказании мотивация отказа братьев от традиционных для их семьи занятий кажется слишком модернизированной, однако показателен тот факт, что Вархаг, а потом и его сыновья занимались и скотоводством, и земледелием. В варианте этого сказания о Вархаге и отце его, Бора, сказано: «Сами Бора и Уархаг жили спокойно, набегов никаких не делали. (...) Работать они не любили, поэтому жили бедно. Особенно бедно жил Уархаг. (...) Он имел двух сыновей-близнецов: Ахснарта и Ахснартага. Братья считали для себя унизительным работать и вместе с тем хотели во что бы то ни стало разбогатеть каким-нибудь легким способом».

¹⁵ Ср. также особую долю старшего брата в обычном праве осетин, состоявшую из котла, медного таза и оружия (см. выше).

И далее – как в первом варианте [Нарты-II: 26-27]. Аналогичную картину находим в двух других вариантах, где подчеркивается также, что Вархаг с сыновьями жили где-то в «соседнем ущелье»: *Æхсар æмæ Æхсæртæг хицæн комы хос карстой* «Ахсар и Ахсартаг косили сено в другом (букв. “отдельном”) ущелье» [ОРФ: п. 23, д. 56 (бр. IX), л. 81]; а согласно другому варианту, Ахсар и Ахсартаг *æндæр комы дардтой фос* «разводят скот в другом ущелье» [ОРФ: п. 21, д. 45-1, л. 59]. Т. е. в этом сказании родоначальники Ахсартаггата изображены такими же «простолюдинами», как и Бурафарныг с семьей, но при этом у Бурафарныга то преимущество, что он живет в наиболее сакральной части нартовского локуса – в «самом центре» (*бæстæстæу*) нартовского села (см. ниже), а Вархаг и его сыновья – где-то на окраине. В этом же сказании описана попытка Ахсара и Ахсартага изменить свой социальный статус путем захвата у Бурафарныга части его функций, связанных с охраной священной яблони.

В сказаниях ничего не говорится о том, как разгорелась война между Ахсартаггата и Бурафарныгом. Ясно лишь то, что борьба велась за социальное лидерство и носила ожесточенный характер. Борьба шла с переменным успехом: *Æхсæртæгкатæ æма Борæтæ кæрæдзей æртæ хадти ниццахтонцæ* «Ахсартаггата и Бората трижды истребляли друг друга», говорится в одном нартовском сказании [ОРФ: оп. 1, п. 145, д. 351, л. 3]. Но в большинстве случаев верх одерживали носители третьей функции. Об этом не без преувеличения сказители сообщают: *Бориатæ Æхсæртæгкати бундзагъд никкодтонцæ* «Бориаевы под корень извели род Ахсартаговых» [ИАС-I: 22]; *Иу рæстæджы Æхсæртæгкаты мыггаг тынг скуынæг* «Однажды род Ахсартаговых сильно сократился» [НТХ: 41]. Сохранилось даже проклятие: «Пропади и ты так же, как Æхсæртæгкатæ пропали давно между нартами!» [ПНТО 1925: 85].

Так продолжалось до тех пор, пока не родились выдающиеся богатыри из рода Ахсартаггата – внуки Вархага, братья-близнецы Урузмаг и Хамиц. Когда братья выросли, то *фыццаджы хуызæн стыхджын сты Æхсæртæгкаты мыггаг нарты 'хсæн æмæ та сын нарты адæмтæ фыццаджы хуызæн хъалон фидын байдыдтой* «род Ахсартаггата вновь, как и прежде, стал сильнее других нартовских родов, и нартовские роды, как и прежде, стали платить им дань» [НТХ: 46]¹⁶.

¹⁶ Если верна отстаиваемая нами гипотеза, то слова «вновь, как и прежде» в рассматриваемом тексте являются позднейшей вставкой. На самом деле Ахсартаггата при Вархаге были рядовыми общинниками, при Ахсаре и Ахсартаге впервые предприняли попытку захватить власть, а при Урузмаге и Хамице окончательно утвердили за собой право руководить нартовским обществом.

Установление власти рода Ахсартаггата сопровождалось весьма знаменательной акцией, о которой Бурафарныг с горечью рассказывает своему сыну: *Нырмæ хъæуæн йæ тæккæ бæстæстæу цардтæн, æмæ мæ нарты хорз лæгтæ рарвыстой нарты хъæуæй. Загътой мын: «Сау лæг дæ æмæ нæ арæхсыс немæ»* «До сих пор я жил в самом центре (нартовского) села, однако нартовские богатыри выставили меня из нартовского села, сказав: “Ты – простолюдин и не подходишь (для жизни) среди нас”» [ХИФ 1940: 75]. После изгнания Бурафарныга из центра села в его доме, т. е. в доме, доставшемся Бурафарныгу по наследству от общего предка Бора, несомненно, поселились лидеры рода Ахсартаггата. Следовательно, борьба шла за обладание центром села или, что то же самое, за обладание домом общего предка, стоявшего в центре села. Из одного сказания узнаем, что дом Бурафарныга был не простым – это был дворец (галуан) [ОРФ: п. 21, д. 45-1, л. 59]. В другом сказании дом Бора охарактеризован как *дынджыр чъырын хæдзар* «огромный дом на известковом цементе» [Нарты-I: 97].

Любопытно отметить, что и во многих других традициях внутренние части села, а также их жители, считаются высшими и священными, а внешние части – несвященными, профанными; причем вожди живут во внутренней, сакральной части села [Леви-Строс 1983: 122, 123]. Следовательно, и в нартовском обществе центр села рассматривался как его наиболее сакральная часть, где находился не только дом Бора, но и его сад: «Посреди трех (селений) нартов у Бора был сад» [Нарты-I: 93]. Как видно из других сказаний, в этом саду растет чудесная яблоня – символ мирового древа [Нарты-I: 84, 86; ИАС-I: 8, 22]. Еще в одном сказании утверждается, что жилище первопредка нартов находится в центре трех нартов и чинтов [ИАС-I: 7], из чего следует, что первопредок нартов жил в центре обитаемой земли. В сказании, описывающем «нечаянное» убийство Урузмагом своего сына, нарты собираются на ритуальный пир в доме Урузмага (очевидно, в том самом, который был отвоеван у Бурафарныга), во дворе которого горит ритуальный костер [Нарты-I: 128; Нартæ: 279], символизировавший обновление сил солнца и всей природы. Это подтверждает вывод о том, что центр нартовского села считался наиболее сакральной его частью, обладание им означало владение сакральной и светской властью. На этом фоне весьма показательным, что Вархаг и его сыновья жили в соседнем ущелье, а не в центре нартовского мира.

Как видим, раздел имущества между сыновьями Бора и последовавшая за ним война напрямую связаны с проблемой «престолонаследия». При этом перед нами разворачивается картина становления военной элиты: сразу после выделения из среды рядовых

общинников она еще ничем не отличалась от остальных сыновей Бора и занимала менее престижное положение, чем Бурафарныг. Они, к тому же, не совершали набегов, т. е. не имели той специализации, которая станет их отличительной чертой. Когда со временем у потомков Вархага проявился преимущественный интерес к военному делу, то вместе с этим появилась и претензия на социальное лидерство¹⁷, что и подтолкнуло их к войне с многочисленными сородичами. О том, что единственным властодержцем в стране нартвов был Бора, который передал свою власть вместе с домом и имуществом, можно судить и по упомянутому карачаевскому сказанию, в котором нартвовский пастух Чюелди стал правителем нартвов благодаря тому, что женился на единственной дочери Бора-батыра [НБК: 536-537].

Таким образом, краткая история первых поколений нартвов сводится к следующему. Первопредок нартвов имел трех сыновей, один из которых, Бора, стал родоначальником трех нартвовских родов. Бора жил в центре нартвовского мира и был лидером общества. Ему наследовал его младший сын Бурафарныг, носитель третьей социальной функции (как и сам Бора). Однако тот из братьев, который со временем стал носителем второй функции и который, после отделения от остальных братьев, вынужден был покинуть отцовский дом, попытался захватить власть силой. Эти попытки вначале терпели неудачу, однако после того, как военная элита окрепла, она добилась своей заветной цели.

Любопытно отметить, что поколение Ахсартагата, пришедшее на смену Ахсартагу после захвата власти у Бурафарныга, спорит уже о первородстве. Это – Урузмаг и Хамиц, не уступавшие друг другу право жениться первым. Урузмаг хитростью завладел этим правом, а сразу после женитьбы стал управлять нартвовским обществом¹⁸. Этот сюжет напоминает библейскую историю о близнецах Исаве и Иакове, первый из которых в качестве старшего претендовал на благословение отца и наследование его имущества. Однако, воспользовавшись голодом Исава, Иаков купил у него право первородства за чечевичную похлебку (Бытие, 25, 29-34). Если учесть, что, согласно большинству вариантов сказания о рождении Ахсара и Ахсартага, последний

является младшим братом и вместе с тем он, судя по всему, и должен был воспользоваться плодами их совместных трудов по захвату власти, то можно заключить, что майорат в стране нартвов утвердился только после свержения Бурафарныга. И хотя Ахсартаг погиб, не побывав в кресле правителя, следует предположить, что его имя потому и закрепилось за родом воинов, что он, в отличие от своего отца, Вархага, и брата, Ахсара, номинально стал правителем. «Крестьянская» традиция наследования имущества и власти уступила место «аристократической» и вместе с этой переменной конфликт между родами уступил место конфликту за первородство внутри рода воинов.

Что касается остальных поколений нартвов, появившихся после Урузмага и Хамица, то необходимо учесть следующее. Во-первых, у нарта Сослана, считавшегося приемным сыном Урузмага и Сатаны, были сыновья, носившие имена *Хъайтар* и *Битар* [ПНТО 1925: 49; Къубалты 1978: 170]. Во-вторых, согласно большинству сказаний, в момент рождения Батрадза Сослан был зрелым мужчиной. Следовательно, Батрадза необходимо причислить к поколению нартвов, представленному сыновьями Сослана. Таким образом, родословное древо Нартиады должно насчитывать, как минимум, семь поколений: 1) Савасса (или Хъуырыс); 2) Бора (и его братья); 3) Вархаг (и его братья); 4) Ахсар и Ахсартаг; 5) Урузмаг и Хамиц, а также Сатана и другие; 6) сыновья Урузмага, а также Сослан, Сырдон и другие; 7) сыновья Сослана и Батрадз. Разумеется, не все сказания поддерживают эту генеалогию, однако она верна для большинства из них.

Крайне интересно, что в борьбу между родами Бората и Ахсартагата вовлечены практически все поколения нартвов, за исключением, может быть, двух первых¹⁹. По существу, нартвовский эпос – это описание борьбы за власть между представителями родов Бората (точнее – «младших» Бората) и Ахсартагата, или «старших Бората». Иначе говоря, это борьба между военной элитой и рядовыми общинниками [Дюмеэль 1976: 211-218]. Следовательно, борьба за власть – это основной конфликт нартвовского эпоса. А этот вывод позволяет высказать следующее предположение о генезисе ядра Нартовского эпоса.

В свое время Л. А. Лелеков предпринял плодотворную попытку реконструировать праиранский эпос, не сомневаясь в том, что отдельные фрагменты нартвовского эпоса также восходят к вариантам общеиранского эпоса [Лелеков 1979: 173]. Говоря о генезисе эпоса древних

¹⁷ Хорошо известно, что «именно из среды воинов (кшатриев и т. п.) выбирались вожди индоиранцев» [Акишев 1984: 71]; «воины-всадники у индоиранских народов относились к правящей прослойке. Из их среды и ими самими выбирались вожди племен и союзов, которые у восточных иранцев выполняли и верховные жреческие функции» [Акишев 1984: 121]. «Тот факт, что все священные атрибуты в скифской легенде попадают в руки одного персонажа – мифического первого царя Колаксия, отражает главенство военной аристократии, и прежде всего самого царя, над другими социальными слоями» [Раевский 1977: 72].

¹⁸ Этой теме я надеюсь посвятить отдельную работу.

¹⁹ Что касается участия в этом конфликте последних поколений нартвов, то сравните попытку представителей рода «младших» Бората убить во время пира престарелого Урузмага и роль Батрадза (в вариантах также Сослана) в деле его спасения.

иранцев, Л. А. Лелеков подчеркнул, что «целый ряд тем, образов, даже эпитетов, атрибутов, мотивировок унаследован иранским эпосом от общеиндоевропейских прототипов. Такова тема смертельной распри двух родственных племен. Она лежит в основе Махабхараты, Илиады, Песни о Нибелунгах, Шахнаме, кельтских эпических циклов» [Лелеков 1979: 183]. Далее последовал вывод, справедливость которого, в свете сказанного выше, может быть поставлена под сомнение: «Унифицированной реконструкции иранского эпоса мешают нартовские предания. Они выросли целиком на почве родового уклада, сильно сглаженного в Авесте, Шахнаме и Махабхарате. В нартовском эпосе нет идеалов государственности и гипертрофии легитимизма. Высшая административная единица – село. Главный социально-политический институт, почти не отраженный иными архаическими текстами Ирана, особенно в Авесте, – народное собрание, “ныхас”» [Лелеков 1979: 183-184]. И, наконец, Л. А. Лелеков приходит к следующему выводу: «Движущий мотив нартовского эпоса – борьба за скот, т. е. за источник благ, а иранского эпоса – за власть» [Лелеков 1979: 187].

Этот вывод свидетельствует о недостаточной изученности нартовского эпоса. На самом деле в нартовском эпосе хорошо описаны представления, как минимум, о зачатках «царской» власти (ритуальный брак с богиней; принесение в жертву своих сыновей ради обновления своих сил и сил всей природы), а также конфликт между этой властью и «ныхасом». К этому списку необходимо добавить и борьбу за власть, отраженную в сюжете «смертельной распри двух родственных племен», Ахсартагата и Бората, являющуюся сквозной темой для сказаний, описывающих пять поколений нартов и, следовательно, основным конфликтом нартовского эпоса. Параллель к этому конфликту видят также в скифском фольклоре, в сообщении Плиния (VI, 50) о народе напеев, уничтоженном палеями: палеи, как и Ахсартагата, являются носителями военной, а напеи, как и Бората – производственной функции [Раевский 1985: 232].

Цитированный пассаж о напеех, по мнению Д. С. Раевского, «в несколько искаженном виде отражает отношения господства-подчинения между палами и напами, их взаимную иерархию, и находит многочисленные аналогии в мифопоэтической традиции разных индоевропейских народов, также повествующей о сложении сословно-кастовой иерархии и связывающей этот процесс с военным поражением представителей подчиненных групп» [Раевский 1977: 76-77].

Параллель между нартовским сказанием и скифским преданием, приведенная Д. С. Раевским, убеждает в том, что корни генеалогического древа Нартиады также уходят в скифский фольклор. Остается добавить, что и «этноним» напы (Νάπται) по своему

внутреннему содержанию родствен родовому имени Бората. Д. С. Раевский высказал догадку об этимологическом родстве этого скифского этнонима с авестийским *nāfa*, среднеперсидским *nāβ*, означающим, с одной стороны, «пуповина», а с другой – «сородичи, община» [Раевский 1977: 76]. У скифов этот термин мог обозначать коллектив типа патронимии, подтверждение чему Д. С. Раевский видит в следующем сообщении Стефана Византийского: «Напис – поселение в Скифии, житель – напат или Напит – поселение; и напитки – этникон» (Steph. Byz. s. v. Νάπις) [Раевский 1977: 186 сл.]. Высказав предположение о том, что скифские поселения могли быть организованы по патронимиям, Д. С. Раевский заключает: «Таким образом, деление скифов на палов и напов являет полное типологическое тождество с членением древнеиндийского общества на кшатриев и вайшьев, так как название последних также возводится к *vis* – “община”» [Раевский 1977: 76-77]. С аналогичными представлениями связано, видимо, отождествление рода Бората с целым народом в одном из нартовских сказаний. Как-то во время спора за чашу Ардамонга нарт Батрадз заставил Бораевых наполнить ее водой. Сказитель так сообщает об этом: *Æмæ æгас адæмæн – æнæхъæн Борæтæн – райдыдта дон хæссын кæнын* «И заставил весь народ – всех Бораевых – таскать воду» [ИАС-I: 241]. Напы-«община» и Бората-«народ» – это отражение совершенно идентичных представлений о роли носителей третьей функции, как основы всего общества, из которого вышли все остальные социальные страты. Следовательно, через скифское предание о палеях и напеех (палах и напах) ядро нартовского эпоса, центральным конфликтом которого является борьба за власть между родами Ахсартагата и Бората, восходит к общеиранскому эпосу.

* * *

Подведем итог. Существующие фольклорные источники позволяют, как представляется, считать вопреки устоявшемуся мнению родоначальником нартов не Вархага, а Бора. Именно Бора приходится отцом трем сыновьям, из которых самый младший, согласно обычаю минората, сохраняет его имя, а два старших – Алаг и Вархаг – отделяясь, дают начало новым родам. Поскольку же традицию минората обычно связывают с крестьянской средой, то всех прямых потомков Бора следует считать общинниками, имевшими одинаковый социальный статус земледельцев и скотоводов. Так что каждый из выделившихся братьев лишь впоследствии приобрел соответствующую «специализацию», соотносимую с индоевропейскими социальными функциями. Борьба же между родами за главенствующее положение в обществе может по праву считаться одной из главных тем Нартиады.

Источники:

- Архив* – Архив Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвал.
ИАС-I – Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. I. Дзæуджыхъæу, 1961.
ИАС-II – Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. II. Дзæуджыхъæу, 1961.
Нартæ – Нартæ. Цхинвал, 1975.
Нарты-I – Нарты. Осетинский героический эпос. Т. I. М., 1990.
Нарты-II – Нарты. Осетинский героический эпос. Т. II. М., 1989.
НБК – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.
НК – Нарты кадджытæ. Т. I. Дзæуджыхъæу, 1989.
НТХ – Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ. Цхинвал, 1973.
ОНП – Осетинские народные песни. М., 1964.
ОРФ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Фонд «Фольклор».
ПНТО 1925 – Памятники народного творчества осетин. Т. I. Владикавказ, 1925.
ППКО-IV – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Вып. 4. Цхинвал, 1989.
Туаты 1969 – Туаты Д. Уацмыстæ. Т. I. Дзæуджыхъæу, 1969.
ХИФ 1936 – Хуссар Ирыстоны фолклор. Сталинир, 1936
ХИФ 1940 – Хуссар Ирыстоны фолклор. Сталинир, 1940.

Литература:

- Абаев 1949* – Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М; Л., 1949.
Абаев ИЭС-I – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958.
Абаев ИЭС-IV – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
Абаев 1990 – Абаев В. И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990.
Акишев 1984 – Акишев А. Искусство и мифология савов. Алма-Ата, 1984.
Алборов 1930 – Алборов Б. А. Термин «Нарт» (К вопросу о происхождении нартского эпоса). Владикавказ, 1930.
Алборов 1979 – Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
Бзаров 1993 – Бзаров Р. С. История в осетинском предании: сюжет о Чермене. Владикавказ, 1993.
Ванеев 1990 – Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. II. Цхинвал, 1990.
Гаглойти 1974 – Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974.
Гаглойти 1977 – Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвал, 1977.
Гаглойти 1989 – Гаглойти Ю. С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1989.
Герценберг 1981 – Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981
Дюмезиль 1976 – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
Калоев 1957 – Калоев Б. А. История записи и публикации Нартского эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.
Калоев 1971 – Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.
Калоев 1992 – Калоев Б. А. Уархаг // Мифы народов мира. Т. II. М., 1992.
Ковалевский 1886 – Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т. I. М., 1886.
Косвен 1936 – Косвен М. О. Из истории родового строя в Юго-Осетии / Советская этнография. 1936. № 2.
Къубалты 1978 – Къубалты А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 1978.
Леви-Строс 1983 – Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
Лелеков 1979 – Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса / Народы Азии и Африки. 1979. № 3.
Магометов 1968 – Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
Магометов 1974 – Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
Мамиев, Сланов 2004 – Мамиев М. Э., Сланов А. А. Сводь осетинских тамг / Историко-филологический архив, № 1. Владикавказ, 2004.
Мелетинский 1957 – Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.
Миллер 1881 – Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 1. М., 1881.
Нигер 1968 – Нигер. Уацмыстæ. Т. III. Дзæуджыхъæу, 1968.
Раевский 1977 – Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
Раевский 1985 – Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
РКБС – Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.
Туганов 1977 – Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
Фрэзер 2003 – Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 2003.
Хазанов 1975 – Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
Чурсин 1925 – Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис, 1925.
Bailey 1979 – Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
Bailey 1980 – Bailey H. W. Ossetic (Nartæ) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1970.
Cheung 2000 – Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Leiden, 2000.
Littleton, Malcor 1994 – Littleton C. S., Malcor L. A. From Scythia to Camelot. A Radical Reassessment of the Legends of King Arthur, the Knights of the Round Table, and the Holy Grail. New York; London, 1994.

Р. Ф. Фидаров

Индоевропейский основной миф в нартовском эпосе осетин

Начало изучению «грозовых мифов» в мифологической системе осетин было положено Жоржем Дюмезилем в работе «Сказания о нартах», увидевшей свет в 1930 г. Ж. Дюмезиль установил черты Грозового божества в образе нарта Батраза, выявил параллели между Батразом и Индрой – Громовержцем ведийской мифологии. В подтверждение своих выводов исследователь приводит ряд нартовских сюжетов (в том числе сюжет, который строится на конфликте между Батразом и сыном Уайыга, стремящимся расстроить танец нартов) [Дюмезиль 2001: 66-75]. Следует, однако, отметить, что выдающийся французский ученый ограничился выявлением образа Грозового божества в осетинской традиции и не ставил задачу реконструкции общего контекста мифа. Идеи Ж. Дюмезиля были поддержаны и развиты В. И. Абаевым [Абаев 1990: 184-187] и другими исследователями.

Между тем изучение «мифологии грозы», имеющей распространение в различных традициях, и в первую очередь индоевропейских, привело к расширению представлений о значении мифа о Громовержце для реконструкции индоевропейской мифологии. Мифологической теме Громовержца и его противника был посвящен фундаментальный труд В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Исследования в области славянских древностей» [Иванов, Топоров 1974]. В этой работе на основе обширного языкового, фольклорного, этнографического и археологического материала реконструируется детальная схема мифа – в первую очередь в славянской его версии. В. В. Иванов и В. Н. Топоров считают, что в центре всей индоевропейской мифологии стоит миф о «втором творении», связанный с Громовержцем и его противником, другие же мифы (в том числе миф о «первом творении») либо занимают периферийное положение, либо являются трансформациями этого мифа, либо сводимы к его схеме. Поэтому для обозначения мифа о борьбе Громовержца и его противника был предложен термин «основной миф» [Иванов, Топоров 1974: 164], закрепившийся в литературе. Соответственно, и главный годовой – новогодний – ритуал иногда называют «основным».

Основной миф индоевропейской мифологии [Иванов, Топоров 1974; Иванов, Топоров 2000: 530] является воплощением универсальной мифологемы

о циклическом повторении акта космического творения, подразумевающего идею о вечном обновлении и очищении Космоса и общества. В мифологиях эта идея выливается в поединок Громовержца с носителем деструктивных и хаотических начал (Змеем или иным персонажем). В результате победы Громовержца в поединке устраняется угроза Космосу, открывается путь к плодородию и богатству. Основной миф воспроизводился в ритуалах, приуроченных к празднованию Нового года. По представлениям мифопоэтической эпохи, все, что создано в результате акта творения (Космос на всех уровнях: макрокосм – природный космос, мезокосм – социум, микрокосм – человек) обладает наивысшей сакральностью, будучи творением Бога, однако эта сакральность постепенно теряется и Космос возвращается к своему первоначальному недифференцированному состоянию. Критический момент (максимум энтропии) наступает в последний день старого года, когда наступает угроза существованию Космоса. Для обновления и поддержания космического порядка исполняется особый переходный ритуал, в котором воспроизводится космогонический акт и который является воплощением мифа [см. Элиаде 2000: 287-289]. Космогонический акт является прецедентом не только для новогодних ритуалов, но для ритуала вообще, поскольку цель любого ритуала в конечном итоге поддержание (восстановление) космического порядка. Космогоническая драма в представлении человека мифопоэтической эпохи является образцом для всей народной культуры [Топоров 1988: 15], а «всякая победа над захватчиком воспроизводит победу Бога над драконом (т. е. над Хаосом)» [Элиаде 2000: 274]. В эпосе же борьба героя с чудовищем остается центральной темой, «продолжающей традиции собственно мифологического повествования, причем (...) интерпретация этой борьбы в мифе и эпосе продолжает осмысляться, как защита космоса против хаоса» [Мелетинский 1976: 211].

Проявления основного мифа можно обнаружить в разных жанрах осетинского фольклора. И тема основного мифа в последние годы появляется в работах ряда исследователей, посвященных мифологическим корням народной культуры [см.: Газданова 1998: 250-251; Газданова 2003; Дарчиев 2004: 228-229; Дарчиев

2005; Туаллагов 2001: 103]. Высказанное в свое время мнение о том, что попытки реконструкции основного мифа на осетинских материалах малоперспективны [Лелеков 1980: 121-122], следует признать не соответствующим реальности. Более того, в ряде сюжетов осетинского фольклора основной миф проступает весьма рельефно и ярко (см., напр., НК-2: № 54; ОЭ-1: 138), подтверждая актуальность осетинских материалов в том числе и для исследователей индоевропейской мифологии.

В предлагаемой работе не ставится задача реконструкции осетинской версии основного мифа во всех его составляющих и с привлечением максимального числа источников. Мы намерены рассмотреть лишь один эпический сюжет, который, тем не менее, является, на наш взгляд, непосредственным воплощением основного мифа. Речь идет о нарттовском сказании, где на симде нартов происходит столкновение между эпическим героем Батразом и сыном Уайыга – носителя хаотического принципа в осетинском эпосе. Сказание представлено следующими текстами [НК-1: № 137; НК-III: №№ 37, 38, 40, 42, 43, 44, 45; Прил. № 3; ИАС-1: № 74]¹, еще в двух случаях эта тема присутствует в трансформированном виде и выполняет функции, диктуемые конкретными сюжетами [НК-III: №№ 20, 55, 103]. Кроме эпических текстов, привлечены также описания осетинского народного танца «симд» [Туганов 1977: 71-72, см. также Алборов 2005: 361; Айларты 1996: 482-483].

Танец «Нæртон симд»

Описание традиционного танца *Нæртон симд* или *Æддæгуæллæ кафт* (букв. «танец один поверх другого») и сопутствующих ему общественных праздничных мероприятий, сделанное М. С. Тугановым, не оставляет сомнений в архаичном ритуальном характере и содержании этого танца, впрочем, как и других старинных народных танцев, исполнявшихся по разным поводам [Туганов 1977: 68 и далее; Уарзиати 1988]. Известно, что изначально все танцы имели ритуальный смысл [Элиаде 2000: 41-42]. Установлено, что само слово *симд* имеет ритуалистический смысл [Абаев 1990в: 453].

Танец *Нæртон симд* достаточно подробно описан и в различных аспектах рассмотрен в работах ряда авторов [Абаев 1979: 107-110; Абаев 1990в: 448-456; Уарзиати 1988: 175-181; Уарзиаты 1995: 169-175; Чочиев 2000: 240-242; Грикурова 1961: 129-150], поэтому мы, не повторяя описание, приведем лишь некоторые особенности танца, интересные для наших целей.

1. Танец *Нæртон симд* исполнялся исключительно мужчинами в возрасте 30-45 лет. М. С. Туганов называет танец «общеродовым», в нем принимала участие «вся округа» – до «200 и более человек». Очевидно, здесь речь идет об исторической осетинской гражданской общине, совокупность представителей которой представляла собой целостный общественный организм – община имела все гражданские институты, в том числе «религиозный центр с общинным святилищем» [Бзаров 1988: 31-32; Бзаров 1994: 42-44]. Сказанное означает, что с позиций мифопоэтического мировоззрения, осетинскую гражданскую общину можно рассматривать как модель социального космоса (мезокосм) со всеми необходимыми атрибутами. В связи с этим заметим, что Р. С. Бзаров соотносит принципы, по которым создавались осетинские гражданские общины, с древней арийской идеологией [там же]. Добавим, что возрастная категория 30-45 лет в традиционном осетинском обществе составляла класс наиболее полноправных и дееспособных мужчин, на которых лежала основная ответственность за выживание и процветание общины [Чочиев 1985: 77].

И. Х. Айларов пишет, что танец *Нæртон симд* в праздники соответствующего уровня устраивался на всех ступенях социальной структуры Осетии (*сых* «квартал», *хъæу* «село», *комбæстæ* «общество») вплоть до общесетинских собраний (*Иры цумæйаг дзыллон симд* «общественный народный симд Осетии»). Туда на общенациональные праздники попадали прошедшие многоступенчатый отбор наиболее достойные представители осетинских обществ [Айларты 1996: 482]. Обратим внимание на то, что схема формирования общесетинского симда повторяет схему комплектации Общесетинского народного собрания (*ныхас*)².

2. Танец исполнялся один раз в году под Новый год, являлся важным ритуально-сакральным компонентом в комплексе праздничных мероприятий. Он сопровождался обращениями к богу и ритуальным молением-пиршеством (*куывд*).

3. Наконец, остановимся на композиционном построении и рисунке танца. *Нæртон симд* – танец круговой, танцующие располагались в два яруса, танцоры верхнего регистра стояли на плечах нижнего. По представлению осетин, у «подлинных нартов» танцоры верхнего яруса брали себе на плечи еще и телят и жеребят [Туганов 1977: 72]. Эти телята и жеребята составляли верхний уровень в композиционном рисунке танца. Есть также свидетельство исполнения танца в три яруса, верхний третий регистр располагался на плечах танцоров второго яруса [см. Айларты 1996: 483; Уарзиаты 1995: 173]. Танец исполнялся

¹ На русский язык переведены тексты: НК-3: № 37 (см. Н-2: 80); НК-3: № 42 (см. Н-2: 81) и НК-3: Прил. № 3.

² Функции и значение танца *симд*, как социального феномена, нуждаются в особом исследовании.

под пение [см. ПНТО: 120]. Движение медленно начиналось вправо, потом направление менялось на обратное. Через какое-то время танцоры двух регистров менялись местами.

Обратим внимание на три момента.

Первое. В. С. Уарзиати считает, что «в вертикальной структуре трехъярусного симда получило сакральное отражение древнее представление индоиранских племен о трех космических плоскостях» [Уарзиати 1995: 174]. Мы согласны с таким выводом и поддерживаем идею о том, что танец *Нæртон симд* является воспроизведением в ритуале средствами хореографии трихотомической вертикальной модели космического пространства. С другой стороны, по законам мифологического мышления, круг, который образует коллектив, исполняющий танец симд, служит структурированию пространства, организации Космоса: «основным способом ориентации (в пространстве. – Р. Ф.) является круг. Центр представляется как средоточие сакральности. Это точка, где совершался акт творения, воспроизводимый в ритуале, где проходит мировая ось (*axis mundi*) (...), где находится алтарь и приносятся жертвы» [Елизаренкова 1999: 472]. Таким образом, танец воспроизводит также горизонтальную структуру Космоса.

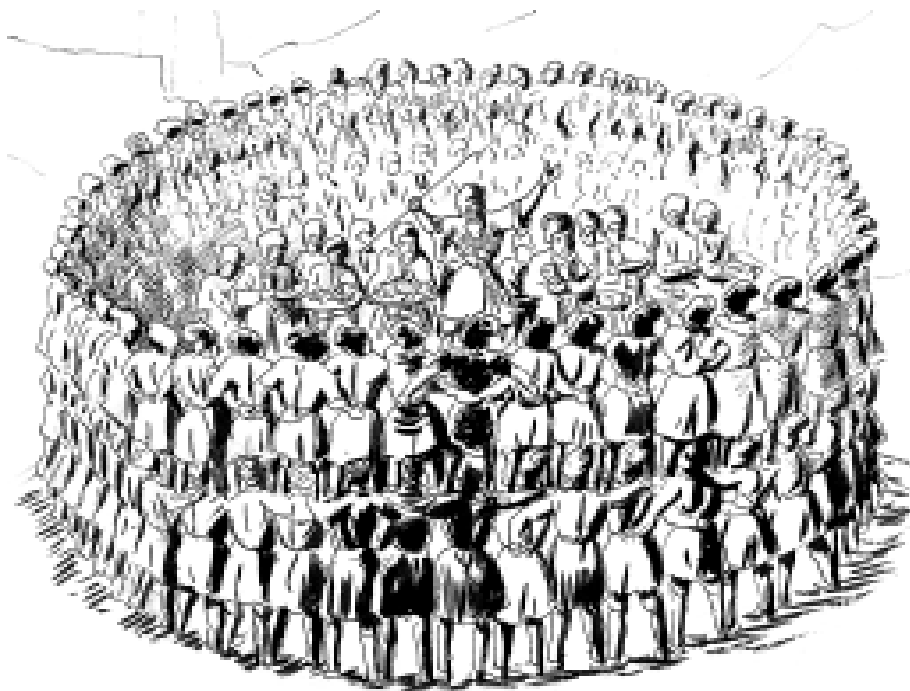
Второе. В. С. Уарзиати видит в «бычках и жеребятках», которые во время танца находились на плечах танцоров второго яруса и составляли верхний уровень в симде, «персонификацию астрально-солярного культа» [Уарзиати 1995: 173]. Мы считаем, что эти животные, обозначающие в танце и моделируемом им Космосе третий верхний уровень или зону, символизировали плодородие и богатство. Танцующие, представляющие весь социум на праздновании Нового года, должны были вымолить у Бога и получить эти блага в виде воплощающих их животных. В конце песни (или отдельных куплетов песни) верхний ярус танцующих обращался к нижнему: *бакувут* – «взмолитесь», нижний ярус отвечал рефреном *æрæфтут* (*æрæфтутæ*) – «достаньтесь нам, достигните нас» или *дæлæмæ æрхаут* – «вниз ниспадите (к нам)» [Чочиев 2000: 241]. В изложенном А. Р. Чочиев видит «просьбу о наделении Благом» и, как пишет В. С. Уарзиати, «исполняющие симд находят Божью милость», она, символизируемая животными, составляющими верхний ярус в танце, в итоге достается участникам танца.

Третье. В наборе бинарных семантических оппозиций левая сторона маркирует отрицательный полюс. Не означает ли чередование движения танцоров в *Нæртон симд* направо и налево, что в последний день старого года Космос находится в критической ситуации, подвергается деградации, и силы Хаоса временно берут верх.

Танцы и хороводы ритуального характера известны у многих народов Кавказа [см. Уарзиати 1988]. Культовые хороводы, в том числе в два или три яруса, отмечались у грузинских племен, причем у тушинцев «исправное исполнение *корбегела* (двухъярусный хоровод. – Р. Ф.) служило залогом изобилия урожая, размножения скота, благополучия и счастья людей» [Бардавелидзе 1957: 55, 56].

Сакрально-религиозный аспект танца *Нæртон симд* рассматривался в работах В. С. Уарзиати и А. Р. Чочиева. На обрядовый характер танца *симд* указывал В. И. Абаев: «по-видимому «симд» имел у нартов какое-то ритуальное значение» [Абаев 1979: 108; Абаев 1990в: 449]. Ж. Дюмезиль пишет об особом религиозном и общественном значении танца и, в частности, танца у нартов [Дюмезиль 1930: 74, прим.]. Заметим, однако, что В. И. Абаев считал симд настолько темпераментным и бурным танцем, что он мог, якобы, заканчиваться различными инцидентами с трагическим для отдельных участников исходом [Абаев 1990: 227; он же, 1990в: 449]. Ж. Дюмезиль же пишет о танце симд: «Эти пляски воинственные, часто приводящие к поединкам и убийствам...» [Дюмезиль 2001: 74, прим.]. Оба они обосновывают означенный тезис ссылкой на упомянутое эпическое сказание о симде нартов ...

Невозможно себе представить, чтобы танец симд, исполнявшийся в праздники и имеющий сакрально-ритуальный смысл, мог служить ареной для выяснения отношений, в том числе с использованием крайних аргументов. Достаточно вспомнить, что одной из целей ритуала вообще является гармонизация отношений в обществе. Трудно допустить, что и в эпосе симд представлялся сценой для заурядных столкновений и конфликтов. Попытаемся понять, что ввело в заблуждение выдающихся исследователей и знатоков осетинского эпоса. В сюжете, действительно, на фоне симда рисуются сцены силового противостояния нартов и сына Уайыга [НК-III: №№ 37, 38, 40, 42, 43, 44, 45; Прил. № 3; ИАС-I: № 74]. Кроме того, В. И. Абаев в подтверждение бурного характера танца приводит известное в фольклоре выражение: *simd ystyng i* 'симд усилился, стал напряженным' [Абаев 1979: 108; он же, 1990в: 449]. Это при том, что о симде пишут как о танце «медленном и величавом» [Туганов 1977: 77], отличающемся «торжественностью и величавостью движений» [Грикурова 1961: 129]. Мы считаем, что приведенная В. И. Абаевым фраза обозначает кульминационную фазу танца, когда в него вовлечены уже все участники, и все присутствующие через ритм танца охвачены сакральным смыслом происходящего действия, когда участвующие в ритуале начинают ощущать себя частицей глобального, космогонического акта, «участниками мифа» [Елизаренкова 1999: 458]. В этом действе,

Худ. М. С. Туганов. « ».

Худ. М. С. Туганов. Танец-соревнование.

Худ. А. В. Джанаев. Симд нартов.

конечно же, нет места конфликтам и столкновениям. Нарушение же общественного порядка во время исполнения торжественных общественных мероприятий встречало у осетин крайне негативную оценку.

Сказание о симде нартов

Обратимся, однако, к упомянутому нартовско-му сказанию; для начала напомним незамысловатое на первый взгляд содержание сюжета.

Нарты устраивают свой излюбленный танец симд. За танцем нартов с горы (холма) наблюдает сын Уайыга. Пренебрегая предостережениями отца, он спускается к нартам с намерением учинить над ними насилие, подвергнуть их унижениям. Он бесчинствует, многим причиняет увечья. Нарты не могут ему противостоять, строй танца распадается.

На второй день с неба спускается нарт Батраз, который, приложив определенные усилия, возобновляет танец (симд). Затем вновь, с прежними намерениями появляется сын Уайыга, однако на сей раз ему противостояет Батраз, который вовлекает его в танец и в ходе танца калечит его самого. Стройное течение танца на этот раз не нарушено. Сыну Уайыга с трудом удается добраться до своего дома.

Изображенное в сюжете столкновение между нартами и сыном Уайыга, конечно, происходит на фоне симда нартов, однако это столкновение не бытовое и не рядовое. Этот конфликт даже не эпического или исторического порядка, здесь мы имеем дело с конфликтом мифологического плана, космогонического содержания. В свете представления о симде как образе Космоса, для начала заметим, что нападению сына Уайыга подвергаются не нарты, как таковые, а симд нартов. Намерение спуститься к нартам у сына Уайыга появляется только в те моменты, когда он видит, что нарты затеяли танец. Вторжение сына Уайыга в круг танца следует рассматривать как столкновение хаотического начала с упорядоченным Космосом.

В текстах действие, которое устраивают нарты на площади игр и которое привлекает внимание сына Уайыга, может быть обозначено не только словом 'симд' [НК-III: №№ 40, 44, 45, 103, Прил. № 3], но устойчиво и словом 'хъазт' [НК-III: №№ 37, 43, 44; ИАС-I: № 74]. В. И. Абаев приводит, между прочим, следующие значения слова: 'игра', 'пляска', 'танцы', 'джигитовка', 'состязания в стрельбе' [Абаев 1973: 275]. В эпосе этим словом также обозначаются не только танцы, но и публичные (исполняемые коллективно)

воинские упражнения, джигитовка³. В этих общественных мероприятиях усматривается ритуалистический характер, не лишено ритуалистического окраса и само слово 'хъазт'. Такое утверждение можно аргументировать параллелями из других этнических традиций [Топоров 2005: 282].

Что касается места (*хъазæн фæз, хъазæн лæггъз, зилахар*), где нарты исполняют ритуальные мероприятия (*хъазт, симд, кафт* и др.), то очевидно, что эти мероприятия только в том случае будут иметь результат, если они проводятся в сакрально отмеченном месте⁴. Итак, площадь игр – сакральный центр нартов, правильнее будет сказать: один из сакральных центров. Ниже мы вернемся к этому вопросу, здесь же заметим, что «хъазт» вместо «симд» в текстах и «хъазæн фæз», как сакральный центр, по праву занимают свое место в сказании и не создают трудностей в понимании сюжета. Вместе с тем в слове 'хъазт', безусловно, присутствует фоновое значение 'состязательности, соревнования, борьбы'. Идея состязания присутствует в демонстрации владения конем, воинских упражнениях (все это *хъазт*), и эти действия в фольклоре ритуально окрашены, как и само понятие 'хъазт'. Обнаруживается идея состязательности и в сфере, связанной с погребальной ритуалистикой (*дугъ* 'обрядовые скачки на похоронах'; *хъабахъ* 'стрельба по цели, устроенная в честь покойника'), однако в погребальной обрядности слово 'хъазт' не применимо (не с этим ли связано то, что для этих понятий используются слова заимствованные?).

В ритуальном танце, изображаемом в сюжете, безусловно, также присутствует дух борьбы, состязания, соревнования. Не случайно Б. А. Алборов замечает, что исполнение танца «требует большой силы, выносливости, тренировки, ловкости» [Алборов 2005: 361]. Об этом же пишет М. С. Туганов: в танце участвовали лица, «которые отличались и силой, и ловкостью» [Туганов 1977: 71]. И. Х. Айларов при описании атмосферы, господствующей во время танца, прямо использует слово *ерыс* «соревнование, состязание» [Айларовы 1996: 482]. Не впадаем ли мы в противоречие? Не подразумевается ли момент соперничества и противостояния в симде? Полагаем, что нет. Коллективный ритуальный танец, направленный на решение задач, стоящих перед всем обществом, не оставляет места для соперничества: действия коллектива направлены на достижение общей цели. В чем же смысл состязательности, борьбы в симде, а также в *хъазт* вообще, как ритуальном действе, или в *хъабахъ* и *дугъ*? Для достижения своих целей ритуал должен быть исполнен не только при максимальной

³ Эпическую игру в кости следует рассматривать особо, игра в кости подразумевает хитрость, нечестные приемы, и она непосредственно не приводит к установлению порядка.

⁴ И. Х. Айларов пишет об особых площадях для исполнения симда' (*сæрмагонд фæзтæ симынæн*) для различных уровней социального устройства традиционной Осетии, начиная от сельских и до общеосетинской.

организованности и участия всего коллектива, но и на высоком уровне напряжения человеческих сил: духовных, творческих, эмоциональных и физических [см. Топоров 2005а: 549]. Высокие (решающие для Космоса) цели ритуала невозможно достичь легкими средствами, они достижимы только в том случае, если «активность мифопоэтического переживания мира» [Топоров 1988: 19] достигает предела. Очевидно, в этом смысле и следует понимать выражение *симд стынз* и «симд усилился, стал напряженным», на которое обратил внимание В. И. Абаев (см. выше).

В общественном ритуальном танце дух соревновательности, борьбы может быть направлен только на общего врага, а поскольку в танце моделируется Космос, то этот общий враг – враг Космоса. По-видимому, такое представление о танце симд дает основание говорить о семантическом соответствии осетинского *simyn:simd | semun:sind* и ведийских слов с основой *sam-* [см. Топоров, 2005а: 563]. Думается также, что не следует искать истоки такого архаичного ритуального термина, как осетинское «симд» в иной языковой среде.

Таким образом, нет никаких оснований считать *Нæртон симд* танцем, где возможно столкновение интересов участников, где испытываются удаль и сила отдельных танцоров. В то же время в эпосе ярко представлены мужские танцы-соревнования, однако это не симд [ИАС-I: № 41; Н: №№ 44, 121; Н-II: XIV, Прил.]. Заметим сразу, что в этом случае эпос разводит танцоров: эти танцы сольные и исполнение их выносится на суд зрителей. Танцы-соревнования нартского эпоса предваряют события, заканчивающиеся женитьбой героя. Иными словами, в этом случае танец является испытанием, которое выявляет лучшего жениха.

Нартский сюжет и основной миф

Сопоставим наши материалы с основным мифом индоевропейской мифологии, при этом используем индоарийскую (ведийскую) версию этого мифа, поскольку, во-первых, наука имеет о нем более полное и детальное представление, а, во-вторых, давно установленная близость традиций осетин и ведийских ариев дает надежду на перспективность сопоставления наших материалов с древнеиндийскими.

Основной миф ведийской мифологии отражает идею борьбы грозного божества Индры с силами «Хаоса, неопределенности, деструкции» за сохранение (точнее, воссоздание) мирового порядка [РВ. I, 32 и др.]. По представлению ведийских ариев, «в соответствии с циклической концепцией времени, основной миф должен был воспроизводиться в ритуале каждый год, поскольку в последний день Старого года силы хаотической стихии временно берут верх», «Космос возвращается к своему прежнему недифференцированному состоянию, к Хаосу, и особый ритуал перехода должен был заново воссоздать из Хаоса Космос» [Топоров 1976: 3]. И если силам Хаоса принадлежит последний день Старого года, то его противнику – Громовержцу Индре – первый день Нового года, когда побеждает космическое организующее начало [там же: 11]. Победа Индры над Вритрой, олицетворяющей силы Хаоса в ведийской мифологии, «приравнивается к победе космического динамического начала над косным Хаосом, а результаты победы – к устройению ведийского мира» [Топоров 2000а: 533].

Основной миф в ведийской мифологии	Реконструируемый осетинский миф
Особый переходный ритуал приурочен к последнему дню Старого года – первому дню Нового года.	Отражающий миф ритуальный танец <i>Нæртон симд</i> и сопутствующие мероприятия приурочены к новогодному празднику.
В последний год Старого года силы Хаоса временно берут верх над Космосом.	<i>Нæртон симд</i> , являющийся пластической моделью Космоса и исполняемый под Новый год, прерывается внешней грубой силой – вторгшимся к нартам сыном Уайыга.
На следующий день – в первый день Нового года – Громовержец Индра вступает в борьбу со своим противником, воплощающим силы Хаоса, и побеждает его.	На следующий день с неба спускается Батраз – осетинский собрат Индры [Дюмезиль 2001: 66, 73] – и одерживает верх над сыном Уайыга.
В результате победы Индры восстанавливается Космос, открывается «путь к плодородию и богатству».	Батраз восстанавливает танец «симд» (читай: Космос). Участники танца (социум) в новогоднем ритуале получают символы плодородия и богатства.

Разительные совпадения в приведенных ведийских и осетинских материалах не оставляют сомнения в том, что осетинская мифологическая традиция донесла до наших дней в достаточно полной и неискаженной форме свою версию основного мифа.

В сюжете присутствуют главные компоненты мифа: образ Космоса (Нартовское сообщество; танец *Нæртон симд*), главные персонажи мифа Громовержец (Батраз) и его противник (сын Уайыга), их единоборство (силовое противостояние в процессе танца), преодоление Хаоса и восстановление космического порядка (победа Батраза над сыном Уайыга, восстановление танца).

Возникает вопрос, откуда позаимствована в эпический сюжет хореографическая модель Космоса? Приведем высказывание Е. М. Мелетинского: «Существенные природные и социальные реалии должны быть укоренены в мифе, найти в нем свои истоки, объяснение и санкцию» [Мелетинский 1976: 170]. Мы не сомневаемся в важном общественном значении танца симд, и уже на этом основании полагаем закономерным то, что он находит свое воплощение в эпосе, сохраняющем функции мифологии. В рассматриваемом сказании симд, в полной мере сохраняя свою смысловую нагрузку, служит соединительным звеном между мифом и ритуалом. Такое решение вопроса свидетельствует о генетической связи сказания не только с мифом, но и с соответствующим новогодним ритуалом, а также о понимании создателями сюжета семантики, заключенной в рассматриваемом мифе, его компонентах, а также в ритуале.

Образ Громовержца

Прежде чем предложить некоторые наблюдения, касающиеся Батраза, героя осетинского мифа, следует отметить, что нет необходимости заново сопоставлять центральных положительных персонажей двух версий мифа – Батраза и Индру, эта работа блестяще проделана нашими предшественниками, установившими черты грозного божества у Батраза и его близость к образу Индры ведийской мифологии [Дюмезиль 2001: 66-75, 261-265; Дюмезиль 1990: 16, 17; Абаев 1990: 184-187].

В некоторых текстах [НК-III: №№ 37, 38] Батраз спускается на поединок с сыном Уайыга от небесного кузнеца Курдалагона. Более того, в одном случае [НК-III: № 38] он там оказался именно с целью закалиться и таким образом подготовиться к схватке с сыном Уайыга. В ряде вариантов сказания [НК-III: №№ 37, 38, 103] побежденный сын Уайыга заканчивает свое существование в горне печи кузнеца Курдалагона, где он после своего поражения рассчитывал закалиться по

примеру Батраза. Итак, великого кузнеца осетинской традиции Курдалагона можно считать участником рассматриваемого мифа.

В. Ф. Миллер отметил особую роль великих кузнецов различных мифологий в змееборческих сюжетах и соответствующих ритуалах [Миллер 1993: 464-466]. Божественный кузнец может выступать в основном мифе не только как помощник Громовержца, но и в качестве непосредственного противника Змея [Иванов, Топоров 1974: 172-173]. Полагают также, что новый персонаж – кузнец – появился в мифе в связи с появлением металлического оружия [Иванов, Топоров 1974: 158-164]. В той же работе уже обращено внимание на связь между героем осетинского эпоса Батразом и небесным кузнецом Курдалагоном в контексте основного мифа [там же: 149]. Заметим, однако, что Курдалагон не изготавливает оружие герою, Батраз не нуждается в оружии, поскольку наносит поражение своему противнику в танце. Очевидно, исполнение симда не предполагает наличия оружия у танцоров. И все же именно закалка стального тела Батраза Курдалагоном (в сюжете или в эпическом контексте) обеспечивает ему победу. Что касается того, что сын Уайыга сгорает в кузнице Курдалагона, то в змееборческих мотивах и обрядах многих народов «происходит сжигание змеи или ее вещественного символа, а пепел сожженной змеи используется для лечения, для увеличения плодородия и т. п.» [Иванов, Топоров 1974: 37-38; см. также Пропп 1946: 202]. По-видимому, это представление сохранилось и на осетинской почве [Алборов 1979: 112; Чибиров 1976: 56-59]. Вероятно, в случае с сыном Уайыга мы столкнулись со следами этой традиции.

В некоторых вариантах сказания [НК-III: №№ 37, 40] Батраз, прежде чем спуститься к нартам, отрывает с горы половину ледника и устанавливает себе на голову, талая вода ручьями струится с головы Батраза. Мотив струящихся вод не случайно включен в сюжет. Вода, дождь являются неперенными атрибутами Бога Грозы [Иванов, Топоров 1974: 5, 98-99]. Быть может, здесь следует видеть также аналогию между ледником – скованной в лед водой – и запруженными Вритрой на горе реками, в обоих случаях освобождаемыми Громовержцем.

Уайыг отговаривает своего сына от визита к нартам, он знает о том, что среди нартов есть герой, которого его сын не сможет одолеть, этот герой – Батраз. Сын Уайыга и сам при встрече с Батразом узнает его и понимает, что этого героя ему не одолеть [НК-III: №№ 37, 40]. Здесь проявляется представление о том, что Громовержцу изначально предопределено победить Змея. В древнеиндийской мифологии Индре предначертано одолеть Вритру [РВ. VIII, 78, 7; X, 55, 7],

«Индра рожден и вырос именно для того, чтобы убить Вритру» [Топоров 2000б: 253; см. также: Пропп 1946: 201-202, 254].

Еще один вопрос, касающийся исхода столкновения между осетинским Грозовым божеством и его противником. Несмотря на то, что Батраз осетинского эпоса отличается крутым нравом, порой безжалостен и жесток [Абаев 1990: 186; Дюмезиль 1990: 39-43], в столкновении с сыном Уайыга он не убивает последнего, но лишь калечит. Этот вопрос озадачивает порой и сказителей, которые пытаются его как-то решить [НК-III: №№ 38, 42]. Очевидно, что исход схватки является отражением того представления, что после акта создания (или воссоздания) Космоса должны сохраняться остаточный Хаос и потенциальная угроза Космосу. «Мифические чудовища, персонифицирующие хаос, побежденные, скованные, низверженные, часто продолжают существовать на окраинах космоса, по берегам мирового океана, в “подземном” нижнем мире» [Мелетинский 1976: 212].

Такое представление нашло отражение в Ригведе: победой Индры над силами Хаоса и организацией Космоса асуры «оказываются оттесненными за пределы организованной вселенной. Находясь в этом положении, они представляли постоянную угрозу для существования этого мира, которая становилась особенно реальной в ежегодный критический период, когда происходил переход к Новому году. Индра вновь должен был повторять свой космогонический подвиг» [Елизаренкова 1999: 464]. То же самое мы видим в иранском эпосе: герой Феридун не убивает побежденного им Зоухака, но в далеких и высоких горах приковывает к скале [Шн-I: 2270-2294].

Есть варианты сказания, где Батраз выступает против своего противника (сына Уайыга) совместно с другими героями эпоса: с Созырыко [ИАС-I: № 74]; с Урузмагом, Созырыко и Сосланом [НК-III: Прил. № 3]. Как известно, во многих случаях Индра также вступает в борьбу со своим противником совместно со своими помощниками (Маруты, Ангирасы, Агни). Кроме того, в нартском эпосе действует схема, согласно которой все насилия над нартами совершаются в отсутствие выдающихся героев эпоса, с их возвращением враг получает достойный отпор и терпит поражение. В отмеченных вариантах изучаемого сказания, полагаем, могла найти свое проявление эта схема.

Противник Громовержца

При сопоставлении образа Батраза с его ведийским аналогом исследователи находят соответствия, в том числе в таких деталях, как особенности увечий, нанесенных Индрой и Батразом своим противникам

в основном мифе [Абаев 1990: 187]. Следует обратить внимание и на этот момент, поскольку особенности травм касаются не столько Громовержца (по правде говоря, они его не касаются вовсе), сколько его противника, образ которого в осетинском мифе нам еще предстоит рассмотреть.

Противником Грозового божества осетинской версии основного мифа в различных вариантах рассматриваемого сюжета выступают: *сохъыр уæйыджы фырт Бæдзæнæг* – ‘сын кривого уайыга Бадзанаг’ [НК-III: № 37], *хъæрæу Уæйуги фурт* – ‘сын кривого Уайуга’ [НК-III: № 38], *сохъыр уæйыг Æфсæроны фырт Алæф* – ‘сын кривого уайыга Афсарона Алаф’ [НК-III: № 40], *Гæппæг-æлдары фырт* – ‘сын Гаппаг-алдара’ [НК-III: № 42], *æвдæрон уæйыджы фырт Елтагъан* – ‘сын семиглавого Уайыга Елтаг’ан’ [НК-III: № 43], *Уæйыджы фырт* – ‘сын Уайыга’ [НК-III: № 44], *Уæйыг* – ‘Уайыг’ [НК-III: № 45], сын одноглазого уайыга Алæф [НК-III: Прил. № 1], *Сау хохы Сау уайуг* – ‘Черной горы Черный Уайыг’ [НК-III: № 55], *сохъыр Уæйыджы фырт* – ‘сын кривого Уайыга’ [НК-III: № 103]. Мы видим, что во всех вариантах сказания в качестве противника Громовержца выступает персонаж из рода Уайыг’ов. Исследователями надежно установлено, что образ и имя «излюбленного персонажа осетинской народной демонологии» *уæйыг’а* (*wajyg/wajug*) восходят к индоиранскому богу ветра *Vayu-*. Он приобрел на осетинской почве демонические черты и стал персонажем, олицетворяющим деструкцию и хаотическую стихию [Абаев 1995: 681; Абаев 1990б: 105-106; Абаев 1995б: 453-455; Абаев 1989: 68-71; Дюмезиль 2001: 157-160]. Однако в осетинском мифе противником Громовержца выступает не Уайыг, а его сын, который, тем не менее, является носителем черт своего отца.

Свойственное нартскому сюжету правило не использовать Уайыга непосредственно в качестве противника Громовержца должно иметь свое объяснение. Как известно, в ведийской мифологии Ваю, несмотря на отмечаемую его двойственную природу, не выступал и не мог выступать в качестве противника Громовержца: Ваю – божество, как и Индра. В осетинской традиции Уайыг трансформировался в основного носителя хаотических принципа, но он также не стал противником Громовержца, очевидно потому, что осетинская фольклорная традиция сохранила смутные воспоминания о первоначальных его функциях.

Компромиссный персонаж – сын Уайыга – появился в эпосе лишь на каком-то этапе, когда возникла необходимость заменить традиционного в осетинском мифе исполнителя роли противника Громовержца.

Вернемся к сюжету: противник Громовержца спускается к нартам с горы (холма); не противоречит ли это схеме основного мифа? Хотя противники Индры

в основном мифе являются существами хтоническими (*Vrtra, Ahi Budhnya*), имеют змеиную породу и лежат в водах, но они причастны и к горам: «Он (Индра. – *Р. Ф.*) убил змея, покоившегося на горе» [РВ. I, 32, 2; см. также: Иванов, Топоров 1974: 99; Топоров 1976: 6; Пропп 1946: 198]. Помимо того, уайыги, к роду которых стал приписываться противник Громовержца в осетинском мифе, обычно обитают на вершине горы *Sauhoх/Sau-xonx* 'Черная гора' [Дзиццойти 1992: 202].

Читатель, конечно, заметил, что в одном случае противник Громовержца назван сыном *Гæппæг-æлдар*'а. В нартовском эпосе термин «*æлдар*» ('господин', 'князь') часто применяется к персонажам, имеющим хтоническую природу (Хуандон-алдар, Сайнагалдар и др.), алдаром называют и Бадзанага. В социальном плане этот термин обозначает власть и богатство, в некоторых сюжетах Бадзанагу прямо приписываются огромные стада [Н: № 122; Н-II: XXXVI, Прил.]. Присуща ли такая атрибутика противнику Громовержца? Оказывается – напрямую: «в его владении скот как основное богатство», «противник громовержца связан с властью и богатством» [Иванов, Топоров 2000: 530], в русских сказках змея называют царем [Пропп 1946: 184]. Интересно отметить, что и в кабардинском нартовском эпосе Бадыноко называется князем (*пши*). Полагаем, титул *æлдар*, приписываемый в эпосе Бадзанагу и другим персонажам не из нартов, свидетельствует как раз об их хтонической природе.

В ряде вариантов сказания сын Уайыга является на нартовский симд с вырванным с корнями большим деревом (дуб, чинар) [НК-III: № 40; НК-III: Прил. № 3; ИАС-I: № 74], которое служит ему орудием для нанесения нартам увечий и расстройств танца. На второй день сын Уайыга пытается снова использовать дерево в качестве орудия, однако оно на сей раз отбито нартовским героем в сторону от места нартовских игрищ и рассыпалось на куски (*бæлас ныппырх ис*) [ИАС-I: № 74]. В нартовском эпосе вырванное с корнями дерево – атрибут уайыга. Очевидно, что дерево попало в текст не случайно и должно иметь свою семантику, которая, по-видимому, была утеряна, и дерево стало служить лишь для демонстрации грубой силы сына Уайыга. В. Н. Топоров на основе исследования славянской мифологии пришел к выводу о том, что дерево (столб, колода, пень) в новогодних обрядах «допустимо рассматривать не только как трансформацию старых представлений о мировом дереве, но и как след архаичного образа змея у мирового дерева (воплощение противника громовержца. – *Р. Ф.*)» [Топоров 1976: 11]. В подтверждение приводится выдержка из Ригvedы: «Убил Вритру (...) Индра (...). Как (ствол дерева), ветви (которого) обрублены топором, змей лежит, прильнув к земле». Образ дерева в нашем

сюжете, полагаем, может иллюстрировать предложенное В. Н. Топоровым толкование. Вместе с тем использование демоническими чудовищами вырванных с корнями деревьев в качестве метательных орудий достаточно распространенное явление в нартовском эпосе [Н-I: № 132; НК-III: №№ 47, 50, 58; Прил. 7] и не только в осетинской его версии [Мальсагов 1969: 271].

Bhi Budhnya и *Bædzænæg* осетинской традиции

Мы решили, что сын Уайыга в качестве противника Громовержца появляется в осетинском мифе на определенном этапе. Возможно ли установить имя персонажа, изначально исполнявшего эту роль, или оно безнадежно утеряно? В связи с этим вопросом наше внимание привлекло имя, фигурирующее в одном из вариантов приведенного сказания, – *сохъыр уæйыджы фырт Бæдзænæg* «слепого великана сын Бадзанаг» [НК-III: № 37]. Бадзанаг (*Bedzenæg, Dedenæg, Bædzænæg, Bedenæg*) выпадает из приведенного выше ряда, он хорошо известен в качестве приемного отца *Арæхцау* – одного из героев нартовского эпоса (цикл *Арахцау/Ерахцау*) – и, кроме отмеченного сюжета, нигде не называется сыном Уайыга. Записанный В. Ф. Миллером вариант рассматриваемого сказания, насколько нам удалось установить, является также единственным текстом, где этот персонаж выступает в однозначно отрицательной роли. Может ли это означать, что Бадзанаг попал в данный сюжет случайно, по ошибке? Мы исключаем такую возможность и попытаемся показать, что он играет роль противника Громовержца по праву и эта его функция первична.

Нет сомнения, что в осетинском эпосе Бадзанаг не принадлежит к роду нартов. Не говоря уже о приведенном выше сказании, где Бадзанаг выступает в качестве врага нартов, из цикла *Арахцау* в нартовском эпосе вытекает, что Бадзанаг отделен от нартов водным простором и связан с водной стихией, эта связь уже отмечалась учеными [Гуриев 1971: 101].

В мифологическом плане Бадзанаг, живущий за нартовскими пределами, имеющий связь с водной стихией и выступающий в качестве противника Громовержца, как антропоморфизированный образ «змея глубин», типологически может быть отождествлен с Вритрой – противником Индры в ведийском основном мифе. Другим персонажем, выступающим в этом же качестве, может быть Ахи Будхнья – 'донный, глубинный змей' или же 'корневой змей', который также включен «в схему основного мифа» и «в своих истоках идентичен с Вритрой, основным противником Громовержца» [Топоров 1976: 4, 6]. При этом Бадзанаг в эпосе полностью утернул свою змеиную праформу. Такая трансформация мифологического образа не может удивлять, учитывая стадиальный

уровень социально-экономического и культурного развития народа-носителя эпоса.

Учитывая созвучие имен *Bædzænæg* и *Budhnyu*, весьма привлекательным для нас представляется именно такое сближение. А. А. Туаллагов [Туаллагов 2001: 132] уже высказал предположение о возможности сопоставления персонажа нартвовского эпоса Бадзыноко (Бадзанага) с *Bhi Budhnyu* древнеиндийской мифологии. Правда, он пришел к такому заключению на основе изучения образа приемного отца Арахцау – Бадзанага (цикл Арахцау/Ерахцау нартвовского эпоса) и отрицает связь между этим персонажем и Бадзанагом в нашем сюжете: «Образ Бадзанага, сына Сохъхыыр-уайыга, не имеет ничего общего с образом приемного отца Арахцау» [Туаллагов 2001: 88]. Возможно ли, чтобы в столь целостном фольклорном произведении, каким является нартвовский эпос, было два никак не связанных персонажа с одним именем? Мы, конечно, отрицаем такую возможность. Более того, приведенные нами материалы, полагаем, позволяют углубить типологическую параллель Бадзанаг – *Bhi Budhnyu*.

В. Н. Топоров установил что Πύθων (Пифон) греческой мифологии и *Bǎdъāk* южнославянской, также как и ведийский *Bhi Budhnyu*, восходят к «и.-евр. **Budhn*– как имени мифологического персонажа (противника Громовержца в основном мифе)» [Топоров 1976: 8, 9]. Наличие у других индоевропейских народов параллелей ведийскому *Bhi Budhnyu* является косвенным аргументом в пользу и нашего сопоставления, поскольку дает надежду, что и в осетинской традиции, сохранившей архаичные черты, можно обнаружить этот образ. Разумеется, для окончательного решения этого вопроса необходимо установить еще этимологическое тождество имен рассматриваемых образов. Установление типологического и этимологического тождества осетинского Бадзанага и *Bhi Budhnyu* ведийской мифологии может пролить свет на происхождение имени и отчасти на образы персонажей с этим именем в других национальных версиях нартвовского эпоса (Пши Бадзыноко; Беден, Бадын).

Таким образом, если наши наблюдения верны, Бадзанаг в своих истоках является осетинским аналогом ведийского Ахи Будхнья. Свою исконную роль противника Громовержца Бадзанаг сохранил как реликт лишь в одном тексте, к тому же и там, подчиняясь общей тенденции, он становится сыном Уайыга. Почему же Бадзанаг в качестве противника Громовержца стал вытесняться другими персонажами? Считаем, что это связано с трансформацией, произошедшей с этим образом, – он приобретает антропоморфный облик и сближается с нартами, сближение это есть отражение его новой функции – функции приемного

отца героя нартвовского эпоса Арахцау, наделенного важными фольклорными и внефольклорными функциями в осетинской традиции.

Интересно, что класс хтонических существ, олицетворяющих водяной Хаос, в осетинской мифологии достаточно обширен, при этом среди них не нашлось персонажа, который бы смог заменить *Bædzænæg*-змея в роли противника Громовержца (а возможно, сохранить эту роль) в основном мифе осетинской мифологии. Причины, видимо, те же: антропоморфизация этих образов и рост значения других эпических функций. *Донбеттыр*, который в наибольшей мере наделен архаичными чертами «глубинного змея», видимо, еще раньше потерял возможность выступать в этой роли: связи Донбеттыра с нартами более тесны и многоплановы, чем у Бадзанага. Очевидно, Хуандоналдар и Сайнаг к этому времени тоже оказались обремененными функциями, не позволявшими использовать их в качестве противника Громовержца. По-видимому, этими причинами и была вызвана необходимость в появлении образа сына Уайыга в качестве противника Громовержца.

Трансформации мифологических образов, подобные затрагиваемых нами, не являются случайными, они отражают крупные изменения в экономической и социальной жизни народа-носителя данной мифологической системы. Антропоморфизацию мифологических образов связывают с переходом к регулярному земледелию и скотоводству, а также к образованию ранней государственности и появлению городов [см. Пропп 1946: 223, 226].

Рассмотрев нартвовский сюжет в целом и отдельные его составляющие, мы приходим к выводу о том, что его следует рассматривать как эпическую реализацию основного мифа. Сказание должно было служить дополнением, обоснованием, а частично и объяснением сакральному смыслу мифа и ритуала. Сходная внефольклорная функция ряда сюжетов осетинского эпоса не вызывает сомнения [см., напр., Газданова 2003: 70]. Считаем излишним останавливаться на том, что мифология является одним из истоков эпоса, и эпос может оставаться «в сущности, одной из форм мифа» [Путилов 2003: 147-149].

Что касается ритуала, то полную и архаичную его версию мы находим в описании М. С. Туганова. Другие авторы либо вообще ничего о нем не знают, либо сообщают лишь об отдельных его трансформировавшихся элементах [Алборов 1979: 112]. Отсюда следует, что этот новогодний ритуал стал вытесняться другими. Очевидно, стал забываться и связанный с ним миф. Сказание, по-видимому, стало восприниматься как богатырский поединок, тем не менее, оно не деградировало и сохранило свои архаичные элементы и структуру.

Основной миф в сказании о Крым-Султане (*Уырызмæджы фырт æмæ агуыры æфсад*)

Для проверки правильности нашей трактовки обрядового танца *Нæртон симд*, его эпического эквивалента, а также всего рассмотренного сюжета вниманию терпеливого читателя хочется предложить еще один сюжет осетинского эпоса из числа тех, в которых проявляются черты основного мифа. Выбор на это сказание пал потому, что в нем также присутствует образ нартовского симда, причем нас будут интересовать лишь те мотивы его сюжета, которые касаются нашей темы.

В этом сказании [Н-I: № 116; Н-II: XXXIV, Прил. №№ 1, 2; ИАС-I: № 99] симд не является ареной противостояния. Серьезная опасность грозит нартовскому миру извне, однако, несмотря на это, нарты не прекращают свой танец. Этот сюжет давно привлекает внимание исследователей [библиографию см.: Туалягов 2001: 114].

Небожители, и с ними юный нартовский герой Крым-Султан – воспитанник (хъан) Сафа, – узнают, что нарты на земле окружены вражескими войсками, которые ведут против них военные действия, несмотря на это, нарты не прекращают грандиозные танцы. Юный Крым-Султан, снаряженный небожителями всем необходимым, спускается на землю и громит врагов [ИАС-I: № 99].

Сюжет может быть осложнен дополнительными фольклорными мотивами [см. Н: № 116].

Похоже, что в этом сказании, как и в предыдущем, нашла отражение схема основного мифа с той разницей, что мир нартов и картина противостояния Космоса и Хаоса показаны в горизонтальной проекции, с позиции небожителей. Во всяком случае, связь этого сюжета с осетинской версией основного мифа несомненна. Не случайно Ж. Дюмезиль называет Крым-Султана, так же как и Айсану, выступающего в такой же роли, двойником Батраза – носителя черт Грозового божества [Дюмезиль, 2001: 72; Дюмезиль 1990: 46, 62; см. также: Вьель 2003: 186-187].

Попробуем прочесть текст с мифологических позиций. Над Космосом (нартовское сообщество, нартовский мир) нависла угроза, Космос сужается до предела (враждебные действия агуров по всему периметру нартовского мира). В критической ситуации нарты поддерживают Космос с помощью ритуала (непрекращающийся симд нартов), устроенного в сакральном центре нартовского мира (верхний ярус Дома нартов, середина поселения нартов). Вспомним, что «ритуал совершается в экстремальных условиях, когда угроза безопасности жизни и миру максимальны (...), ритуал

является главной операцией по сохранению “своего” космоса» [Топоров 1988: 17]. С неба спускается герой (Крым-Султан) и спасает Космос от Хаоса (разгром врагов эпического племени). Итак, симд нартов в этом сюжете не является местом столкновения Космоса с Хаосом, здесь он выполняет свою обрядовую функцию, – это тот же ритуал, направленный на сохранение и поддержание Космоса.

Первое, что обращает на себя внимание: симд нартов устроен не на площади игр, а «на крыше хадзара Алагата» [Н-II: XXXIV, Прил. № 1], в «середине аула» [Н-II: XXXIV, Прил. № 2], *сæ уæлхæдзар* «на верхнем ярусе дома» [ИАС-I: № 99]. *Алæгаты стыр хæдзар* (*Нарты стыр хæдзар, Нарты кувæн хæдзар, Ардамонгæ хæдзар*, иногда *Борæты хæдзар*), дом, куда нарты собираются на ритуальные кувды, где хранится *Нартамонгæ* (уже по функциям тождественная середине мира), представляет собой сакральный центр нартов. Одновременно Дом нартов следует рассматривать как образ мира, модель вселенной, он содержит в себе основные элементы мифологической модели мира: мировую ось (сакральный центр) и три яруса, отвечающие трем зонам в вертикальном членении вселенной. Сакральный центр совпадает с серединой мира, через которую проходит мировая ось – точка, в которой произошло творение. В кризисных ситуациях середина мира остается последним оплотом космической гармонии. Новое восстановление Космоса широких пространств возможно только опираясь на этот центр высшей сакральности. Середина мира в сюжете дублируется и активизируется кругом, который образуют нарты в танце симд на крыше (верхний ярус) дома Алагата: всякий круг (в данном случае – форма моделирования мира) подразумевает свой центр.

Итак, середина мира – одна из категорий моделирования пространства в нартовском эпосе – чаще представлена Домом нартовских собраний. В рассмотренном же выше сюжете симд устраивается на площади игр, а не на крыше Дома Алагата. Площадь игр, куда нарты собираются для исполнения ритуалов, следует рассматривать как один из дубликатов середины мира в эпосе. Мимоходом заметим, что в той же роли центра организованного Космоса в эпосе может выступать *нарты ныхас* ‘совет нартов, место совета нартов’, где воссоздается структура нартовского мира.

Дом нартов, служащий для исполнения ритуальных молений-пиршеств, Площадь игр нартов, где устраиваются ритуальные мероприятия (*хъазт*), Место совета нартов, куда нарты собираются для обсуждения вопросов, касающихся всего общества, представляют собой одновременно и модель Космоса, картину мира (*imago mundi*) и центра мироздания, через которую проходит мировая ось (*axis mundi*). Множественность центров

и повторение картины мира, связанные с иной геометрией мифологического пространства, «составляют одну из отличительных черт традиционных обществ» [Элиаде 2000: 271, 278]. В осетинском эпосе дубликаты центра мироздания обнаруживаются и за пределами организованного Космоса, за пределами мира нартов.

Несколько замечаний к сюжету о Крым-Султане. Герой, как и Батраз, спускается от небожителей, где он пребывает в качестве воспитанника Сафа. Сафа, помимо всего, является носителем функций бога-кузнеца, и, таким образом, наш герой, как и Батраз, на схватку с врагами нартов спускается с верхнего мира от мифологического персонажа, причастного к кузнечному делу. Правда, в снаряжении Крым-Султана участвуют и другие небожители.

В одном тексте [Н-II: Прил. № 1] разгромленные агуры погибают не все, от их выжившей части происходит саранча. Саранча – злостный вредитель посевов, и в этом качестве может создавать реальную угрозу благополучию общества, в хозяйстве которого земледелие играет важную роль. С оставшейся частью агуров происходит метаморфоза, в результате которой возникает новая форма враждебной силы. Здесь, как и в сюжете, рассмотренном выше, Хаос побежден, но не преодолен и сохраняется потенциальная угроза социальной гармонии.

Помимо включенных в сюжетную линию фольклорных мотивов, не имеющих отношения к схеме основного мифа, возможно, в сказании действительно следует видеть также следы исторического предания о борьбе носителей эпоса с враждебным народом – агурами [Дюмезиль 2001: 72, прим. 16; Абаев 1958: 36-37; Дзиццойты 1992: 185-188; Кузнецов 1980: 103-107]. В этом случае мы здесь сталкиваемся с находящимися отражением в фольклоре особенностями архаического мышления, когда «сохраняется «космологизм»

взгляда на мир и зарождается интерес к последующей «истории», причем сочетание первого и второго может наблюдаться в пределах одного текста» [Раевский 1985: 54-55; см. также: Абаев 1990а: 288].

* * *

Таким образом, осетинская традиционная духовная культура донесла до наших дней свою версию основного мифа арийской и шире – индоевропейской мифологии в развернутой и достаточно полной форме. Утверждение о том, что в среде иранских народов основной миф индоевропейской мифологии не получил развития [Лелеков, 1980: 121-122], не имеет основания.

Действующие лица осетинской версии основного мифа находят свои близкие соответствия в основном мифе ведийской мифологии. В ряд персонажей – противников Громовержца индоевропейской мифологии (*Bhi Budhnya*, Πύθων и *Бадльāk*) – следует включить *Бæдзæнæг*'а осетинской версии основного мифа.

Установленное в мифологическом аспекте тождество с *Bhi Budhnya* ведийской мифологии уточняет место *Бæдзæнæг*'а в осетинском фольклоре. Становится также понятным источник заимствования этого эпического имени в версиях нартовского эпоса северокавказских народов.

В заключение хочется отметить, что осетинская мифология и осетинский эпос восходят не к аланскому или скифо-сарматскому периоду нашей истории, а к общеарийскому мифологическому фонду, и более того – к индоевропейской мифологии. Мощная мифологическая субструктура осетинского эпоса, рельефно и зримо вырывающаяся на поверхность, остается важнейшим источником исследования и реконструкции не только национального, но также арийского и индоевропейского мифологического наследия.

Источники и литература:

ИАС – Ирон адæмы сфæлдыстад (Осетинское народное творчество). Сост. З. М. Салагаева. Т. I.

Орджоникидзе, 1961 (на осет. яз.).

Н – Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. I. М., 1990. (Переводы см. в Н-II.)

Н-II – Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. II. М., 1990.

НК-II – Нарты кадджытæ: ирон адæмы эпос (Нартовские сказания: эпос осетинского народа). Составитель

Т. А. Хамицаева. Кн. 2. Владикавказ, 2004.

НК-III – Нарты кадджытæ: ирон адæмы эпос (Нартовские сказания: эпос осетинского народа).

Составитель Т. А. Хамицаева. Кн. 3. Владикавказ, 2005.

ОЭ-I – Вс. Ф. Миллер. Осетинские этюды. Ч. 1. (Осетинские тексты). М., 1881.

ПНТО – Памятники народного творчества осетин. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия.

Составитель Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1992.

РВ – Ригведа. Мандалы I - IV. Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1999.

- Шн* – Фирдоуси. Шахнаме. Т.1. Издание подготовили И. Б. Бану, А. Лакути, А. А. Стариков. М., 1957.
- Абаев 1958* – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958.
- Абаев 1973* – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973.
- Абаев 1979* – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979.
- Абаев 1989* – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
- Абаев 1990* – Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды. Т. I. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990а* – Абаев В. И. Проблемы нартовского эпоса // Избранные труды. Т. I. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990б* – Абаев В. И. Дохристианская религия алан // Избранные труды. Т. I. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990в* – Абаев В. И. К этимологии «*samaia*» // Избранные труды. Т. I. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1995* – Абаев В. И. Образ Вия в повести Н.В. Гоголя // Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.
- Абаев 1995а* – Абаев В. И. *Slavo-avestica* // Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.
- Айларты 1996* – Айларты И. Х. Ирон фарн. Дзæуджыхъæу, 1996 (на осет. яз).
- Алборов 1979* – Алборов Б. А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» // Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
- Алборов 2005* – Алборов Б. А. Осетинские танцы // Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Кн. 2. / Сост. и ред. Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 2005.
- Бардавелидзе 1957* – Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- Бзаров 1988* – Бзаров Р. С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев первой половины XIX века // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1988.
- Бзаров 1994* – Бзаров Р. С. Осетинская гражданская община // Тезисы докладов на международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена. Владикавказ, 1994.
- Вьель 2003* – Вьель Кристоф. Осетино-арийский героический мифоцикл // Эпос и мифология осетин и мировая культура. / Сост. и пер. с фр. Т. Т. Камболов. Владикавказ, 2003.
- Газданова 1998* – Газданова В. С. Образ Уастырджи в религиозно-мифологических представлениях осетин // Дарьял. 1998, № 3.
- Газданова 2003* – Газданова В. С. Традиционная осетинская свадьба: миф, ритуал и символы. Владикавказ, 2003.
- Грикурова 1961* – Грикурова Л. Н. Осетинские танцы. Орджоникидзе, 1961.
- Гуриев 1971* – Гуриев Т. А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе, 1971.
- Дарчиев 2004* – Дарчиев А. В. Три шага ради Батраза // Дарьял. 2004, № 3.
- Дарчиев 2005* – Дарчиев А. В. Культ Ареса в религиозных представлениях скифских племен Северного Причерноморья (V-III вв. до н. э.): Автореф. дис. канд. ... истор. наук. Владикавказ, 2005.
- Дзиццойты 1992* – Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.
- Дюмезиль 2001* – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Владикавказ, 2001.
- Дюмезиль 1990* – Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
- Елизаренкова 1999* – Елизаренкова Т. Я. Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V-VIII. / Издание подг. Т. Я. Елизаренкова. М., 1999.

- Иванов, Топоров 1974* – Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов, Топоров 2000* – Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 2000.
- Кузнецов 1980* – Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
- Лелеков 1980* – Лелеков Л. А. Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Мальсагов 1969* – Мальсагов А. О. О нарт-орстхойском эпосе ингушей и чеченцев // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.
- Мелетинский 1976* – Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.
- Миллер 1993* – Миллер В. Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1993.
- Пропп 1946* – Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Путилов 2003* – Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoria. СПб., 2003.
- Раевский 1985* – Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Топоров 1976* – Топоров В. Н. ΠΞΘΩΝ, ΒΗΙ ΒΥΔΗΝΥΑ, Βἄδῆ᾿ΑΚ и др // Этимология 1974. М., 1976.
- Топоров 1988* – Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Топоров 2000a* – Топоров В. Н. Вритра // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 2000.
- Топоров 2000б* – Топоров В. Н. Индра // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 2000.
- Топоров 2005* – Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005.
- Топоров 2005a* – Топоров В. Н. Конные состязания на похоронах // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005.
- Туаллагов 2001* – Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин. Владикавказ, 2001.
- Туганов 1977* – Туганов М. С. Осетинские народные танцы // Махарбек Туганов. Литературное наследие. / Сост. Д. А. Гиреев и Э. М. Туганов. Орджоникидзе, 1977.
- Уарзиати 1988* – Уарзиати В. С. Этнокультурные встречи в народной хореографии осетин // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе, 1988.
- Уарзиати 1995* – Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
- Чибиров 1976* – Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.
- Чочиев 1985* – Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвал, 1985.
- Чочиев 2000* – Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 2000.
- Элиаде 2000* – Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Избранные сочинения. М., 2000.

История национальной культуры

Р. С. Бзаров

Очерки истории осетинской школы

Система национального образования – важнейшее условие существования и развития национальной культуры в современном обществе. Республика Северная Осетия-Алания переживает период формирования перспективной языковой и образовательной политики. Подготовлены и прошли предварительную апробацию проекты Закона о языках и Государственной программы «Осетинский язык». Принята Концепция осетинского национального образования, в сентября 2004 г. начался экспериментальный этап ее осуществления.

В Республике Южная Осетия завершается разработка «Программы развития осетинского языка», в которой будут сформулированы основные принципы государственной политики, направленной на образовательную поддержку и расширение общественных функций осетинского языка.

Создание политико-правовой, институциональной и даже материально-технической основы национального образования вряд ли возможно без обращения к актуальным аспектам культурного опыта. Чтобы избежать повторения допущенных в прошлом идеологических и организационных ошибок, неизбежно приходится определять значение и место предлагаемых решений в историческом контексте развития нашего общества и его культуры. Для этой практической цели и были написаны в 1994 г. очерки, предлагаемые вниманию читателей.

Историография истории народного образования в Осетии-Алании не отличается особой обширностью и не включает специальных исследований по истории национальной школы.

Первые работы по истории образования в Осетии вышли в периодической печати (196; 164; 151; 124; 128; 195; 153; 194), они посвящены отдельным учебным заведениям и опыту развития школьного дела в XIX в.

Советская литература по истории просвещения и педагогической мысли дореволюционной Осетии накопила значительный источниковый материал, создала достаточно полную картину состояния народного образования в Осетии XVIII – начала XX в. (159; 192; 181). Все предшествующие достижения были обобщены М. С. Тотоевым (186). В его работе, а также в соответствующих разделах академической «Истории

Северо-Осетинской АССР» (изданной в двух редакциях: 172; 173) история образования рассматривается в тесной связи с общественным движением. Однако, совмещенное с классовым подходом, это достоинство превращается в недостаток: идеологические ориентиры диктуют предвзятый отбор фактов, не позволяют объективно оценить деятельность администрации, заслуги и взгляды крупных деятелей просвещения.

Работы, рассматривающие проблемы истории народного образования в масштабе кавказского региона (186; 178; 165), не уделяют Осетии сколько-нибудь значительного внимания.

Последовательным изложением истории системы просвещения с середины XVIII до середины XX в. отличается монография Х. С. Черджиева (200) – она остается лучшим сводом основных фактов, в ней представлены важнейшие вехи развития школьного дела в Осетии.

Некоторые сюжеты из истории национальной школы получили отражение в работах (188; 187; 161; 180; 191; 199; 167; 189; 190), посвященных истории культурного строительства, отдельным периодам в истории народного образования в Осетии.

В целом существующая литература освещает основные этапы истории национального образования в Северной Осетии. Однако общей чертой опубликованных к настоящему времени работ является их идеологичность. Все еще отсутствует объективный анализ истории становления и развития советской осетинской школы, не сделаны выводы, необходимые для строительства национальной школы сегодня. Преувеличение достигнутых успехов, замалчивание неудач, стремление утопить тему национальной школы в списке общих достижений народного образования – эти черты советской историографии были следствием ее зависимости от политической конъюнктуры (169: 19). Они же предопределили формально-хронологический (по десятилетиям) принцип периодизации истории народного образования в Осетии (см.: 200) – в соответствии с общесоюзными этапами развития советской школы и педагогики (185: 5-38). Остается невыясненным соотношение общего и особенного в истории национального образования в Осетии, неизвестна природа закономерностей,

вливающих на судьбу осетинской школы, не определены хронологические границы существования и этапов развития национальной школы в Осетии.

Изучение истории национального образования невозможно без ясного вычленения и строгой фактологической реконструкции процесса становления осетинской школы. Как и вся система народного образования в стране, национальная школа на каждом этапе своей истории занимала совершенно определенное место в структуре общественного развития и культурной эволюции. Политические, социальные, экономические, идеологические факторы, определявшие судьбу национальной школы, вряд ли случайны и, по-видимому, тесно связаны с общими особенностями разных периодов исторической жизни народа. Отсюда и главные задачи, стоящие перед автором:

- восстановление фактической последовательности событий, связанных с историей национального образования в Осетии;
- выявление политических и социокультурных закономерностей, влиявших на развитие осетинской школы;
- периодизация истории национального образования, выявление главных тенденций в развитии осетинской школы на разных этапах ее существования;
- определение роли осетинской школы в сохранении национально-культурной традиции;
- обобщение исторического опыта развития национального образования в Осетии.

Основной комплекс использованных источников составляют документы государственных и духов-

ных учреждений, в ведении которых в разные годы находились школы Осетии, а также фонды научных организаций, принимавших участие в работе по строительству национальной системы образования.

Другая группа источников – материалы учительских съездов и конференций, учебно-методические руководства и программы, подготовленные для осетинской школы на разных этапах ее существования.

Самостоятельное значение имеют материалы из личных фондов деятелей культуры, науки и просвещения, их воспоминания и выступления в прессе.

Два обстоятельства следует оговорить специально. Первое: осетинское национальное образование и осетинская школа – вовсе не одно и то же. Средняя общеобразовательная школа – базовое, но не единственное учреждение в полноценной системе национального образования. Вопрос лишь в том, существуют ли все остальные необходимые части этой системы. Очень часто оказывалось, что их забыли предусмотреть или не сумели создать.

Второе: в силу слабой представленности в публикациях и замедленного продвижения архивных поисков юго-осетинские материалы советского времени не представлены в настоящей работе. Описана лишь общеосетинская координация культурных программ. Строительство же советской осетинской школы рассматривается на примере Северной Осетии. Сегодня работа продолжается, и есть надежда, что создание общей истории национального образования в Осетии – дело недалекого будущего.

Предыстория осетинской школы

1. Народное образование в XVIII – середине XIX в.

Образование – необходимая и естественная форма жизнедеятельности любого сколько-нибудь развитого общества. Наивное представление об Осетии XVIII в. как о стране бесписьменного и сплошь неграмотного народа происходит из идеологического арсенала имперской политической школы, создавшей эффективные историографические штампы и целостную систему денационализованного образования. В действительности же в горной Осетии, как и в некоторых других странах Кавказа, из-за крайней бедности природных ресурсов сложились специфические условия культурной, в том числе образовательной, деятельности.

Осетинская культура не была исключительно традиционной уже в силу необходимости обслуживать достаточно развитые формы феодальных отношений и религиозных институтов. Несмотря на перерыв в собственной

письменной традиции, которую некому было поддерживать после событий конца XIV в., осетины продолжали пользоваться письмом – прежде всего грузинским и арабским. Представители высших сословий (у некоторых территориальных групп – и средних слоев) имели возможность получать образование. Чаще всего для этого приходилось выезжать за пределы Осетии. Потомки средневековой аристократии из Центральной и Южной Осетии, например, могли получать образование при дворе картлийских царей: пожалуй, самые блестящие примеры такой образовательной траектории – Зураб Магкаев и Иван Габараев. Эпиграфика XVI-XVIII вв. из Северной Осетии не оставляет сомнений в наличии знатоков арабского письма. Интересно, что в последней трети XVIII в., то есть сразу же после приближения к Осетии российских пределов, появились и широко известные – по причине их экзотической редкости – знатоки русской грамоты: вспомним достопочтенного Карадзау Мамиева, прочитавшего куртатинцам приглашение, присланное Екатериной II.

Известные сегодня источники позволяют предполагать, что с особой интенсивностью культурно-образовательные инициативы вырабатывались в первой половине и середине XVIII в., когда на фоне резкого обострения хозяйственных, социальных, политических проблем, феодальных междоусобиц и внешне-политических конфликтов достигло апогея объединительное движение осетинских обществ (одним из его следствий стало присоединение к России). Напомню лишь о христианской проповеди и «апостольской» школе дигорского подвижника Петра-Парфения.

В таком историческом контексте провозглашенная осетинским посольством в Петербурге цель – создание системы образования в Осетии – не может показаться ни удивительной, ни случайной, ни тем более утопической. За ней стояла всего лишь объективная и грамотная оценка культурного состояния и политических перспектив Осетии.

Моздокская осетинская школа. Официальная история народного образования в Осетии нового времени начинается с Моздокской осетинской школы, открытой по императорскому указу от 27 сентября 1764 г. и просуществовавшей до 1790-х гг. (105: 34; 173: 207-208). Впервые вопрос об открытии государственной осетинской школы был поднят в ходе русско-осетинских переговоров 1749-1752 гг. в Петербурге (109: 341-347). Открытию Моздокской школы предшествовали также попытки обучения осетинских детей, предпринятые отдельными членами Осетинской духовной комиссии.

Занятия в Моздокской школе открылись в 1766 г. Организация учебно-воспитательной работы возлагалась на Осетинскую духовную комиссию. Учащиеся жили на государственном пансионе, занятия с ними велись индивидуально. Число учеников в разные годы было различным и доходило до полусотни (157: 184; 200: 4). Начальный курс обучения проходил на родном языке. В инструкции Святейшего Синода специально подчеркивалось: «... стараться, чтобы ученики этой школы никогда не забывали своего природного языка» (196: 157).

Создание осетинской школы в Моздоке, начавшееся за целое десятилетие до международно-правового оформления присоединения Осетии к России, имело крупное политическое значение. Высшая российская власть, демонстрируя последовательное выполнение договоренностей, достигнутых в 1749-1752 гг., одновременно приступала к образовательной (а значит – идеологической) подготовке политической элиты для новой имперской территории.

Вместе с тем, по утвердившейся в литературе оценке, Моздокская школа сыграла значительную роль в культурной жизни Осетии, «дав толчок дальнейшему развитию национального просвещения», в том числе – восстановлению письменности (173: 208). Необходимость

преподавания осетинского языка привела к созданию осетинской азбуки. Моздокский епископ Гай и священник Павел Кесаев (Генцауров) разработали систему осетинского письма на основе церковнославянской графики. Первопечатная осетинская книга – краткий катехизис – вышла в Москве в 1798 г.

Духовные учебные заведения. В первой четверти XIX в. осетинский язык преподавался в Тифлисской духовной семинарии, где готовили священников и для осетинских приходов. Семинарский преподаватель осетинского языка Иван Габараев (Ялгузидзе) в 1802 г. разработал осетинскую азбуку на основе грузинской графики и составил осетинский букварь, изданный в Тифлисе в 1821 г. Тем самым были учтены как интересы большинства учащихся – этнических грузин, так и возможности семинаристов-осетин, изучавших грузинский язык и потому хорошо знакомых с грузинским письмом. За отсутствием иной учебной литературы по этому букварю начали учить детей и в церковных школах, созданных в Осетии в 1820-е гг. (173: 262). Однако Осетия присоединилась к Российской империи в том числе для того, чтобы оградить себя от военно-политической и культурной экспансии со стороны Картли. Поэтому букварь Ялгузидзе был обречен, его использовали в течение 15 лет, на этом эксперимент по внедрению грузинской графики завершился с отрицательным результатом. Важнейшие социально-политические и культурные тенденции в жизни Осетии XIX в. предопределили выбор кириллической системы письма.

В сентябре 1836 г. открылось Владикавказское духовное училище для детей «осетинских владельцев, старшин и некоторых сирот», из которых предполагалось подготовить «священнослужителей для осетинских приходов, чтобы до некоторой степени образованные священнослужители вместе с тем могли быть и учителями в приходских училищах» (182: 6). Предполагавшееся первоначально обучение детей с использованием грузинской графики было отменено уже в 1836 г. Осетинский язык в училище изучали, пользуясь новым алфавитом, разработанным А. М. Шегреном на основе русской гражданской графики. Конечно, совсем не случайно деятельность выдающегося языковеда была связана с Владикавказским духовным училищем, преподаватели которого оказали ученому большую помощь в скорейшем освоении осетинского языка. В 1844 г. из печати вышла «Осетинская грамматика» А. М. Шегрена с кратким осетино-русским и русско-осетинским словарем (172: 178-179). В течение всей своей последующей жизни академик А. М. Шегрен был крупнейшим экспертом по осетинскому языку, рецензентом-редактором осетинских текстов.

Учебные занятия во Владикавказском духовном училище проводились утром с 8 до 11 часов, днем

с 14 до 16 часов. По сохранившемуся «Расписанию учебных часов», в понедельник утренние занятия посвящались «чтению по-русски», а дневные – «чистописанию по-русски». Соответственно, во вторник изучали «чтение по-осетински» и «чистописание по-осетински», в среду: «чтение по-русски» и «начала арифметики», в четверг: «чтение по-осетински» и «чистописание по-русски», в пятницу: «чтение по-русски» и «чистописание по-осетински», в субботу утром: «чтение по-осетински». Сугубо практические цели изучения осетинского языка явствуют из записи в том же расписании, предписывающей чтение по-осетински заменить законом Божиим, «когда усмотрено будет, что ученики удобно могут читать осетинские книги» (182: 10). Владикавказское духовное училище закрылось в 1863 г. (160). За четверть века из его стен вышла целая плеяда деятелей осетинской культуры, подвижников народного просвещения.

Светские школы. Посетив Кавказ в 1837 г., Николай I высказал мысль о создании школ «при штабах полковых и при линейных батальонах» (183: 24). Пожелание императора было исполнено в ходе дальнейшего расширения государственных школ на Кавказе. В мае 1848 г. во Владикавказе при Навагинском пехотном полку открылась школа военных воспитанников для детей из почетных сословий кавказских народов. Школе полагалось иметь «воспитанников из туземцев 30 и из русских 20» (182: 46). Из тридцати горцев около двадцати составляли обычно дети из знатных осетинских фамилий (172: 179). Учебная программа школы неизвестна. Вряд ли она противоречила общей тенденции, возобладавшей в школьном деле на Кавказе с середины 1840-х гг.

В 1845 г. было создано Кавказское наместничество. Назначенный наместником М. С. Воронцов был сторонником региональной обособленности в развитии народного образования на Кавказе. Кавказский учебный округ, учрежденный в 1847 г., не был передан в ведение Министерства народного просвещения. Администрация наместника стремилась контролировать и школьную деятельность духовного ведомства (165: 18-20). М. С. Воронцов считал необходимым преподавание местных языков и даже «непременное и безусловное обучение всех учащихся русских, по крайней мере, одному из туземных языков» (102: 126). В духе воронцовского регионализма выдержано и принятое в 1853 г. «Положение о военных школах при войсках Кавказской армии».

В 1857 г. школу военных воспитанников передали Тенгинскому полку, который был расквартирован во Владикавказе взамен Навагинского. В 1861 г. школа Тенгинского полка волилась во Владикавказское горское окружное училище (182: 50-51), организованное в

1860 г. Основанные в годы окончания Кавказской войны и широких административных реформ на Кавказе, горские школы (их Устав принят в 1859 г.) были призваны готовить подрастающее поколение горцев к мирному служению российскому государству. На 1 января 1869 г. во Владикавказском горском училище было 167 пансионеров, в том числе русских – 75. Из 81 горца 68 были осетинами (167: 11-12). Хотя по Уставу преподавание родного языка не предусматривалось, в 1864 г. в план учебных занятий ввели изучение осетинского языка. Сохранившаяся программа по осетинскому языку построена на изучении религиозных текстов, заучивании и переводе молитв и Библии (167: 14-24).

В 1867 г. горское училище было преобразовано в реальную прогимназию. Преподавание осетинского языка, исключенное из общего учебного плана, продолжалось лишь для пансионеров-осетин до 1874 г., когда прогимназия стала реальным училищем.

Все названные школы были доступны в первую очередь детям из аристократических и буржуазных семей. Развитие массового школьного образования в Осетии начинается с 1820-х гг. – тогда были организованы первые церковноприходские школы. К 1860-м гг. на территории Северной Осетии было 7 церковноприходских школ со 107 учащимися (200: 5; 172: 180).

В 1850-е гг. сделаны первые попытки организации женских школ, предпринятые параллельно двумя самоотверженными женщинами, женами офицеров – Кубатиевой и Ревазовой. Каждая из них открыла у себя на дому небольшой пансион для девочек – но действовали эти пансионы недолго (105: 84-85; 173: 264). В 1862 г. священник Владикавказского Осетинского прихода и инспектор Владикавказского духовного училища Аксо Колиев на собственные средства открыл в своем доме начальную школу для осетинских девочек, просуществовавшую в реформированном виде до 1918 г. (87: 31-36). Через десятилетие после А. В. Колиева его опыт повторил в селении Салугардан (ныне город Алагир) священник А. Г. Гатуев (172: 180).

2. Народное образование во второй половине XIX – начале XX в.

С 1860-х гг. начинается новый этап в истории народного образования в Осетии. В эпоху буржуазных реформ, совпавшую с окончанием Кавказской войны, на Кавказе была проведена реорганизация системы образования. Перед правительством стояли теперь задачи скорейшего мирного освоения края, и школа, по мысли реформаторов, должна была сыграть важную роль в подготовке местных кадров бюрократии, помочь культурному слиянию кавказских окраин с российской метрополией.

Принципы образовательной политики. В середине XIX в. в образовательной политике на Кавказе боролись две основные тенденции, выявленные и подробно описанные в работе Л. С. Гатаговой (165). Регионалисты ориентировались на учет социально-политических и этнокультурных особенностей Кавказа. Их поддерживала либерально-демократическая интеллигенция России, сомневавшаяся в целесообразности принудительной русификации. Централисты, напротив, стояли за скорейшую унификацию системы образования на Кавказе по общероссийскому образцу.

С середины 1850-х гг., после ухода М. С. Воронцова, все большую силу набирала тенденция унификации. В ходе школьной реформы развернулась борьба вокруг принципиального вопроса о языке преподавания в школах национальных регионов. Ее итогом явилась статья 4 «Положения о начальных народных училищах» 1864 г., предписывавшая вести преподавание на русском языке. Принятое в 1867 г. «Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом» также требует вести преподавание всех предметов на русском языке. В том же году министр народного просвещения Д. А. Толстой в отчете императору определил: «Цель инородческого образования – сближение инородческих племен с господствующим русским населением, постепенное слияние их с русскою цивилизацией» (цит. по 165: 48). Рассчитанная на мононациональный регион «система просвещения инородцев», разработанная казанским профессором И. И. Ильминским, не была принята на Кавказе, как не были применены и «Правила о мерах к образованию инородцев» 1870 г. Удобным предлогом, позволявшим отвергать принцип обучения на родном языке, давно утвердившийся в научной педагогике, послужило то, что в кавказских школах очень часто учились дети разных национальностей. Трудности, возникавшие по причине незнания детьми русского языка, кавказское школьное начальство преодолевало подбором учителей, которые знали родные языки учащихся и пользовались ими для разъяснения на первых этапах обучения (165: 44-53).

Что же касается присутствия в школе родного языка в качестве изучаемого предмета, то этот вопрос, в зависимости от политической конъюнктуры и ведомственной принадлежности школы, мог быть решен по-разному – точно так же, как и две другие принципиальные проблемы: подбор учительских кадров и набор изучаемых предметов.

Система образовательных учреждений. В пореформенное время Министерству народного просвещения подчинялся Кавказский учебный округ во главе с попечителем, в его составе действовали местные органы – дирекции народных училищ. Например, школы, действовавшие на территории нынешней Северной

Осетии, находились в ведении Дирекции народных училищ Терской области. Соответственно – территории Южной Осетии состояли в ведении аналогичных дирекций Тифлисской и Кутаисской губерний. Однако главная роль в организации школьного дела в Осетии принадлежала созданному в 1860 г. «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе» (далее – ОВПХ), в ведение которого перешли школы упраздненной Осетинской духовной комиссии. В 1863 г. наместник Кавказа утвердил «Правила о приходских школах Общества восстановления православного христианства на Кавказе» – в них формулировались цели и определялось содержание школьного образования. На первый план были выдвинуты миссионерские задачи – образовательный цикл предписывалось связывать с религиозным воспитанием. Руководство приходскими школами и преподавание в них поручалось священникам. Первые годы школьной деятельности ОВПХ получили резко негативную оценку в демократическом лагере: «это были не школы, а те же церкви – только в миниатюре... Такая школа, дававшая детям грамоту с целью читать только книжки священного писания, никоим образом не могла возбудить в народе стремлений к живой, осмысленной деятельности», – писал Х. А. Уруймагов (194: 37). Между тем несомненная заслуга ОВПХ состоит в создании системы начального образования в Осетии. Лишь за первые четыре года (1864-1867) число школ выросло с 13 до 30 (172: 180). Не все планы осуществились, часть школ пришлось закрыть – не оправдало себя содержание школ в горных селениях, где малое число жителей и дальность соседних селений не позволяли набирать достаточный контингент учащихся. Идея же об устройстве в горах двухклассных училищ с пансионом (105: 126) требовала дополнительных средств.

Эпоха реформ принесла обновление и даже частичную секуляризацию. В 1870-е гг. ОВПХ сосредоточилось на строительстве школьных зданий (прежде школы открывались в случайных помещениях, не приспособленных для учебных целей) и других вопросах материального обеспечения. Руководство учебным процессом было передано в ведение Кавказского учебного округа, не замедлившего заменить священников молодыми учителями со специальным педагогическим образованием. Учебный план был приведен в соответствие с программами Министерства народного просвещения (193: 77-78; 173: 348-349). По правилам, установленным в 1874 г., в приходских школах преподавались следующие предметы: а) чтение и письмо местного письменного языка; б) чтение и письмо русского языка и практическое изучение его; в) молитвы, краткий катехизис и священная история; г) четыре первых действия арифметики, а также элементарные сведения

из геометрии; д) церковное и светское пение; е) черчение; ж) гимнастика.

Эти благотворные изменения, выдержанные в духе великих реформ, оказались перечеркнуты через полтора десятилетия. В соответствии с общероссийскими «Правилами о церковноприходских школах» от 13 июня 1884 г., приходские школы в Осетии с 1885 г. были возвращены в распоряжение духовного ведомства и переименованы в церковноприходские (159: 18). Х. А. Уруймагов с горечью писал об этом событии, запечатлевшем в области народного образования победу реакции и наступление эпохи контрреформ: «...школа, резко изменив свою физиономию и направление, сделалась ведомственным орудием в руках духовно-учебного начальства» (194: 42). Центральное место в учебном плане вновь занял закон Божий, «Родная речь» Ушинского была заменена слабым учебником Викторина, вдобавок в программу ввели славянский (церковнославянский) язык.

На протяжении всего XIX в. духовное ведомство упорно отстаивало свой приоритет в деле просвещения осетин, препятствуя открытию светских (т. н. «народных» или «министерских») школ. Владикавказский епархиальный училищный совет в 1898 г. утверждал в обращении к синоду: «Если церковная школа имеет просветительное значение для русских, то среди туземцев – это миссионерский стан. ...Открытие министерских школ в Осетии прямо нежелательно, ибо таковые школы обещают насадить рационализм, далекий от христианского влияния, что имеет благоприятную почву у осетин» (цит. по 193: 72).

Такую позицию, поддержанную правительством и кавказской администрацией, нетрудно объяснить. Интерес империи к осетинам определялся принципом, который был сформулирован еще в ходе Кавказской войны: «Прочное владычество в Осетии утвердит господство наше на большом пространстве хребта Кавказских гор» (77: 5). Осетия, занимая центральные территории по обоим склонам Кавказа и располагаясь на пересечении важнейших стратегических коммуникаций, присоединилась к Российской империи по собственной инициативе и обоюдному согласию. Осетины – индоевропейский народ, в абсолютном большинстве православные христиане. В них традиционно видели опору России на Кавказе. Стабильное политическое положение в Осетии было важной заботой российских властей. Отсюда и особое внимание к сохранению позиций христианства – ведь Осетия имеет собственное мусульманское большинство и на севере окружена народами, исповедующими ислам. Одним из следствий этого внимания была развитая сеть школ и быстрое распространение образования – в области просвещения Северная Осетия далеко опережала соседей. Обратной

стороной этих достижений было то, что школы рассматривались как идеологический «фронт» и «миссионерский стан» – потому они и были в большинстве церковными.

Лишь в конце XIX в. в Северной Осетии появляются министерские школы – вначале в мусульманских селениях. Первой была Эльхотовская школа, открытая в 1886 г. (105: 150). Народные школы открывались зачастую на средства сельских обществ или частных лиц. В 1890-е гг. на собственные средства открыли школы в родных селениях братья Шанаевы в Бруте, писатель Б. А. Туганов в Дурдуре, генерал Д. Г. Цаликов в Ногкау и др. (122; 123). Министерские школы отличались от церковноприходских лучшей постановкой учебного процесса, более широкой и приближенной к интересам народа программой обучения, высокой квалификацией учителей. И народ очень скоро оценил их преимущества.

В 1900-е гг. развернулось широкое общественное движение за упразднение церковноприходских школ ОВГХ и замену их министерскими школами Дирекции народных училищ Терской области. Многие сельские общества вынесли соответствующие приговоры, кое-где произошли даже конфликты между местным духовенством и интеллигенцией. В числе лидеров этого движения – известные осетинские педагоги Г. Б. Дзасохов, М. К. Гарданов, С. Ц. Тхостов, Х. А. Уруймагов (130; 154; 126).

Конечно, церковноприходские школы не были закрыты – с явной поддержкой администрации победу в споре одержал епархиальный училищный совет. Руководителем и идеологом борьбы за сохранение церковноприходских школ стал А. Н. Кодзаев, епархиальный наблюдатель осетинских школ (136; 137). Общественное мнение не простило ему непримиримой позиции и репрессивных мер против учителей-оппонентов (130; 134; 154). В 1905 г. он был вынужден подать в отставку (193: 106-110, 126-127).

А уже в 1906 г. новый епархиальный наблюдатель признается в своем отчете: «До сих пор школьное начальство строго оберегало Осетию от вторжения министерства народного просвещения. Между тем, можно положительно утверждать, все плоскостные селения давно охладели к церковным школам, крайне неохотно их содержат, ибо все расположение их на стороне министерства народного просвещения. (...) Мне кажется, что роль миссионерства церковных школ окончена. (...) Ни гражданского, ни религиозного воспитания школы народу не дали. Поэтому нет основания бояться министерских школ, когда и сам народ их желает, (...) и когда они служат той же просветительной цели» (105: 186).

В последние годы XIX в. в Северной Осетии было 32 церковноприходские и 23 народные школы, а накануне революционного 1917 г. – 52 церковноприходские и 35 народных школ (105: 225-228; 173: 473).

Относительно благополучно развивалось и женское образование (124; 149; 133; 128). Уже в 1870-е гг. в Северной Осетии действовало шесть женских начальных школ (105: 138-139) – при полном отсутствии таковых у всех прочих «инородцев» Северного Кавказа. В это число не входит женская школа, основанная протоиереем А. В. Колиевым и в 1866 г. преобразованная в трехклассное училище с пансионом. Обучение в этой школе начиналось с подготовительного класса, имевшего два отделения (т. е. рассчитанного на два года), и продолжалось в трех основных классах, каждый из которых также предусматривал двухгодичный курс. Названная именем великой княгини Ольги Федоровны (супруги наместника и попечительницы ОВПХ), Владикавказская Ольгинская осетинская женская школа стала гордостью Осетии, она воспитала и дала образование первым поколениям осетинских учительниц. В 1891 г. Ольгинская школа была преобразована в женский приют с училищем, а в 1916 г. приют реорганизован во второклассную женскую учительскую школу (87: 31-32; 200: 9-10).

По данным 1914 г., в осетинских церковноприходских школах обучалось 4 055 человек – из них 1 089 девочек, в школах Дирекции народных училищ было 2 514 учеников – из них 472 девочки (173: 473). При многих школах существовали также воскресные и вечерние классы для взрослых, желающих учиться (194: 40). По справедливой оценке Ахмета Цаликова, «только одна Осетия в смысле распространения народного образования была поставлена в лучшие условия сравнительно со всеми другими туземными народностями» (197: 85). Здесь имеется в виду прежде всего массовая начальная (так называемая «осетинская») школа.

В начале XX в. во Владикавказе действовали и средние учебные заведения: две мужские и две женские гимназии, два реальных училища, техникум путей сообщения, учительская семинария, учительский институт и кадетский корпус. Эти учебные заведения работали по общероссийским программам. Учащиеся осетины не составляли в них большинства. Осетинский язык не изучался.

Иное дело Ардонское духовное училище, основанное ОВПХ в 1887 г. В 1895 г. училище преобразовано в духовную миссионерскую семинарию, а с 1909 г. стало семинарией обычного типа (170). Обязательным предметом в Ардонской семинарии был осетинский язык – это соответствовало целям подготовки священников для осетинских приходов и учителей для церковноприходских школ Осетии. Сохранилась семинарская «Программа преподавания осетинского языка». Она должна была, как в ней сказано, «удовлетворять главной цели сего духовно-учебного заведения – подготовить питомцев его к успешному прохождению

священной обязанности служителя алтаря и проповедника Слова Божия на осетинском языке. Ввиду этого преподавание осетинского языка... должно состоять: а) в основательном ознакомлении учащихся с церковно-богослужебным осетинским языком со стороны практической и теоретической и б) в усвоении ими разговорного осетинского языка с оттенками различий главных его наречий» (88: 1). Впрочем, Ардонская семинария не только не сыграла предназначавшуюся ей роль рассадника клерикальной идеологии, но сделалась центром подготовки гуманитарной интеллигенции и педагогических кадров, своеобразным трамплином для поступления осетинской молодежи в высшие учебные заведения России.

3. Осетинский язык в школе.

Официальная педагогика империи допускала существование национальных особенностей лишь на уровне начального образования. Школы, в которых обучались осетины, было принято именовать «осетинскими школами». Только ли этногеографический смысл вкладывался в это название? Каково отношение дореволюционной «осетинской школы» к проблемам и целям национального образования?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, следует вспомнить, что XIX в. был временем становления современной осетинской нации и формирования осетинской национальной культуры. На вторую треть XIX в. пришлось начало культурного переворота. Политические, социальные и хозяйственные сдвиги, подготовившие крушение феодализма и вовлечение Осетии в систему всероссийских, а затем и мировых экономических связей, с неизбежностью разрушили традиционный уклад жизни, повысили мобильность населения, расширили горизонты культурного взаимодействия. Поворот традиционного общества к просвещению, специализация отдельных сфер культурной деятельности, появление профессиональной литературы и искусства – все это происходило на фоне национальной консолидации и осознания национальных интересов. Именно в этом историческом и культурном контексте протекала деятельность и формировалась мотивация осетинских просветителей середины XIX в.

В 1860 г. управляющий осетинскими приходами и духовно-учебными заведениями Военно-Осетинского округа архимандрит Иосиф (И. И. Чепиговский) высказал в официальном письме свои «соображения о том, возможно ли и каким путем ввести и распространить между осетинами грамотность на их родном языке». Вывод, с которым духовный пастырь (украинец, изучивший осетинский язык, автор осетинского букваря) познакомил администрацию, был таков:

«...есть полная возможность скоро и правильно двинуть национальное осетин образование» (111: 256-257). Аргументами архимандрита Иосифа были наличие осетинской письменности с удобной грамматикой А. М. Шегрена и подготовленный самим Иосифом букварь, а главное – достаточное число образованных осетин, «знающих грамматически как свой, так и русский язык, готовых потрудиться на пользу своих соотечественников в деле распространения между ними национальной грамотности» (111: 257). Ближайшими сподвижниками Иосифа были священники Аксо Колиев, Михаил Сухиев, Алексей Аладжиков, учителя Соломон Жускаев, Егор Караев, Георгий Кантемиров. Благородные начинания Иосифа и его соратников осуществились лишь в той части, которая зависела от их собственных сил, воли и энтузиазма. Им удалось немало: издание букваря в 1861 г., переводы богослужбной и учебной литературы, колиевская школа для девочек, повседневное и бескорыстное самодеятельное просветительство... Но широкие планы «национального образования осетин» остались неосуществленными. Главным и непреодолимым препятствием оказалась государственная система образования, поделившая граждан империи на «сынов и пасынков» – по точному определению Ахмета Цаликова. Во всеподданнейшем отчете за 1867 г. министр народного просвещения утверждал, что **«конечною целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом»** (105: 15).

Практическое воплощение принципа русификации состояло не в примитивном запрете на родной язык, а в отсутствии его государственной поддержки. Имперская политика в области просвещения была политикой своеобразного «образовательного протекционизма» – поддержки, развития и навязывания русской школы, которая могла быть модифицирована в зависимости от обстоятельств, к которым применялась. На окраинах многонациональной России приходилось использовать в обучении родной язык детей, не знакомых до поступления в школу с русской речью. В правилах 1863 г. о школах ОВПХ (и то лишь в примечании к § 12) упомянуто о том, что «обучение в приходских школах русской грамоте производится после изучения природной грамоты» (105: 118). На деле же на осетинском языке начинали изучать закон Божий – по картинкам с объяснениями учителя и по букварю архимандрита Иосифа, включавшему параллельные духовные тексты на осетинском и русском языках (159: 14). Вряд ли это можно считать полноценным изучением родного языка. Точно так же и использование устных объяснений на осетинском языке, компенсировавших слабое понимание детьми русской речи, не может называться обучением

на родном языке. Однако и такая роль осетинского языка оказалась чрезмерной начальнику Владикавказского округа. В своем рапорте от 26 июня 1868 г. начальнику Терской области он пишет об осетинах, что это народ, «не находящий сочувствия в туземном населении Кавказа, к этому еще религия ставит их в более близкие отношения к русским, следовательно, русский язык необходим для осетин, видимо клонящихся к обрусению». Вульгарно-политическая интерпретация факта языковой, культурно-исторической и религиозной близости осетин и русских служит обоснованием культуртрегерских амбиций колониального чиновника. Он добавляет, что «грамота осетинская есть недавнее изобретение и только применение русского алфавита к осетинскому языку, так что знающий один из этих алфавитов легко переходит к другому». Далее следует вывод: «...полагаю необходимым во всех осетинских школах начинать обучение грамоте прямо с русского языка, для облегчения же понимания учениками чуждого им языка, в одно и то же время следует учить и осетинской грамоте, учебники которой следует приноровить для этой цели» (105: 129). Результатом подобного глубокомыслия явилась консервация сложившегося положения осетинского языка в школе, несмотря даже на то, что существовали законные основания для расширения роли родного языка в обучении детей. По правилам об устройстве учебной части на Кавказе от 22 ноября 1873 г., «все желающие могли изучать родной язык в приготовительном и первых четырех классах средних учебных заведений» (186: 174). Правила для школ ОВПХ от 9 декабря 1874 г. называют «чтение и письмо местного письменного языка» в качестве учебного предмета и предусматривают норму, в соответствии с которой «преподавание всех предметов, начинаясь на местном языке, переходит затем на русский, на котором впоследствии и ведется исключительно все обучение» (105: 136-137).

Ни в Осетии, ни тем более за ее пределами не было инстанции, заинтересованной в использовании даже этих ограниченных возможностей. Впрочем, весьма характерная формулировка, предлагавшая изучение родного языка **по желанию**, оставляет замечательную возможность не спрашивать о пожеланиях и не создавать для них почвы.

Инспектор школ ОВПХ, докладывая 15 января 1876 г. начальнику Терской области о состоянии осетинских школ, делает неутешительный вывод о расхождении целей школы с интересами народа: «...с одной стороны стало население, которое совершенно случайно то отдает, то разбирает своих детей из школы, так как оно не видит ясных результатов, которые доказывали бы ему пользу обучения в школе; с другой стороны – школы, лишенные вследствие этого возможности выучить

чему-либо основательно своих учеников» (105: 140-141). И это происходит на фоне особой тяги осетин к образованию, многократно отмеченной в этнографических описаниях и официальных документах XIX в. (см., напр., 105: 129, 161). Показательно, что, сетуя на оторванность школы от интересов народа, инспектор еще прежде отказывается от единственного способа устранить это противоречие. Он пишет, что в России «достаточно ученику проучиться в школе один год, чтобы вынести умение читать и писать на родном языке, но совершенно другое дело в Осетии, где русский язык является иностранным и где тем не менее русская грамота является единственной, которой возможно обучать детей в школе, так как осетинская, изобретенная самими же русскими, существует лишь в немногих книгах духовного содержания, изданных обществом восстановления христианства и затем более нигде не употребляется» (105: 140). Итак, найден еще один аргумент – **«нигде не употребляется»**. Отсутствие у осетинского языка официальных функций становится оправданием для его полного вытеснения.

Картина будет неполной, если еще раз не вспомнить, что тенденции, определившие жизнь осетинской приходской школы, противоречили не только достижениям российской педагогической науки, но даже распоряжениям высшей кавказской администрации. Выдающиеся русские педагоги К. Д. Ушинский, Н. И. Ильминский и др. уже показали все преимущества и жизненную необходимость обучения детей на родном языке. Учебный план, утвержденный заместителем в 1881 г., предлагал первый год вести обучение только на родном языке и т. п. Особый интерес к русификации осетин, некоторая автономия духовного ведомства (школы ведь приходские) и покровительство местной администрации сделали свое дело. По свидетельству Х. А. Уруймагова, осетинский язык служил в школе только «вспомогательным средством для сознательного введения детей в область изучения русского языка, главного и обязательного предмета» (194: 42). «Больше этого в то время на осетинском языке ничего, действительно, нельзя было делать, – поясняет известный осетинский педагог. – Преподавание предметов на осетинском языке не могло вестись, потому что не было осетинского учебника; если же он, осетинский язык, как предмет преподавания, не входил в упомянутый курс, то это нужно объяснять тем, что и литературы на этом языке никакой не было» (194: 42).

Этот замкнутый круг так и не был разорван в XIX в. Новый учебник – «Осетинская азбука» (1890 г.) Алмахсита Канукова, первые светские книги – «Жфхждты Хжсанж» (1897 г.) Александра Кубалова и «Ирон фждыр» (1899 г.) Коста Хетагурова вышли в свет без всякой помощи со стороны государства.

Выступления осетинской интеллигенции за обучение детей на родном языке также оставались без ответа. Одним из первых поднял свой голос Афако Гассиев – философ, публицист и общественный деятель. **«Главная беда или зло наших школ – это язык, –** писал он в 1877 г. **– Детей учат не на родном языке. Ведь, подумаешь, – не анахронизм ли это в наш педагогический век!»** (164: 249).

Вторая половина XIX и первая четверть XX в. стали для Осетии эпохой Национального возрождения – интенсивного строительства профессиональных основ национальной культуры. Проблема школы сделалась решающим пунктом не только национально-культурного, но и социально-политического размежевания. Языковые проблемы занимали центральное место в культурной деятельности, формировавшей национальное самосознание. Родной язык был осмыслен как душа культуры, связующая нить времен, гарантия национальной идентичности.

Движение за приобщение школы к культурным нуждам народа и целям национальной культуры активизировалось в начале XX в. Выступления в печати Г. М. Цаголова, Г. Б. Дзасохова, Х. А. Уруймагова, М. К. Гарданова и других (147; 148; 125; 126; 129; 142; 141; 119; 120) влились в широкий хор голосов передовых деятелей просвещения Кавказа и всей России. Поиск причин неблагополучия в кавказских школах подытожил известный грузинский педагог Я. Гогебашвили: игнорирование родного языка как языка обучения, низведение его до уровня необязательного предмета, а также неверная методика преподавания русского языка, на котором принимаются учить плохо подготовленных для этого детей (166: 83).

Летом 1901 г. собрался съезд учителей церковноприходских школ Северной Осетии. Съезд постановил: приступить к составлению учебников осетинского языка для улучшения и расширения его преподавания; учредить общество взаимопомощи учителей; открыть склад учебных пособий и учительскую библиотеку (152: 292).

До руководства Кавказского учебного округа смысл происходившего дошел не сразу. Еще в отчете 1903 г. звучит нескрываемая гордость за то, что преподавание в абсолютном большинстве школ «ведется на русском языке» (186: 165). Только в революционном 1905 г. заместитель Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков признал «необходимым в начальных училищах преподавание всех учебных предметов вести на родном языке учащихся» – 29 октября 1905 г. на это было дано официальное разрешение (186: 170).

К сожалению, Осетия оказалась не готова к использованию этой возможности. Состоявшийся 10-16 августа 1905 г. съезд учителей Северной Осетии

требовал всего лишь «ввести в программу родной язык как обязательный предмет». Среди прочих требований съезда: переименование церковноприходских школ в народные, сокращение курса закона Божия и исключение из программы славянского языка, изменение и дополнение программ по общеобразовательным предметам, введение в школьный курс естественной истории и сельскохозяйственных знаний (105: 176). Просьба «ввести родной осетинский язык, как необходимый для правильного нашего развития и в будущей деятельности учительства в начальных осетинских школах» высказана и в петиции воспитанниц Владикавказского Осетинского Ольгинского женского приюта, поданной в педагогический совет в ноябре 1906 г. (105: 177). Можно согласиться с существующей в литературе оценкой этих требований как прогрессивных и либерально-демократических (200: 16-17; 193: 131-134). Но совершенно очевидно, что наместник был более радикален.

Ответом на общественную активность учительства было постановление о закрытии «общества вспомоществования» учителей церковноприходских школ за «политическую пропаганду вредных идей» (105: 177-178). В 1906 г. проведены преобразования в епархиальном училищном совете. Чтобы вывести школы из-под влияния национального движения, епархиальный наблюдатель предложил назначать в осетинские школы русских учителей, мотивируя это «слабой подготовкой» учителей-осетин (105: 179).

Поражение первой русской революции, политическая реакция и спад общественного движения, репрессии против передовых учителей, тяжелое материальное положение учительства – все это способствовало сохранению в школах прежнего положения ве-

щей. Тем не менее, в послереволюционное десятилетие острая борьба вокруг школ продолжалась. Население начало переходить от прошений о замене церковных школ министерскими к открытому бойкоту церковноприходских школ. Администрация же делала все возможное, чтобы пресечь общественную активность и организационное оформление осетинского учительства (193: 142-145).

Самым крупным достижением начала XX в. стало введение в школах осетинского языка в качестве обязательного предмета (197: 85).

В 1915 г. окружной наблюдатель в своем отчете рисует следующую картину изучения осетинского языка в школе: «Изучение грамоты и письма осетинского языка ведется принятым порядком. По букварю Канукова прочитываются слова, с надлежащей переработкой целые предложения и статейки. Встречающиеся “на ряду” стихотворения и басни заучиваются согласно общим дидактическим приемам и правилам и методам. Родной язык положено изучать в течение двух лет. Но как я отмечал в отчетах за предыдущие годы, материала недостает и на один год. Кроме его, даже учебники Канукова приобретаются с трудом. Их нет в продаже. Занятия по этому предмету ведутся везде с надлежащим успехом. Вместе с изучением родного языка в школах ведутся уроки устного обучения детей русскому языку» (105: 211). Замечательно, что описывая изучение закона Божия, наблюдатель указывает на трудности, связанные с большим количеством учебного материала, который необходимо пройти на русском языке, и просит училищный совет «разрешить отцам законоучителям означенный материал проходить на родном языке» (105: 211).

Зарождение национального образования в Осетии

1. Концепция осетинской школы. Органы управления образованием

Первый Всеосетинский учительский съезд.

Годы первой мировой войны ознаменовались кризисом в народном образовании. Многих учителей призвали в армию, в школах увеличился отсев учащихся, пришла в упадок материальная база. Осенью 1916-го учебный год начался с опозданием. Февральская революция 1917 г. не принесла улучшений – качество обучения и воспитания в школах Осетии продолжало понижаться (200: 21-22). В этих условиях группа осетинских народных учителей, поддержанная в широких кругах интеллигенции, выдвинула идею «обновления родной школы». В мае 1917 г. состоялось совещание, избравшее Бюро по созыву учительского съезда. В Бюро вошли

виднейшие деятели народного образования Осетии (С. Ц. Тхостов, Х. А. Уруймагов, Ц. В. Амбалов, М. К. Гарданов, Г. К. Гуриев и др.) и представители талантливой учительской молодежи. Бюро подготовило программу будущего съезда и обратилось с воззванием к учителям Северной и Южной Осетии.

Первый Всеосетинский учительский съезд прошел во Владикавказе 10-16 июля 1917 г. В программу его работы вошли следующие вопросы: критический обзор программ преподавания в начальной школе; желательный тип низшей осетинской школы; подготовка преподавателей; объем и содержание курса осетинского языка в начальной, средней и педагогической школе; критический обзор учебников и книг для чтения на осетинском и русском языках; установление единой графики и орфографии; открытие новых школ и

высшего учебного заведения по кавказоведению (с кафедрой осетиноведения); управление осетинской школой (112).

Съезд начал работу со слушания и попунктно-го обсуждения доклада Х. А. Уруймагова «Желательный тип начальной школы в Осетии, предметы преподавания и объем и содержание этих предметов». По докладу были приняты решения, составившие основу концепции национального образования в Осетии. Съезд заключил, что **«осетинская начальная школа должна быть национализирована, т. е. основана на тех элементах и факторах, которые служат признаками той или другой нации (общность происхождения, общность языка, быта, нравов, обычаев и, наконец, пережитого исторического прошлого). Основую для осетинской школы, поэтому, должен быть родной язык, на котором происходит преподавание предметов школьной программы»**. Родным языком решили считать оба диалекта осетинского языка: «для иронских школ – иронский, для дигорских школ – дигорский» (112: 1-2).

В курс начальной осетинской школы съезд ввел следующие предметы: родной язык, природоведение, арифметику, геометрию, русский язык, историю с несколькими уроками обществоведения, географию, рисование, пение, гимнастику и рукоделие. Законоведение (т. е. закон Божий) сохранено в качестве необязательного предмета. Большое внимание было уделено положению русского языка в осетинской школе. Съезд постановил, что «русский язык, как государственный язык, имеет большое значение для Осетии, культурно связанной с Россией, потому в осетинской народной школе русскому языку нужно отвести подобающее место. Изучение русского языка должно начинаться с первого полугодия 2-го отделения, а там, где возможно, соотносясь с подготовкой учащихся, даже со второго полугодия первого года» (112: 2).

Разработку учебных программ съезд поручил созданным для этого специальным комиссиям. Были определены также шестилетний срок обучения в осетинской начальной школе, ее смешанный характер, минимальный возраст (7 лет) для поступления в школу. Съезд решил не устанавливать максимальный возраст для желающих поступить учиться и отменил систему отметок и экзаменов.

По вопросу о целях воспитания и образования съезд принял резолюцию, предложенную Цомаком Гадиевым: «Осетинская школа стремится к созданию свободной личности ребенка, к полному гармоническому – духовному и физическому – развитию ребенка, так, чтобы питомец школы был способен к дальнейшему совершенствованию, был бы подготовлен к борьбе за существование в специфических условиях осетинской жизни.

Осетинская школа и внутренней организацией и системой образования должна воспитывать в своих питомцах с одной стороны – чувство общности, любовь к творчеству, к своему народу, к людям, к человеку вообще, с другой стороны воспитывать любовь к труду, уважение к труду – будь то физический или умственный» (112: 3).

Обсудив вопрос о положении церковноприходских школ, съезд вынес решение о настоятельной необходимости их преобразования в министерские.

Съезд обсудил и проблему управления народным образованием, но отложил ее окончательное решение до создания устойчивой системы местного самоуправления. В докладе М. К. Гарданова «Об управлении осетинской школой» была предложена единая схема управления школьным делом для всей Осетии. Однако на первый случай съезд ограничился решением образовать Училищный Совет при «временном революционном органе местного самоуправления и государственной власти – Окружном Гражданском Комитете (местный орган власти Временного правительства. – Р. Б.)». Съезд тайным голосованием избрал трех членов Училищного Совета: Х. А. Уруймагова, Ц. С. Гадиева и С. Б. Газданову. Стоит отметить, что уже Первый Всеосетинский учительский съезд поставил перед органами школьного управления в Осетии ясную цель – «стремиться возможно скорее осуществить принцип всеобщего, обязательного и бесплатного обучения» (112: 6).

По вопросу о подготовке учителей для начальной школы съезд вынес решение об открытии краткосрочных летних учительских курсов во Владикавказе и об учреждении двух учительских семинарий (в Северной и Южной Осетии) и Учительского Института. В резолюции по этому вопросу записаны и такие решения: созывать педагогические съезды не реже одного раза в год, открыть педагогический музей, издавать осетинский педагогический журнал.

Съезд заслушал и обсудил доклады А. А. Канукова (об учебниках и методах обучения грамоте), С. Б. Газдановой (о необходимости преобразования Осетинской Ольгинской женской второклассной школы), Г. А. Дзагурова (об осетиноведении в средней школе), Г. Г. Бекоева (об осетинской письменности и словесности в средней школе), И. В. Баева (о внешкольном образовании), С. Ц. Тхостова (об экскурсиях и Кавказско-Горском музее).

Особенное значение имела постановка на съезде вопросов осетинской графики и орфографии, чрезвычайно важных для дальнейшего развития национальной культуры. По итогам детального обсуждения доклада Б. А. Алборова «Об установлении единообразной

осетинской графики» был принят унифицированный алфавит на основе кириллицы, устранен существовавший разнобой в обозначении некоторых звуков. Заслушав доклад Г. А. Дзагурова «К вопросу об установлении единообразной осетинской орфографии», съезд образовал особую орфографическую комиссию и поручил ей установить единые нормы к началу нового учебного года.

Одним из важнейших итогов Первого Всеосетинского учительского съезда была организация Осетинского учительского союза. Съезд принял общие положения устава, избрал бюро – руководящий орган союза.

Советская историография оценивала результаты работы съезда с узкополитической точки зрения. Наряду с некоторыми частными ошибками (отмена экзаменов, оценок и др.), указывали на «национальную ограниченность» и неумение подняться «до понимания необходимости диктатуры пролетариата, как важнейшего условия коренного решения всех вопросов народного просвещения» (200: 26). Иными словами, для того, чтобы получить высокую оценку партийных историков, осетинское учительство должно было летом 1917 г. наперекор всей России осудить отказ от экзаменов и все прочие общероссийские демократические лозунги «революции в образовании» и поголовно вступить в партию большевиков (для полноты картины напомним, что владикавказская ячейка этой малоизвестной в Осетии партии состояла тогда из трех человек).

Между тем главная цель и несомненная заслуга съезда как раз и заключается в выработке цельной концепции развития национального образования в Осетии. Впервые был поставлен и положительно разрешен вопрос о полном переходе на осетинский язык обучения в школе первой ступени. Съезд учителей, провозгласивший Осетию единым культурным пространством, явился крупнейшим культурным событием второго десятилетия XX в. в Осетии. С июля 1917 г. следует отсчитывать историю системы осетинского национального образования.

Трудно согласиться и с устоявшимся мнением о том, что государственная власть проявила к съезду мало интереса. Председатель Окружного Гражданского Комитета С. Такоев принял активное участие в работе съезда (см.: 112) и всячески способствовал реализации его решений. Учительский съезд собрался после Первого и Второго съездов осетинского народа, объединивших Осетию на уровне общенародного волеизъявления. На четвертом народном съезде, в ноябре 1917 г., был избран легитимный орган власти – Осетинский Национальный Совет, который временно облакался всей полнотой государственной власти в Осетии. Председателем Национального Совета стал С. А. Такоев, его заместителем – Ц. С. Гадиев, один из

руководителей Училищного совета и Учительского союза. Концепция национального образования была официальной основой школьной политики Осетинского Национального (с апреля 1918 г. – Народного) Совета.

Деятельность учрежденных Первым учительским съездом органов встречала препятствия со стороны Владикавказского Епархиального училищного совета (16). Тем не менее Осетинский Училищный совет начал осуществлять руководство школами и подготовку их к новому учебному году (114). Проходивший во Владикавказе с 25 по 27 августа 1917 г. Второй съезд учителей Терской области по инициативе осетинской делегации постановил выделить осетинские школы в особый инспекторский район, а также поздравил «товарищей-учителей Осетии с началом новой эры в истории их школы и всей их народности» (121).

Осетинский Училищный совет. Функции Осетинского Училищного совета (ОУС) определены в положении, начальные пункты которого ниже приведены целиком:

«§ 1. ОУС есть центральный орган, ведающий дело школьного образования в Осетии.

§ 2. ОУС а) открывает и закрывает в пределах Осетии школы всех типов и наименований; б) является общим руководителем в деле установления направления, характера и объема курса преподавания в школах Осетии; в) назначает и увольняет преподавателей; г) разрабатывает учебные планы и программы преподавания школьных предметов, одобряет и рекомендует школам учебники и учебные пособия по разным отраслям знания; д) печатает отчеты о состоянии постановки дела народного образования в Осетии.

§ 3. Все средства, отпускаемые на народное образование Осетии как государственным казначейством, так и самим населением, поступают в распоряжение ОУС, которому принадлежит и общее заведывание хозяйственной стороной школьного дела в Осетии.

§ 4. Право назначения и перемещения учителей в пределах Осетии принадлежит исключительно ОУС» (83: 1).

Училищный совет работал в тесном сотрудничестве с общественной профессиональной организацией учителей – Осетинским Учительским союзом. Своей целью союз поставил, как определено в его уставе, «усовершенствование и развитие учительских сил в общественном, педагогическом и научном отношении, а равно и заботу об улучшении материального и правового положения учителей». Членами союза могли быть «все лица, без различия пола, вероисповедания и национальности, работающие в области не только осетинского школьного дела, но и вообще на поприще просвещения и воспитания и вне пределов Осетии» (82: 1-2).

За полтора года, с осени 1917 до весны 1919 г., Осетинский Училищный совет открыл 18 новых школ, а в существовавших школах увеличил общее штатное расписание на 45 единиц. Основанием для открытия новых школ служили приговоры сельских обществ, а главной целью было стремление охватить начальным образованием возможно большее число детей. Детей школьного возраста в Северной Осетии в 1918 г. было не менее 20 тысяч. Из них около половины все еще оставались за бортом школы (84: 49-52). Основным языком преподавания в Осетии по-прежнему оставался русский язык. Переход на родной язык обучения мог происходить лишь по мере готовности учителей, программ и учебных пособий. В целом нельзя не согласиться с оценкой, данной позднее противником Училищного совета, главой Дирекции народных училищ Терской области: «Северо-Осетинский Училищный совет в течение 1917 и 1918 гг. действительно оказал большую услугу Осетии, сохранив от развала ее школы, ранее существовавшие, и открыв довольно большое число школ и комплектов новых» (84: 40). «Северо-Осетинским» Осетинский Училищный совет стал, потеряв в ходе гражданской войны контроль над школами Южной Осетии. К началу 1919 г. в подчинении СОУС находились 144 школы Северной Осетии (84: 26-30).

Сохранилась программа по осетиноведению для высших начальных училищ Осетии (94: 8-24). Она состоит из разделов осетинского языка, географии и истории Осетии. Изучение родного языка включало подробное ознакомление с осетинской литературой и фольклором, выработку навыков выразительного чтения, устного и письменного пересказа, перевода с русского языка на осетинский и с осетинского на русский. Преподавание предписывалось вести на осетинском языке.

Полное отсутствие учебных пособий по географии и истории Осетии затрудняло работу учителей по этим разделам программы. В первом классе давались некоторые сведения из физической географии, а затем географическое описание родного села и его окрестностей. Во втором классе шло ознакомление с географией всего административного участка, в котором располагалась школа. В третьем классе детей знакомили с географией Владикавказского округа, а в четвертом классе – с географией остальной части Осетии. В конце обучения полностью повторялся систематический курс географии Осетии.

По истории в первом классе работа начиналась с рассказов о происхождении фамилий, к которым принадлежали ученики. Затем выяснялось происхождение осетинского народа и описывались «исконно-бытовые черты осетин на основании народных сказок и нартовских сказаний». Во втором классе давались сведения о древней и раннесредневековой истории

алан-осетин с уклоном в сторону истории культуры. В третьем классе изучали социально-политическую и культурную историю осетин от эпохи становления Аланской державы до XIX в. Наконец, в четвертом классе предполагалось знакомство с полным «систематическим курсом всей истории осетинского народа, причем должное внимание уделяется истории осетинской церкви и народного просвещения». Языком преподавания истории и географии мог быть как русский, так и осетинский – это зависело от подготовки учителей. Считалось желательным, чтобы в младших классах преподавание шло на осетинском языке.

В Терской республике. В феврале-марте 1918 г. Вторым съездом народов Терека была провозглашена Терская Народная Советская Республика в составе РСФСР. В структуре правительства Терской республики был создан Народный комиссариат просвещения. С апреля 1918 г. (по решению Шестого съезда осетинского народа) Осетия входила в состав Терской республики. С этого времени на осетинскую школу распространено действие первых декретов советской власти по проблемам народного образования. Чуть позже были взяты на вооружение «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение о единой трудовой школе» (октябрь 1918 г.). Ряд декретов издал и Совнарком Терской республики: об отделении церкви от государства и школы от церкви, о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в Наркомпрос, об открытии национальных школ, о подготовке национальных кадров учителей, издании учебников и др. (103: 53-57). Активную роль в реформировании школы и создании новых органов народного образования играл Терский областной Союз учителей (78: 1).

Актуальные вопросы строительства новой системы народного образования в Осетии были обсуждены на Втором съезде учителей осетинских школ 9-11 мая 1918 г. В программу съезда были включены 22 вопроса, в том числе: отчет и переизбрание Училищного совета; устройство методических курсов; преподавание родного языка; свободное и национальное воспитание; издание педагогического журнала; организация приютов в горной полосе; улучшение оплаты труда учителей и др. Школьное образование было переведено съездом в ведение Северо-Осетинского Училищного совета при Осетинском Народном Совете, который в условиях необратимого разрушения прежнего государства стал единственным органом власти и управления на территории Осетии, первой формой национального правительства. Состоялось также важное решение об объединении всех осетинских школ и подчинении их Училищному совету – имелись в виду школы, оставшиеся вне тогдашних границ Осетинского округа. Следует отметить и решение о национализации

одного мужского среднего учебного заведения во Владикавказе – первый подступ к строительству национальной средней школы полного цикла.

В целом съезд носил деловой характер и был посвящен неотложным вопросам школьного строительства и повышения квалификации учителей (89: 1-4).

Расширение сети школ и требование перехода на родной язык обучения привели к острой нехватке квалифицированных педагогических кадров. Второй осетинский учительский съезд возбудил ходатайство перед Владикавказским Учительским Институтом о поступлении на учебу имеющих трехгодичный стаж учителей-осетин с незаконченным средним образованием. Кроме того, 25 июля 1918 г. открылись пятидневные Осетинские педагогические курсы. Занятия вели опытные педагоги и ученые (О. Н. Абрамова, Б. А. Алборов, Г. В. Баев, В. Д. Бауер, Ф. А. Будяков, Г. А. Дзагуров, Г. М. Кесаев и др.). В программу курсов вошло изучение осетинского языка, фольклора и литературы, истории и географии Осетии, методики преподавания различных предметов, психологии, проблем организации школьного дела. На курсах прошли обучение 65 действительных слушателей и 21 вольнослушатель (79: 2-3; 17: 25-26).

Была создана также Осетинская учительская семинария. Бывшая Осетинская Ольгинская женская школа еще в 1916 г. была преобразована во второклассную учительскую женскую школу. В мае 1918 г. стараниями Училищного совета на ее основе создается учительская семинария (87: 31-38). Ардонская духовная семинария, традиционная кузница педагогических кадров, преобразованная в Осетинскую смешанную гимназию, в июле 1918 г. также была передана в непосредственное подчинение СОУС (80: 5).

Летом 1918 г. специальным декретом Совнаркома Терской республики были освобождены школьные здания, проведен ремонт школьных помещений. Тогда же Терский наркомпрос обсуждал на своих заседаниях вопросы организации национальной школы, издания учебников, создания национальных типографий. На издание газеты на осетинском языке была выделена субсидия Осетинскому Народному Совету (189: 40).

Специальными декретами СНК Терской республики дважды в 1918 г. повысил оклады работникам народного образования (11: 96; 14: 199).

Летние месяцы 1918 г. были использованы Училищным советом для инвентаризации школьных зданий и имущества. Особенно тяжелым оказалось положение в горной зоне. «Здания носят следы разрушения, ...окна и двери поломаны, забор испорчен скотиной. В некоторых школах гуляют овцы и телята... Здания везде требуют капитального ремонта», – такую картину наблюдал инспектор в Алагирском ущелье (83: 13-15).

Дополнительные трудности создались с началом гражданской войны в Осетии – так называемых Августовских событий. Новая проблема возникла осенью 1918 г. Отступающая XI Красная Армия принесла во Владикавказ эпидемию сыпного тифа, в школьных зданиях были организованы лазареты (84: 60).

19 декабря 1918 г. Северо-Осетинский Училищный совет был переименован в Осетинский Совет по народному образованию (81: 10), но воспользоваться новым именем не успел.

В «белой» России. В январе – начале февраля 1919 г. Терская республика пала под ударами армии А. И. Деникина. Новая власть признавала некоторую автономию Осетии и правомочность съездов осетинского народа. Осетинские органы народного образования продолжали действовать, хотя их отношения с восстановленной Дирекцией народных училищ Терской области не были гладкими.

Сохранились материалы деникинской инспекции народных училищ, рисующие картину, любопытную своей объективностью. Это своеобразный независимый отчет о деятельности СОУС. «Что касается состояния школьного дела в Округах (с туземным населением), – пишет глава Дирекции деникинскому министру просвещения, – то от русской школы здесь, за исключением только Осетии, не осталось почти никаких следов. ...Что касается Осетии, в большом числе своего населения христианской, то здесь дело обстояло лучше. Здесь есть много школ, весь инвентарь которых был разграблен соседними селениями, ...но с весны 1918 г. над воссозданием школы стал энергично работать Осетинский Совет по народному образованию, расширивший школьную сеть, открывший до 20 высших начальных училищ, 2 гимназии, 1 осетинскую учительскую семинарию... Вследствие событий в области и вследствие недостатка учебных пособий занятия нормально и здесь идти не могли. Учительский состав начальных училищ Осетии, для которого летом 1918 года во Владикавказе были организованы краткосрочные курсы, в большинстве все же педагогической подготовки для работы в осетинских школах не имеет. Еще в большей мере то же нужно сказать и о составе учителей осетинских высших начальных училищ, взятых главным образом из студентов и окончивших мужские и женские гимназии» (84: 66-68).

Деникинское правительство – Особое Сопровождающее при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России – восстановило учреждения и правила, действовавшие до 25 октября 1917 г. (84: 70-74). Вместе с тем попечитель Кавказского Учебного Округа профессор В. Сиповский в циркулярном письме определил новое направление развития школьного дела, выдвинув задачу строительства трудовой, трехступенной и единой,

демократической, беспартийной школы. «Новая школа должна поставить своей целью – дать государству деятельных граждан, здоровых умственно и физически, спокойных и трезвых, ясно понимающих смысл и значение труда и любящих свою многострадальную родину» (84: 11-12). Однако, как можно понять из сохранившихся документов, это касается прежде всего русской школы, и куда в меньшей степени относится к национальному образованию у народов Кавказа. Сложные отношения, развивавшиеся между Терской Дирекцией и СОУС, фактически являлись корректной формой борьбы за перспективы народного образования в Осетии. СОУС стремился хотя бы сохранить существующие школы. Председатель Совета Г. Г. Бекоев писал в Дирекцию, что «Северо-Осетинский Училищный совет не исполнил бы своего долга перед осетинским народом, если бы не добился признания всех открытых им начальных школ и не принял бы всех мер, находящихся в его распоряжении, а потому просит (...) утвердить все начальные училища и штаты, открытые в Осетии при Советской власти с принятием их содержания на счет казны» (84: 54). Дирекция противилась, первоначально рассчитывая, по-видимому, на правителя Осетии полковника Бета Хабаева. 19 марта ему было отправлено письмо с приглашением обсудить вопрос «об организации управления школами Осетии». Расчет был неверен. На следующий день открылся Десятый съезд осетинского народа, утвердивший полковника в должности. Ни сокращение школьной сети, ни отказ от строительства национальной системы образования не входили в культурную программу осетин. Напротив, съезд даже принял резолюцию прямо противоположного содержания: «В целях культурного объединения осетинского народа съезд находит необходимым подчинение всех осетинских школ Моздокского района и селения Георгиевско-Осетинского школьным органам Осетии» (84: 34, 53). Ни сам правитель Осетии, ни его окружение, состоявшее из образованных офицеров и представителей интеллигенции, не собирались противодействовать просвещению своего народа. В Осетии у Терской Дирекции союзников не оказалось. В июле 1919 г. последовало обращение к попечителю Кавказского учебного округа. Главный аргумент Дирекции состоял в следующем: «Если осетинскому народу дать все то, что является целью его достижений, то школьной власти нужно быть готовой к тому, что того же станут не просить, а требовать и другие народности Кавказа. ...Каковы же предстоят расходы, если и кабардинцы, и чеченцы, и ингуши, и кумыки, и ногойцы, и весь Дагестан потребуют у государства осуществления и у них такой же развитой школьной сети начальных и высших начальных училищ, что есть у осетин. К вопросу нужно подойти очень осторожно, и

решать его именно в зависимости и связи от общего вопроса о школе горских народов, а также, что еще важнее, от денежных ресурсов государства». Дирекция также выступила против прямого подчинения Осетии учебному округу (на чем настаивал СОУС) и взятия на казенное содержание осетинских высших начальных училищ. «Осетия будет осчастливлена, если ей за счет государства будет дано столько учебных заведений», – писал глава Дирекции, «осчастливить» Осетию он не собирался (84: 40-43).

Отношение деникинского Управления народного просвещения к определению места родного языка в кавказских школах ясно видно из циркулярного письма, направленного в Дагестанскую область. «При определении взаимоотношения русского и туземного языков, как орудий преподавания», предписывалось держаться учебного плана 1881 г. и правил о начальных училищах для инородцев 1907 г. Преподаватели родного языка должны были служить по вольному найму и получали содержание из местных источников (84: 19-20). Возвращение Осетии к такому положению перечеркнуло бы все достижения 1917-1918 гг. Вполне естественно, что СОУС не собирался добровольно сдавать завоеванные позиции. Способом отстаивания интересов осетинской школы было ходатайство о легализации СОУС, возбужденное перед Управлением народного просвещения при Главнокомандующем. Вокруг этого ходатайства и велась переписка. Тем временем, по отзыву самой Терской Дирекции, «совет продолжал признавать Дирекцию лишь постольку, поскольку это было связано с выдачей от Дирекции содержания, доводя до сведения о новых назначениях» (84: 46). Легализация СОУС затягивалась, и Дирекция предъявила ультиматум, отказавшись платить жалованье не утвержденным ею в должности учителям. Такой поворот вынудил СОУС согласиться на временное подчинение школ Осетии инспектору 2-го района. Эти события произошли в ноябре-декабре 1919 г., а уже 31 декабря 1918 г. приказом Управления народного просвещения один из лидеров осетинского учительства, бывший заместитель председателя СОУС Г. А. Дзагуров прикомандирован к Терской Дирекции народных училищ «для исполнения обязанностей инспектора осетинских школ» (84: 2). Достигнутый компромисс стал для осетинской школы победным. До установления советской власти в Северной Осетии оставалось три месяца. Самоотверженная работа Училищного совета позволила сохранить действующую сеть школ, уберечь от безработицы десятки учителей, сохранить основу для развития национального образования.

В период гражданской войны не удалось осуществить в полном объеме поставленные Первым и Вторым учительскими съездами задачи. Однако главное

было сделано: заложены основы национального образования. Выдающееся значение съездов заключалось в переходе к практическому осуществлению цели, за которую боролись поколения осетинской интеллигенции. Началом строительства системы национального образования в Осетии был фактически решен вопрос о перспективах национально-культурной жизни осетинского народа.

2. Система образования и планы национализации в начале 1920-х гг.

Отдел народного образования: поиск стратегии. С приходом в марте 1920 г. Красной Армии в Северной Осетии установилась советская власть. 31 марта 1920 г. при Владикавказском (Осетинском) окружном ревкоме был создан отдел народного образования (ОкрОНО). На местах ему подчинялись сельские и приходские (впоследствии – районные) отделы народного образования (7: 9; 85: 1-2). Строительство системы просвещения в Северной Осетии происходило теперь в соответствии с декретом СНК РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской Республике» от 23 апреля 1918 г. 4 апреля Северо-Осетинский Училищный совет был наконец переименован в Осетинский совет народного образования, как это и предполагалось еще в 1918 г. (12: 39). Он был наделен контрольно-совещательными функциями, однако уже через два месяца оказалось, что в таком органе нет необходимости. По решению IV съезда работников народного образования (см. ниже) совет был упразднен (85: 85).

Первоначально в ведении ОкрОНО находились только школы Осетинского округа. 24 апреля 1920 г. в подчинение ОкрОНО переданы школы населенного осетинами Моздокского района, а в конце июня к осетинским школам прибавились школы казачьих станиц Архонской, Ардонской, Николаевской, Змейской, Александровской, Котляревской и Пришибской.

К лету 1920 г. штат ОкрОНО включал около ста человек. Первоначально ОкрОНО состоял из общей канцелярии и пяти подразделов: дошкольного, школьного, внешкольного (он же «Политпросвет») с издательской и библиотечной секциями, а также подразделов искусств и финансов. С июля 1920 г. к ним добавились организационный подраздел с информационно-статистической секцией, подраздел охраны детства, подраздел профсоюзного образования, подраздел снабжения. При подразделе искусств начали работать художественная и музыкальная студии, секции театральная, литературная и охраны памятников старины. При литературной секции образованы переводческая и археографическая комиссии (156).

В ведении ОкрОНО находились 150 начальных училищ с 460 учителями, 28 высших начальных училищ

со 127 учителями, 5 средних учебных заведений с 42 учителями, 7 дошкольных учреждений, 13 учреждений внешкольного образования (школ грамоты и курсов повышенного типа) и 5 изб-читален (7: 49).

Насущные проблемы народного образования, которые советская власть связывала с необходимостью «строить новую школу» (116), были поставлены на IV съезде работников народного образования Осетии. Съезд работал 25-30 мая 1920 г. во Владикавказе, в присутствии 175 делегатов. Были заслушаны отчеты о деятельности Осетинского совета народного образования (бывший Училищный совет), инспектора осетинских школ и ОНО. Главным вопросом стал переход к единой трудовой школе – новому типу общеобразовательной школы. Были приняты решения о совместном обучении, демократизации школьного управления, организации окружных учительских курсов. По решению съезда на местах должны были проводиться выборы школьных советов и перевыборы учителей, при приеме на педагогическую работу отменялся образовательный ценз (117). Излишний левый радикализм этих решений был одной из причин последующих трудностей в организации школьного дела.

Съезд обсудил вопросы управления и инспектирования осетинских школ, дошкольного воспитания и внешкольного образования, расширения школьной сети. Особое значение имело обсуждение принципов программы по осетиноведению для школ первой и второй ступени (13: 24). Здесь необходимо обратиться к истории Осетинского историко-филологического общества, сыгравшего в 1920-е гг. весьма значительную роль в строительстве национальной школы.

Осетинское историко-филологическое общество (далее – ОИФО), созданное в 1919 г. осетинской интеллигенцией, стало главным центром научной и культурно-образовательной деятельности в Осетии. В состав ОИФО входили 77 постоянных члена, избравших правление из виднейших представителей науки и просвещения. Именно ОИФО вырабатывало стратегический курс строительства национальной школы в первые годы советской власти – благо, общество располагало квалифицированными специалистами, к тому же некоторые из руководителей ОИФО являлись одновременно и руководителями органов народного образования (Б. А. Алборов, Г. А. Дзагуров, Г. Г. Бекоев).

ОИФО занималось созданием научной и учебно-методической базы для преподавания гуманитарных дисциплин осетиноведения, разрабатывало учебные программы, объявило конкурс на лучшие учебные пособия для школ, активно участвовало в создании Горского института народного образования и разработке его учебных планов, в которых почетное место отводилось осетиноведению. Общество участвовало также

в выработке структуры ОкрОНО, а затем Наркомпроса Горской республики.

По вопросу о национализации школы и переходе на родной язык обучения (в соответствии с декретом советской власти) ОИФО после всестороннего обсуждения пришли к следующим выводам: «... национализация необходима по соображениям политическим, идеологическим и национально-культурным; но ввиду технических затруднений, как то: отсутствие учебных руководств на родном языке и отсутствие достаточного количества квалифицированных работников просвещения, способных национализировать школу, постановлено национализацию проводить постепенно путем усиления преподавания осетиноведения. Что же касается вопроса, на каком языке вести вообще преподавание, то постановлено: 1) первый год обучение вести на родном языке и параллельно практиковать лексические уроки на русском языке; 2) создать терминологическую комиссию для выработки научно-методических терминов для облегчения преподавания на родном языке» (113).

Следует оценить осмотрительность ОИФО и отсутствие «революционного» натиска: стратегия «постепенности» происходила прежде всего из объективной оценки кадровой и терминологической готовности. До создания надежной научно-методической базы перевод обучения на родной язык оказался бы легкомысленной и недолговременной авантюрой. Руководствуясь линией, выработанной ОИФО, IV съезд работников народного образования принял решение преподавание в осетинских школах первой и второй ступени во всех классах вести на русском языке и лишь в 1 классе первой ступени вести обучение на осетинском языке. Преподавание же осетинского языка делалось обязательным во всех классах школ первой и второй ступени (118).

Схема реорганизации школьной системы на основе принципа единой трудовой школы была определена на съезде заведующих отделами народного образования Терской области (22-26 июня 1920 г.). Средние учебные заведения делились на две половины: 1-й, 2-й и 3-й классы вместе с подготовительным образуют школу первой ступени, классы с 4-го по 7-й – школу второй ступени. Высшие начальные училища для перехода к новой системе также разбивались на две части. Их 1-й и 2-й классы становились 4-м и 5-м годом обучения в школе первой ступени, а 3-й и 4-й классы приравнивались к 1-му и 2-му классам школы второй ступени. Надстроив над последними еще два класса (3-й и 4-й второй ступени), получали полный школьный цикл (15: 17). Сохранилось примерное расписание уроков и предметов (85: 89-96). В I группе первой ступени – это подготовительный класс – показано

чтение и письмо (12 недельных часов), счет (6 ч.), пение (2 ч.), рисование (2 ч.), рукоделие (2 ч.), трудовые процессы (12 ч.). Со II по VI группы (1–5-й классы) первой ступени и четыре года обучения школы второй ступени представлены в Приложении (таблица 1).

Процесс национализации осетинской школы не мог осуществиться в краткие сроки. Одним из важнейших препятствий оказалась нехватка учителей и их невысокая квалификация. Общее число учителей осетинских школ в 1920 г. – 332 человека. Из них осетин – 249, русских – 75, грузин – 5 и немцев – 3. Абсолютное большинство учителей неосетинской национальности вообще не владели осетинским языком. Разделение по образовательному цензу: учителей с высшим образованием – 16, с незаконченным высшим – 43, со средним образованием и званием учителя – 273. 185 человек имели педагогический стаж более 5 лет и 14 человек – менее пяти лет (34: 20-21). Подготовка национальных кадров учителей сделалась первоочередной задачей органов народного образования.

В августе 1920 г. при активном участии Осетинского ОкрОНО во Владикавказе был организован первый на Северном Кавказе Терский (позднее – Горский) институт народного образования (198). Институт создавался на основе преобразования четырех учебных заведений – Владикавказского учительского института, Терской и Осетинской учительских семинарий и Фребелевских курсов (103: 176). В институте открылись четыре отделения (дошкольное, школьное первой ступени, школьное второй ступени, трудовых процессов), национальные подготовительные группы, краткосрочные педагогические курсы ускоренной подготовки учителей для школ первой ступени. В институте были организованы физический, общественно-исторический, естественно-исторический, краеведческий кабинеты. Базой для практической и научно-методической работы служили открытые при институте опытно-показательные школы первой и второй ступени и детский сад. Первый набор составил 100 человек. Через два года институт был реорганизован – открылись два факультета: физико-математический с математическим и естественно-географическим отделениями, общественно-исторический со словесным и социально-историческим отделениями. Полный курс обучения в институте был рассчитан на три года (189: 45).

С 1 ноября 1920 г. при ОкрОНО работали учительские курсы повышенного типа. Однако не усилия по подготовке и переподготовке учителей определяли ситуацию в народном образовании Осетии. Самым серьезным препятствием для строительства новой школы и для национализации образования были объективные экономические трудности. Уже подготовка к новому 1920-21 учебному году выявила бедственное состояние и

острую нехватку школьных помещений, нужду в самом необходимом (тетради, мел, карандаши, классная мебель и т. п.), которую испытывали многие школы (34: 20-21). 25 июля 1920 г. Терский областной ревком издал приказ об освобождении к 15 августа всех школьных зданий, занятых учреждениями и воинскими частями.

В Горской республике: борьба с разрухой.

Осенью 1920 г. Северная Осетия на правах округа вошла в состав Горской АССР. Осетинский ОкрОНО подчинялся теперь Наркомпросу Горской республики. Первое время аппарат Наркомпроса, не располагая достаточным количеством инструкторов, не мог наладить руководство школами и методическую помощь учителям. Не сразу определилась структура органов народного образования (19: 58).

Общая разруха, неоднократная смена власти в годы революции и гражданской войны, затем небывалый голод 1921 г. и волна детской беспризорности предопределили резкое сокращение школьной сети в 1921 и 1922 гг.

Пришедшие в негодность школьные здания не ремонтировались из-за нехватки средств. Учителям не выплачивали вовремя зарплату, некоторых преследовали по идейным и классовым соображениям. Значительная часть педагогических кадров оказалась привлечена к партийной и советской работе. Все это приводило к резкому сокращению квалифицированного педагогического персонала в школах. ОкрОНО публиковал объявления о наличии вакантных мест «в школах всех ступеней» и приглашал «желающих занять учительские должности» (119). Для упрочения материальной базы школьного строительства Наркомпрос Горской республики принял решение сократить школьную сеть. В Осетии были сокращены 37 школ первой и 5 – второй ступени (1: 6-11). По итогам 1920-21 учебного года газета «Горская правда» определила состояние школьного дела как «скорбный путь единой трудовой школы» (115).

Особенно тяжелым было положение в горной местности и отдаленных селах (18: 51-54). Переселение горцев на равнину, развернувшееся в первые годы советской власти, породило новые трудности в школьном строительстве. Многие горные села никогда не имели своих школ. Разбросанные по труднодоступным ущельям и не имевшие дорог даже для сообщения с соседями, высокогорные селения Осетии зимой были отрезаны от окружающего мира. Для оставшегося в горах населения не имело смысла строить школы в каждом селе. Поэтому предлагалось открывать школы-интернаты только в центральных селениях, общее же число школ свести к необходимому минимуму. В незавидном положении находились и горцы, выселившиеся на

равнину. 14 переселенческих сел Северной Осетии, начинавшие жизнь на равнине с землянок, не могли построить школьные здания на собственные средства (18: 116; 190: 32).

Учительская зарплата не обеспечивала прожиточный минимум, да еще и задолженность, например, в 1922 г. охватила период с апреля по сентябрь (5: 5). Тяжелое материальное положение учителей и школьная разруха привели к полному срыву занятий в 21 школе (18: 2-3). В крупнейшем селении Северной Осетии Христиановском (ныне – город Дигора) были закрыты три школы и оставлены за штатом 17 учителей этих школ (18: 28). За бортом школы оставалось 76,6 % детей. Количество школ стало меньшим, чем в дореволюционный период. В 1914 г. в Осетинском округе было 67 школ, в 1921 г. их число выросло до 115, но уже в 1922 г. снизилось до 56 и начало вновь расти в 1923 г. – 57 школ. По числу учащихся и учителей статистика дает такую невеселую картину: в 1921 г. учеников – 16 118, учителей – 392, в 1922 г. – соответственно 8 829 и 230, в 1923 г. – 8 225 и 196 (24: 1). Тем не менее, мероприятия по подготовке педагогических кадров продолжались. Переподготовка работающих учителей проходила на краткосрочных курсах. В 1923 г. был открыт Горский педагогический техникум, рассчитанный на подготовку учителей для школ первой ступени. Техникум имел общежитие, студенты получали стипендию. Почти одновременно с открытием этого учебного заведения был поставлен вопрос о необходимости отдельного педтехникума для осетин (155). Вскоре последовало и решение – при реорганизации и разделении Горского педтехникума был открыт в том числе самостоятельный Осетинский педтехникум.

Масштабы деятельности органов народного образования и спектр проблем, требовавших разрешения, невозможно правильно оценить без упоминания мероприятий по ликвидации неграмотности. Еще 24 ноября 1920 г. последовал приказ Терского облисполкома об обязательной ликвидации неграмотности в соответствии с декретом СНК РСФСР от 26 декабря 1919 г. Все население в возрасте от 13 до 50 лет было «обязано учиться грамоте во внешкольных учреждениях» (103: 130). Организовывались так называемые ликпункты и школы для малограмотных, где учили чтению, письму и счету. Срок обучения в ликпунктах составлял 4 месяца, в школах грамоты – полгода. Была установлена 6-часовая недельная норма занятий (9: 238). Проводился добровольный сбор письменных принадлежностей и учебников для школ грамоты (103: 134). По данным переписи 1920 г., в Северной Осетии грамотная часть населения составляла 16,87 %, из мужчин – 24,21 %, женщин – 9,79 %. Лиц со средним образованием на каждые 10 тысяч человек было 67, с высшим образованием – 6.

Уровень грамотности у осетин составлял 10 %, у русских с казаками – 37,7 %, у немцев – 31,6 % (31: 60). В 1921 г. число грамотных увеличилось: на равнине – на 5 %, в горной зоне – на 2,7 %, по всему округу – на 4,2 %. Интересно, что наблюдалась существенная разница в числе грамотных людей не только между равнинными и горными селениями, но и между соседними селами осетинской равнины. Результат во многом зависел от дореволюционной постановки школьного дела в разных населенных пунктах. Самые высокие показатели грамотности зафиксированы у жителей селений Христиановского – 40 % и Гизели – 36 % (103: 480).

1 февраля 1921 г. в Северной Осетии создана Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности (по примеру Всероссийской Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности). С 15 мая 1921 г. при ОкрОНО действовали курсы для ликвидаторов и инструкторов по ликвидации неграмотности. Важно отметить, что постановление СНК Горской республики определяет обязанность **«обучиться грамоте на родном и на русском языках в порядке государственного принуждения»** (20: 15). 17 ноября 1923 г. Горский Совнарком постановил, что все население «в возрасте от 18 до 35 лет, не умеющее читать и писать, привлекается к обучению грамоте на родном или русском языке по желанию в течение 1923-1927 гг.» (103: 147). Ликвидация неграмотности в Северной Осетии проходила с большими трудностями: не хватало учителей-ликвидаторов, не было учебных пособий, отпускаемые средства не могли обеспечить создания необходимого числа ликпунктов и школ грамоты. Интересно, что в Осетии отмечена «практика подготовки к поступлению в техникумы, рабфаки и даже в ВУЗ-ы в индивидуальном порядке и группами в 3-5 человек у частных репетиторов» (200: 38). 30 декабря 1923 г. Общекавказская краевая методическая конференция приняла резолюцию с полным перечнем типов учебных пособий на языках народов Северного Кавказа, важнейшее место в планах издания учебной литературы должны были занять пособия для ликвидации неграмотности (21: 25-26).

Еще одно обстоятельство, тормозившее школьное строительство и национализацию образования, – волна беспризорности, поднятая голодом 1921 г. В Горскую республику двинулись толпы бездомных детей-сирот из голодающих областей России. Забота о беспризорных детях оттеснила на второй план все прочие задачи органов народного образования. В Северной Осетии в 1921 г. было открыто 9 детских домов (200: 33). На III съезде Советов Горской республики (октябрь 1923 г.) нарком просвещения говорил: «Приходилось проявлять нечеловеческие усилия, направленные к тому, чтоб остановить, в конце концов, это

отступление и не допускать до разрушения и полной дезорганизации работы, ...приходилось отодвигать те или иные задачи, стоящие перед Наркомпросом в деле школьного благоустройства, до лучших времен и в первую голову заняться спасением детей-сирот от смерти» (3: 56).

Преодоление кризиса. Кризис в развитии школьного дела удалось остановить только в 1923 г. Однако и в первые годы после окончания гражданской войны, несмотря на разруху, голод, нехватку средств, были сделаны важные шаги по реорганизации школьной системы и упорядочению ее материальной базы. Важное значение имели: состоявшееся в январе 1921 г. постановление об организации школьной системы РСФСР на основе школы-семилетки с двумя концентриками (первый – 4 года, второй – 3 года), создание Государственного Ученого Совета (ГУС) при Наркомпросе РСФСР и выход подготовленных им ориентировочных учебных программ, установление норм выработки и ставок оплаты труда работников просвещения (23: 10), разработка на основе устава школы РСФСР устава школы Горской республики с учетом местных особенностей (27: 86-88). Современники придавали большое значение тому, что в 1922-23 учебном году прекратилось сокращение школьной сети (2: 159). Это казалось символом близких и радостных перемен.

Несомненными достижениями первых лет советской власти в Северной Осетии были: создание государственных и общественных органов, занимавшихся проблемами национальной школы, изучением и популяризацией национальной культуры (ОкрОНО, ОИФО); государственная забота о подготовке национальных педагогических кадров высшей квалификации (в 1923 г. состоялся первый выпуск пединститута – его закончили два человека по социально-историческому отделению).

Главное достижение начала 20-х гг. – решительный поворот к созданию осетинской школы с родным языком обучения. На партийных конференциях и съездах Советов было осуждено насаждение в Осетии русской школы. В основу перспективной концепции строительства народного образования была положена идея создания национальной школы с преподаванием на родном языке. Началась работа над учебной литературой на осетинском языке и созданием национальной типографии; открылись учебные заведения для подготовки квалифицированных учителей с высшим и средним специальным образованием. **Первым шагом в избранном направлении стало обучение детей на родном языке в первой группе школы первой ступени.** Переход на осетинский язык во всех классах школ первой и второй ступени был рассчитан на 4-5 лет (190: 14-15).

Планы пришлось многократно корректировать, но первый успешный шаг был сделан.

Чтобы полнее представить культурные реформы эпохи, напомним читателю о латинизации осетинского письма, которая состоялась на волне мощного движения за латинизацию, связанного с идеей мировой революции. В рамках этого движения были созданы письменности для многих народов СССР, в том числе и народов Кавказа (103: 138-139). Осетины имели свою утвердившуюся письменность на основе кириллицы. Но в ходе латинизации алфавитов группой интеллигенции был поставлен вопрос о переводе на латинскую графику и осетинской письменности. Противники такого перехода ссылались на то, что в русском алфавите больше букв, поэтому легче выразить звуки осетинского языка. Другим аргументом было то, что переход на латиницу воспрепятствует усвоению русского языка и русской культуры. Сторонники латиницы выдвигали довод неизбежности обращения к ней всего человечества и отрицали какую-либо связь латинизации с отказом от русской культуры (168). И те, и другие, впрочем, признавали, что переход вызовет ряд неудобств – в частности, он может затормозить развитие осетинской литературы. После долгих обсуждений (см. 139) Наркомпрос Горской республики в 1923 г. принял решение о латинизации осетинского письма. В литературе превалирует точка зрения, признающая латинизацию ошибочной (200: 38; 171: 153). Представляется, однако, что этот специальный вопрос еще недостаточно изучен. При всех неудобствах и дополнительных трудностях, которые вызвал переход на латиницу, несомненно и то, что именно в период существования письменности на латинской основе (до 1938 г.) в Осетии произошли существенные сдвиги в культурном и языковом строительстве. К этому же периоду относится интенсивный процесс национализации (коренизации) осетинской школы.

1923 г. стал переломным в истории народного образования Северной Осетии. Из-за тяжелого материального положения в этом году бросили педагогическую работу 58 учителей, но школьная сеть начала расширяться, увеличилось количество детей, посещающих школу. Обучением была охвачена почти треть детей школьного возраста. ОкрОНО разработал типовые планы и составил сметы, выделил средства в помощь сельским обществам, взявшимся за строительство школ.

31 августа 1923 г. коллегия ОкрОНО постановила приступить к изданию букваря Г. К. Гуриева на иронском диалекте, букваря М. К. Гарданова на дигорском диалекте и осетинской грамматики Б. А. Алборова (22: 93). Это постановление было одобрено и закреплено решениями III съезда Советов Горской республики,

наметившего важные мероприятия по изучению родного языка, изданию учебников и подготовке педагогов для национальной школы. Буквари Г. К. Гуриева и М. К. Гарданова были отпечатаны в 1924 г. тиражом соответственно 4000 и 2000 экземпляров (26: 174). 1923 годом датирован целый список книг, подготовленных к изданию (25: 14; 4: 62). В него включены 26 названий учебной литературы, 20 авторских сборников прозы и поэзии, 2 фольклорных сборника и 3 научных издания Осетинского историко-филологического общества. В число учебных книг вошли буквари, книги для чтения, хрестоматии, словари, учебники по естествознанию, географии, родноведению, задачки, а также переведенные с русского языка пособия по природоведению. Выполнение этого издательского плана было рассчитано на несколько лет.

3. Политическая ось национализации: Владикавказ – Цхинвал – Москва

Автономизация и культурно-образовательное единство Осетии. Декретом ЦИК от 7 июля 1924 г. Горская республика была упразднена, из ее состава выделилась Северо-Осетинская автономная область. ОкрОНО был преобразован в Областной ОНО и получил большую самостоятельность.

Новая экономическая политика (НЭП) и общий подъем народного хозяйства страны привели в 1924-1927 гг. к относительно быстрому развитию осетинской общеобразовательной школы. Работа по восстановлению школьной сети и национализации осетинской школы проходила теперь в более благоприятной обстановке.

Осетины составляли 84,5 % от населения области (132 241 чел.), русские – 12,9 % (20 147 чел.), представители других национальностей (немцы, грузины, армяне и т. д.) – 2,6 % (2 290 чел.).

Уровень грамотности достиг у осетин 23,9 %, у русских – 38,9 %, у остального населения в целом – 19,2 % (86: 15). Всех школьных работников было 205 человек, из них 20 – с высшим образованием, 16 – со специальным средним, 63 человека без квалификации. Инспекторское обследование ОблОНО выявило ставшие традиционными недочеты: слабую постановку преподавания осетинского языка и родноведения, отсутствие учебников и инвентаря, устаревшие методы преподавания (190: 33-34).

Бюджет Северной Осетии был дефицитным – в области почти не было промышленности, сельское хозяйство оставалось единственным источником скудных доходов большинства населения, земли не хватало. По инициативе ОблОНО ставился вопрос о принятии школьной сети Северной Осетии на госснабжение.

Осетинские школы финансировались из местного бюджета, что ставило их в невыгодное положение по сравнению с владикавказскими русскими школами второй ступени, принятыми на госснабжение. Еще одним препятствием для развития осетинской школы было отсутствие в местном бюджете средств на национальное издательство. Заведующий ОблОНО Г. А. Дзагуров заявил партийным органам, что «необходима поддержка в реальной форме со стороны Наркомпроса РСФСР; если этой поддержки не будет, то издательства на осетинском языке не будет, а следовательно, будет отодвинут вопрос о национализации осетинской школы» (5: 66-67).

С конституированием Северной Осетии в качестве автономной области было связано решение (14 октября 1924 г.) об организации Осетинского центрального научно-исследовательского института краеведения на базе Осетинского историко-филологического общества. Институт состоял из трех отделений (естественно-исторического, экономического и общественно-исторического) и находился в ведении ОблОНО (32: 367-373).

Выдающееся значение для дальнейшего строительства системы национального образования в Осетии имел I Объединенный съезд деятелей народного образования Северной и Южной Осетии (140; 141). Съезд состоялся в Цхинвале 19-23 августа 1924 г. На съезде были заслушаны информационные доклады Наркомпроса Южной Осетии и Северо-Осетинского ОблОНО, доклады о системе народного образования, графике и орфографии, едином литературном языке, деятельности научных обществ, совместной культурно-просветительной и издательской деятельности (10: 48-51).

Перспективы национальной культуры и национальной школы (в том числе создание учебной литературы, организация изучения родного языка в учебных заведениях, подготовка и переподготовка учителей) были тесно связаны с вопросом о литературном языке. Непреходящее значение съезда как раз и состоит в переходе от затянувшейся дискуссии к конкретным решениям общенационального масштаба. На съезде победило мнение о необходимости единого литературного языка. «На вопрос, какое из осетинских наречий можно и должно сделать общим литературным языком, было предложено ответить, исходя из следующих предпосылок: 1. Учесть, какое количество населения говорит на известном наречии. 2. Был ли на известном наречии литературный опыт и каково качество и количество его. 3. Какое из осетинских наречий моложе и отвечает духу современности» (103: 81). В резолюции съезда записано: «В основу литературного языка необходимо положить иронский диалект с цокающим произношением, с использованием лексического богатства остальных наречий» (6: 29).

Языком преподавания в школе первой ступени наряду с иронским был признан и дигорский диалект (в районах с дигорским населением). Изучение единого литературного языка в дигорских школах вводилось с третьего класса. Точно так же и русский язык в осетинской школе должны были изучать с третьего класса. Русский язык оставался языком обучения в школе второй ступени.

Съезд постановил координировать работу органов просвещения Северной и Южной Осетии по национализации осетинской школы, усилить борьбу с неграмотностью взрослого населения, содействовать культурно-просветительской деятельности среди осетин, проживающих вне пределов двух осетинских автономий. Было признано целесообразным расширить школьную сеть, добиться увеличения финансирования просвещения и улучшения материального положения учительства. Серьезное внимание уделил съезд и разработке методических вопросов, и улучшению инструкторского аппарата (103: 79-80).

1-2 января 1925 г. состоялся I Северо-Осетинский областной съезд учителей. Обсудив состояние просвещения в Северной Осетии, съезд принял решение о немедленной организации научно-методического бюро для руководства методической и педагогической работой в области. В резолюцию съезда были включены пункты о налаживании снабжения методической литературой и учебными пособиями, об организации летних курсов переподготовки, улучшении материального положения школ и работников просвещения, издании педагогического журнала на русском и осетинском языках, укреплении осетинского издательства (174). Съезд признал необходимость скорейшей национализации осетинской школы первой ступени и постановил «в целях национально-культурного развития осетинского народа» усилить контакты между культурно-просветительскими организациями Северной и Южной Осетии.

Позиция Наркомпроса РСФСР. Документы дают возможность сверить выработанные съездами планы с реальным положением дел в осетинской школе. В январе 1925 г. в Северной Осетии побывал инспектор Наркомпроса РСФСР В. П. Чаплиев. Результаты проведенного им обследования дают достаточно полное и объективное представление о системе просвещения СО АО.

В итоговом докладе Наркомпросу инспектор так описывает школьную работу: «В пределах Осетии нет ни одной школы, где бы школьная работа велась исключительно на родном языке, а русский входил бы в курс, как предмет. Только первые группы ведут работу на родном языке полностью, исключая групп около 10 по всей Осетии, где за неимением осетинского букваря

проходят с первой группой русский язык. По инициативе самих учителей во втором полугодии в первых группах вводятся т. н. лексические уроки (путем бесед по картинам, путем ознакомления с русскими названиями окружающих предметов и пр.). Во вторых группах в первом полугодии проходит вторая часть осетинского букваря, а в остальном работа ведется на русском языке. В третьих группах вся работа ведется на русском языке и имеются отдельные уроки родиноведения (осет. яз.) и, наконец, в четвертых группах – родного языка нет. Родной язык только помогает, как перевод, для усвоения понятия. Вся работа на русском языке» (9: 38-39).

Касаясь задач, поставленных I Объединенным съездом, инспектор отмечает, что «в области принципиально признано необходимым работу школы первой ступени проводить на родном языке, работу же школ, стоящих над первой ступенью, производить на русском языке, со включением в курс осетинского языка как предмета, но это для Осетии только цель. В данный момент, ввиду недостатка букварей на родном языке, даже не все первые группы школ первой ступени удается перевести на родной язык» (91: 40).

Очень интересен представленный в отчете инспектора анализ общественного мнения: «Со стороны населения сначала (1921 г.) наблюдалось в некоторых местах отрицательное отношение к преподаванию в школах осетинского языка, крестьяне говорили, что “научите говорить по-русски, а по-осетински я и сам научу”, но впоследствии не наблюдается ни одного случая, когда бы население недооценило родного языка в школе. Со стороны населения наблюдается энергичное требование к школе научить русской грамоте. И то, что в школах работа ведется на русском языке, воспринимается крестьянским населением очень спокойно, как бы само собой разумеющимся, вследствие необходимости русского языка в хозяйственных взаимоотношениях населения. Даже в осетинских верхах наблюдается спокойное отношение к этому вопросу, выставляя иногда мотивы: “окончивший русскую школу осетин должен получить в следующей ступени образование, а там надо хорошее знание русского языка, для Осетии отсталой нужно побольше образованных людей”. “Как же можно поставить ученье на родном языке, когда кроме букваря (и то в крайне недостаточном количестве) больше нет книг на осетинском языке”. Такое “увлечение” русским языком иногда и в некоторых учреждениях (хотя бы в Совпартшколе, Педтехникуме) довело до того, что осетинского языка до сих пор не существовало (в Совпартшколе в одной группе изучают экономическую географию и ни один из курсантов-осетин не умеет читать на осетинском языке).

Доводы работников по существу основательны. Очень нужны учебники и изданием их в первую

очередь для школы первой ступени надо заняться в большей мере, чем до сих пор. Надо отвести родному языку большее место во всей работе школы и это возможно теперь же. Учителей, не владеющих осетинским языком, надо передвинуть в старшие группы».

Инспектор делает четкие и однозначные выводы. **«Исследование вопроса показало: 1) дети охотнее и сознательнее переходят на работу на родном языке; 2) при работе на русском языке дети больше всего усваивают смысл, не умея передать понятия словами, большинство слов для них непонятно; 3) при чтении развивается, собственно, техника чтения без усвоения смысла слова. Осетин будет больше образован, если школу первой ступени он пройдет на родном языке»** (86: 40-41).

В разделе «Дошкольное воспитание» инспектор докладывает: «В г. Владикавказе имеется один детский сад при одной руководительнице. Главные моменты занятий – игры, пение и грамота. В обиходе разговаривают на осетинском языке. Песни на осетинском и на русском, больше на последнем. Русские песни предпочитают, потому что мало зафиксировано у руководительницы осетинских песен и, по выражению руководительницы, “дети больше любят русские песни” (руководительница осетинка), но пение на осетинском языке по полученному впечатлению больше увлекает детей, чем когда они поют на русском.

В смысле организации детской среды сад производит прекрасное впечатление. Был случай при обследовании, когда дети остались одни в комнате, в это время было слышно организованное пение детей по их собственному почину. Большим недостатком в работе детского сада является ознакомление детей с русской азбукой при совершенном обходе осетинской азбуки» (86: 38).

Высоко оценивая методическую работу Осетинского Педтехникума, В. П. Чаплиев сокрушенно констатирует: «Все преподавание в Педтехникуме идет на русском языке. Осетинского языка нет» (86: 4-7).

В инспекторском отчете подчеркивается плохое снабжение школ учебниками и книгами. «На родном языке заготовлено два типа букваря – 2000 книг на дигорском диалекте и 4000 книг на иронском. Количество весьма незначительное, не позволяющее развернуть работу по обучению грамоте во всех первых группах на родном языке (в Гизельской школе из трех первых групп только в одной имеются буквари). Для ликпунктов букварей нет на родном языке. Ликвидация (неграмотности. – Р. Б.) – на русском языке. ...Слабая обеспеченность средствами не сглаживает стоящего крайне остро вопроса об учебниках. Обследование показывает, что без учебников на осетинском языке

нельзя поставить в школе осетинскую грамоту (нет учителей, умеющих обучать без букваря), нельзя комплексную систему осуществить и осетинская школа вынуждена на значительное отставание» (86: 22-23).

Материальное положение учителей инспектор признал «далеко не удовлетворительным». Заработная плата работников просвещения в Северной Осетии была ниже, чем в соседних областях, «не говоря уже о том, что по сравнению с зарплатой 23-24 г. текущая зарплата значительно понижена и не выдерживает минимума» (86: 23). Докладывая о результатах инспектирования на бюро обкома РКП(б), В. П. Чаплиев предложил увеличить ассигнования на народное образование из местного бюджета и использовать новые средства на повышение зарплаты работникам просвещения, издание осетинских учебников, расширение сети культпросветучреждений и ликпунктов, переподготовку учителей. Не имея полномочий обещать финансовую помощь из Москвы, инспектор тем не менее признал необходимость субсидий центра для ускоренного издания учебников на осетинском языке. В качестве второго (после местного бюджета) источника фиксирования инспектор предлагал привлечение средств населения. «Среди осетинского народа, – по мнению инспектора, – наблюдается сильная тяга к просвещению, и сочувственное отношение к помощи школе, выражающееся в некоторых местах в желании построить школу за свой счет, в приобретении книг, библиотек и т. д. Но все это носит неорганизованный характер, тогда как это следовало бы приветствовать, учитывать и планомерно направлять» (86: 7-8, 23).

Общее впечатление В. П. Чаплиева о системе народного образования в СО АО выражено в его письме Г. А. Дзагурову, написанном по возвращении в Москву: «Работу окончил, отчитываюсь перед НКП. На днях еду на обследование Московской губ. Сейчас сижу над подготовкой доклада Крупской. Результат: самый просвещенный ОНО – Осетинский, остальные на ОНО не похожи. Самый культурный и сдвинувшийся с места исторического застоя – осетинский народ. А там глушь, целина с сорными травами истории» (8: 69).

13 мая 1925 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление «по докладу инспектора НКП т. Чаплиева В. П. о положении народного образования в Северо-Осетинской Автономной Области». Постановление подтвердило предложения, высказанные инспектором. Особое внимание Наркомпрос уделил проблемам национальной школы. Приведу лишь несколько пунктов постановления:

«– **необходимо усилить работу по осетинизации школ.** Наркомпрос полагает, что в этом направлении можно было бы сделать больше, принимая во внимание существующие условия. То, что в Осетии

нет ни одной школы, в которой работа велась бы на родном языке и только первые группы (исключая десяти) ведут работу на родном языке, считать совершенно ненормальным;

– **основным недостатком работы по дошкольному воспитанию является внедрение в детский сад русской грамоты**, а также и учебно-воспитательного материала на русском языке;

– предложить ОНО: **во всех учреждениях обязательно вводить преподавание родного языка**» (86: 2-3).

Учебные программы. Один из недостатков школьной работы, отмеченных в ходе инспекторского обследования, состоял в слабом применении программ ГУСа (Государственного Ученого Совета при Наркомпросе РСФСР). Многие школы Северной Осетии продолжали пользоваться учебными программами Наркомпроса упраздненной Горской республики. В соответствии с рекомендациями инспектора было организовано областное методическое бюро при ОблОНО. Методбюро исходило в своей деятельности из того, что перспективы хозяйственного развития Осетии требуют подготовки грамотных работников с хорошим знанием края, поэтому работу в школе следует строить на краеведческой основе и вести по программам ГУСа. Первым крупным шагом в этом направлении явились летние полуторамесячные курсы, которые прошли 120 учителей. Программа, разработанная методбюро, включала три раздела: а) краеведение, изучение экономики и производительных сил Северной Осетии; б) марксизм и ГУСовские программы; в) методы преподавания. Главной задачей курсов стало подведение под программы ГУСа краеведческого фундамента. Результат не замедлил сказаться – после курсов учителя начали переходить в преподавании на ГУСовские программы (29: 283-295).

Впрочем, эти программы, отражая определенный этап в поиске новых путей преподавания, имели свои особенности и недостатки. «Основным стержнем преподавания, – так считал ГУС, – должно быть теоретическое и практическое изучение экономической жизни и экономического строительства своей страны. Отсюда вытекает трудовой характер школы. Это изучение должно идти по четырем направлениям: 1) по направлению изучения сил и богатств природы, 2) по направлению изучения способов воздействия на эти богатства и силы с целью их использования со стороны людей, 3) по направлению изучения главного фактора производства – человека, члена современного общества, и, наконец, 4) по направлению изучения организации этого общества» (177: 121). Начальной школе в деревне придавался сельскохозяйственный уклон, в городе – уклон индустриальный. Учебные программы

не были построены, как прежде, по отдельным предметам. Программы становились комплексными. Например, схема программы для школ второй ступени строилась по трем разделам-колонкам: 1) природа, ее богатства и силы, 2) использование этих богатств и сил человеком, 3) общественная жизнь. Каждая тема включала сведения из трех разделов и связывалась с сезоном года, местным краем, а иногда и с датами революционных праздников. Сведения по языку, литературе и математике плохо укладывались в такую схему. При этом изучение по старинке отдельных предметов не рекомендовалось. На практике следование комплексным программам часто приводило к бессистемному и поверхностному обучению, снижало грамотность и общее развитие учащихся.

Уже на Всесоюзном учительском съезде в 1925 г. было решено все же проводить в школах отдельные уроки чтения, письма, счета. При отсутствии достаточного числа высококвалифицированных учителей, катастрофической нехватке учебных пособий, необеспеченности прочих условий преподавания полный и буквальный переход на комплексные программы в осетинской школе был вряд ли возможен. Что касается кампании по внедрению ГУСовских программ, она не нарушила естественного развития осетинской школы и даже принесла пользу, сориентировав учителей на связь школы с жизнью, на преодоление отрыва обучения от трудовой деятельности людей и общественных процессов. «В отношении методов преподавания учителям дана полная свобода. Каждый из них к выполнению намеченной цели программы идет тем путем, какой находит наиболее удобным и полезным для дела», – читаем в одном из отчетов (30: 43). Основное

внимание учителей направлялось на скорейшее решение вопросов национализации школы.

В 1925 г. быстро шло увеличение числа школ и численности учащихся. На 1 января в СО АО было 69 школ с 9 854 учениками. К 1 апреля школ было уже 75, учеников – 10 205. Отмечались большое стремление учиться и хорошая посещаемость, даже несмотря на отсутствие во многих школах надлежащих условий и учебных принадлежностей (30: 32-43).

Аппарат ОблОНО сосредоточил усилия на подготовке учителей к преподаванию на осетинском языке и издании национальных учебников. Методбюро занималось разработкой программ и методов обучения родному языку. 10 июня 1925 г. методбюро вынесло решение об особой постановке осетинского языка в показательных областных школах. В эти школы приглашались наиболее квалифицированные преподаватели, хорошо знающие осетинский язык. Опыт областных школ предполагалось распространить впоследствии на всю школьную сеть. Коллегия ОблОНО утвердила такой подход. Были организованы курсы подготовки и переподготовки учителей осетинского языка, прошедшие с 1 по 15 октября 1925 г. Программа курсов по языку была составлена Б. А. Алборовым, программа по краеведению – Г. А. Дзагуровым. Главной проблемой, стоявшей на повестке дня учительских курсов, была постановка преподавания осетинского языка и краеведения в осетинских школах первой и второй ступени, в Осетинском педтехникуме, на рабфаке, в Совпартшколе и сельскохозяйственном техникуме (28: 1).

Недельное расписание часов и предметов, по которому работала осетинская школа (86: 39), представлено в Приложении (таблица 2).

От «национализации» к «коренизации» осетинской школы

1. Переход начальной школы на родной язык обучения

Начало практической национализации. Несмотря на постановление Наркомпроса РСФСР, ОблОНО не изменило своего подхода к национализации осетинской школы. Переход на родной язык осуществлялся постепенно. В 1924-25 учебном году было полностью введено преподавание на родном языке в первой группе школы первой ступени, в 1925-26 учебном году – во второй группе (33: 37). Облметодбюро разработало комплексные программы для первого и второго годов обучения в осетинской школе, активно занималось составлением учебников, снабжением школ наглядными и учебными пособиями (35: 40-44).

15 сентября 1926 г. во Владикавказе состоялась областная методическая конференция, в которой

участвовал актив осетинского учительства. Конференция обсудила наиболее принципиальные и самые насущные вопросы развития народного образования в Осетии. Два основных доклада были сделаны Г. А. Дзагуровым и Г. Г. Бекоевым. В докладе Г. А. Дзагурова «Задачи и перспективы народного образования в Осетии» обосновывалась мысль о том, что система народного образования, повторив в главных чертах общесоюзные формы, должна быть индивидуализирована в согласии с хозяйственно-экономическим и национально-культурным развитием Осетии. Докладчик высказался против национального нигилизма, свойственного определенной части студенчества, отрицательно относящейся к национальной культуре. Факт существования осетинской национальной культуры, по мнению докладчика, подтверждается наличием языка, созданием

литературы на этом языке, наличием народного эпоса и памятников искусства. В прениях по докладу Г. А. Дзагурова учителя указали на отсутствие пособий на родном языке, слабые краеведческие знания учительства. Прозвучали также предостережения от слишком резкого перехода, неучета экономических возможностей. В заключительном слове докладчик выразил мнение большинства собравшихся, сказав о том, что «с национализацией школы нужно торопиться, ибо уже десятый год мы имеем свою школу» (36: 93).

Г. Г. Бекоев выступил с докладом «О русском языке в осетинской школе», обосновав в нем необходимость и возможность национализации, постепенность ее введения, а также важную роль русского языка в осетинской школе. **«Если же мы будем считаться с мнением родителей, если мы будем щадить детей – мы не сможем национализировать школу, – сказал докладчик. – Наши дети с самого начала изучения русского языка привыкают думать по-русски. Они усваивают простые понятия, но сложную мысль они не могут охватить. Задача заключается в том, чтобы детей школьного возраста приучить мыслить на родном языке. У них от этого будет больше развития, им легче будет усваивать то, что преподносит им учитель, да и учителю будет легче преподавать знание таким детям при меньшей затрате времени»** (36: 95).

В резолюциях конференции записано: система народного образования должна отвечать хозяйственно-экономическому уклону Северной Осетии; национализацию осетинской школы следует проводить последовательно и неуклонно; русский язык в осетинской школе необходимо вводить со второго года обучения. Важным направлением работы было признано «выявление элементов осетинской культуры» и ее изучение (35: 45-48).

В 1926-27 учебном году завершилась работа по национализации третьей группы (третьего года обучения) школ первой ступени. Изданы были учебники для школ первой ступени на осетинском языке (36: 12).

В 1927 г. был впервые выполнен в основном план строительства школьных зданий. Также впервые был составлен пятилетний перспективный план по народному образованию – с 1925-26 до 1929-30 учебного года (95: 1-8).

Национальный всеобуч. Важным достижением стала разработка концепции и плана введения всеобщего начального обучения к 1934 г. (35: 89-90). План начального всеобуча исходил из «естественно-исторических и политико-экономических условий» Северной Осетии. Область делилась на две части – горную и равнинную. На равнине предполагалось использовать

существовавшие условия и местные ресурсы (включая помощь населения) для широкого планового строительства учебных заведений. В марте 1927 г. III съезд Советов СО АО провозгласил линию на «расширение исключительно сети школ первой ступени», дающих начальное образование (36: 8). Иное дело в горах, где природные условия, малоземелье, отсутствие коммуникаций создавали серьезные препятствия для расширения числа учебных и культурно-просветительных учреждений.

Переселение горцев на равнину завершилось в 1925 г., но привело лишь к ухудшению положения тех, кто остался в горах. Как это ни парадоксально, но даже земельный голод в горах не был смягчен, потому что оставшиеся жители горных селений не справлялись с очисткой от камней и удобрением земли. Наряду с хозяйственными неурядицами «создалось положение, исключающее возможность строить школьную сеть с фактически преодолемым радиусом. Потому что там, где раньше можно было для 5-6 отселков строить одну школу, теперь ее нужно строить для 9-10 отселков. (...) При этом радиус школьный доходит до 5-6 верст, а местами и до 10-12 верст. Между тем в условиях наших гор, не только трехверстный, но полутораверстный радиус зимой совершенно непреодолим для детей школьного возраста и опасен для взрослых» (97: 1-2). Единственным выходом признавалось устройство школ с общежитиями. Такие школы могли быть созданы только за счет государственных средств. Интернаты должны были располагаться в Кобане, Дзуарикау, Наре, Садоне и Фаснале (103: 95). Одной из главных предпосылок всеобщего обучения считалась неоднократно отмеченная в Осетии «тяга народа к школе и его готовность идти на всякие жертвы для школьного дела». Концепция всеобуча в Северной Осетии включала расчет на использование инициативы народа, который «в достаточной степени осознал свое положение и понимает, что единственное его спасение в учении – в этом предохранительном клапане, который, с одной стороны, не даст нам задохнуться в земельной тесноте, с другой – удержит наиболее здоровую и энергичную часть населения, особенно молодежь, от эмиграции, которая принимает угрожающие размеры. Таким образом, вопрос о школе в нашей действительности является вопросом жизни и смерти для народа. Это чувствуется всеми, начиная с интеллигента и кончая хлеборобом» (97: 2-3).

В 1927 г. состоялось еще одно событие, имевшее отношение к строительству национальной школы. III съезд Советов СО АО, исходя из национально-культурных интересов и экономических соображений, постановил координировать культурно-просветительную работу в Северной и Южной Осетии (36: 9). В сентябре

1927 г. прошел Второй Объединенный съезд Северной и Южной Осетии по вопросам культуры и просвещения.

Заслушав доклады Северо-Осетинского ОблОНО и Юго-Осетинского Наркомпроса, объединенный съезд признал необходимым наладить обмен школьными работниками, объединить несколько учебных заведений повышенного типа, установить единую систему народного образования (пятилетка для первой ступени), ускорить темпы национализации школ первой ступени (91: 1).

Главной темой обсуждения на съезде стал вопрос о едином литературном языке для всех ветвей осетинского народа (98: 27; 146). В резолюции было записано, что Осетия сможет вести социалистическое строительство только на основе создания и развития национальной культуры. Общность экономических и культурных интересов и цели строительства национальной культуры требовали, по мнению съезда, скорейшего осуществления решений Первого объединенного съезда (1924 г.) о едином литературном языке. Съезд подтвердил прежние решения о сохранении дигорских школ первой ступени, признал целесообразным параллельное печатание в газете «Ржстдзинад» материалов «на иронском и дигорском языках». Съезд постановил «теперь же начать работу по установлению в школах единообразия в произношении, считая это одним из моментов в создании единого литературного языка». Были резко осуждены точка зрения о ненужности единого литературного языка и предложение держать курс на немедленную ассимиляцию осетинского языка русским (91: 2-3).

Несомненным успехом органов просвещения в 1927 г. было преодоление кризиса в издательском деле. До 1917 г. существовали только буквари Алмахсита Канукова и Бидзины Кочиева и три учебные книги Степана Мамитова. До образования Горской республики ничего не удалось более издать, и только Наркомпрос Горской республики напечатал буквари Г. К. Гуриева (иронский) и М. К. Гарданова (дигорский). Лишь с 1925 г. издательское дело пошло на лад. В 1927 г. вышло 8 учебников, второй выпуск памятников осетинского фольклора, первый том «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера и целый ряд художественных произведений на осетинском языке (35: 89-90; 36: 12-13).

Тем не менее, в отчете о состоянии народного образования в 1928-29 учебном году отсутствие и нехватка учебников на родном языке названы «главным тормозом проведения национализации школы». Другая помеха – недостаток учителей-националов. Выполнение пятилетнего плана по народному образованию тоже задерживалось – причинами названы «слабая экономическая мощь» и дефицитность бюджета СО АО. Строительство

школ было развернуто лишь в объеме 31 % от плана (38: 20-25). Относительное благополучие наблюдалось в сфере методической работы и переподготовки учителей, ликвидации неграмотности.

В 1928-29 учебном году в первых трех группах школ первой ступени преподавание велось на осетинском языке. Русский язык в качестве учебного предмета вводился со второго года обучения. С этого же учебного года начался перевод на осетинский язык преподавания части предметов в Оспедтехникуме (36: 33; 38: 20).

Переход на осетинский язык обучения в четвертой группе (четвертый год в школе первой ступени) начался в 1929-30 учебном году, но не был завершен. Из-за изменений, внесенных в программу ГУСа, задержалось издание учебника для четвертого года обучения на осетинском языке (39: 4).

По решению конференции учителей осетинских школ второй ступени (январь 1929 г.) Б. А. Алборовым были подготовлены учебные программы по курсам «Наблюдение над родным языком» для первых семи лет обучения, «Осетинская народная словесность» для 8 класса, «История осетинской литературы» для 8 класса, «Этнография Осетии» для 6 класса, «История осетинского народа» для 7 класса, «Введение в языковедение» для 9 класса, «Осетинский язык» для 9 класса (96: 1-35).

Осетинское делопроизводство. Прямое отношение к успехам и неудачам в строительстве национальной школы имеет история перевода делопроизводства на осетинский язык. Переход на родной язык в делопроизводстве был признан ВЦИКом обязательным «в целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству» (33: 38). Для разработки практических мероприятий еще Северо-Осетинским Ревкомом (1920 г.) была создана комиссия в составе Б. Дзугаева, Г. Ф. Баракова, Б. А. Алборова и Г. А. Дзагурова. Комиссия предложила следующую программу действий:

«1) считать переход в делопроизводстве на осетинский язык обязательным для всех советских, партийных и других организаций Северной Осетии;

2) делопроизводственным языком должен быть единый литературный язык, т. е. иронское наречие; дигорский язык допустим только при сношениях с центральными органами Северной Осетии, если на этом будут настаивать дигорцы;

3) переход ввиду технической невозможности должен быть совершен постепенно; в первую очередь должен перейти ОНО, а также его учреждения;

4) организовать курсы осетинского языка для

всех служащих центральных и окружных организаций Северной Осетии;

5) организовать (...) постоянную терминологическую комиссию для разработки терминов на осетинском языке» и т. д. (33: 37-39). Была составлена смета необходимых расходов, но за отсутствием средств дело не сдвинулось с мертвой точки.

Положение начало меняться, когда в январе 1925 г. Первый областной съезд Советов СО АО постановил **«принять меры к скорейшему переходу всего делопроизводства на осетинский язык»** (3: 27). Оно составил план и смету курсов для служащих советского аппарата (33: 37). Впервые месячные курсы были проведены в январе 1926 г., но они не достигли цели, «так как ответственные работники неаккуратно посещали курсы» (35: 28). В сентябре 1927 г. Второй объединенный съезд Северной и Южной Осетии по вопросам культуры и просвещения постановил немедленно начать подготовительные работы – создать курсы, приобрести инвентарь и т. д. (91: 3). Однако реальный переход начался в 1928 г. 24 августа 1928 г. на Президиуме Северо-Осетинского Облсполкома был заслушан доклад С. У. Косирати «Об осетинизации управленческого аппарата Особласти» и принято соответствующее постановление. Был установлен срок для перевода делопроизводства на осетинский язык – 1 января 1930 г. Для отдельных звеньев аппарата намечались этапы перехода. Были установлены также различные сроки обучения осетинскому языку для разных категорий работников. Второй пункт постановления гласил: «Основным для официальных сношений в Области установить осетинский язык (иронский диалект). Признать необходимым делопроизводство в Советском аппарате Дигорского округа вести на дигорском диалекте, а в Притеречном округе (с 83 % русского населения) – на русском языке (...). В сельсовете колонии Михайловской Дзауджикауского округа, объединяющем около 1500 человек немецкого населения, установить делопроизводство на немецком языке» (36: 34-36). **Перевод делопроизводства на родной язык был встречен с воодушевлением.** Интересно отметить, что партийно-комсомольский аппарат на местах совершил этот переход, не дожидаясь особого распоряжения от вышестоящих органов (37: 24).

Первые итоги «национализации» школы. К концу 20-х гг. в Северной Осетии сложилась стабильная и разветвленная система народного образования. Общий уровень грамотности вырос с 15 % в 1920 г. до 41 % в 1930 г. (103: 165). Относительно быстро и успешно развивалась осетинская общеобразовательная школа. Сложился костяк учительских кадров. Профессионализация среднего образования отражала потребности хозяйства, культуры и государственного

строительства. Каждой средней осетинской школе был придан определенный уклон – сельскохозяйственный, промышленный, педагогический, кооперативно-колхозный или административный. Осетинская школа подтвердила свою жизнеспособность, сыграв значительную роль в просвещении широких слоев населения.

В 1927-28 учебном году в Северной Осетии было 17 075 учащихся и 121 школа, в 1929-30 учебном году – 23 800 учащихся и 142 школы. Охват детей школьного возраста достиг 76 %, при этом школой были охвачены полностью дети восьмилетнего возраста. Общее число учителей к 1930 г. составило 506 человек – 283 мужчины и 223 женщины (39: 1-4).

Постепенно преодолевались трудности подготовки и привлечения на школьную работу квалифицированных кадров. По данным 1928 г., высшее образование имели 50 учителей, незаконченное высшее – 55 (200: 44). Огромный ущерб школьному делу нанес классовый подход к формированию педагогических коллективов. По статистике 1930 г., 17,6 % учительства были признаны «антисоветским элементом». В этот разряд включали бывших офицеров, их жен и детей, бывших священников и членов их семей. При первой же возможности заменены образованные педагоги из этого разряда становились жертвами «очищения учительских рядов» (39: 3-4).

Подготовкой учителей для школ первой ступени занимался Осетинский педтехникум во Владикавказе и Учительские курсы при нем. Осетиноведов для школ повышенного типа готовило Отделение осетинского языка и культуры Горского пединститута. В конце 20-х гг. Оспедтехникум постиг труднопреодолимый кризис. Низкая стипендия и непопулярность профессии учителя (тяжелые условия сельской школы, низкая оплата труда) привели к массовому бегству учащихся техникума в другие учебные заведения. «70 % не хотят быть учителями», – свидетельствует отчет ОблОНО за 1929-30 учебный год. Уйдя с третьего курса техникума, учащиеся стремились поступить в вузы (39: 15).

Самым значительным достижением второй половины 1920-х гг. явился переход начальной осетинской школы на родной язык обучения. Реальные результаты национализации рассеяли сомнения учителей и недоверие некоторой части населения. Официальной точкой зрения в этот период школьного строительства был тезис о том, что **«ребенка необходимо обучать на родном языке, на котором он лучше воспринимает окружающие его явления как в общественной жизни, так и в природе»** (39: 4). Договор о социалистическом соревновании, подписанный 24 сентября 1929 г., включает пункт об «интенсификации проведения национализации школ» (40: 1-4).

2. Коренизация 1930-х и 1940-х гг.

Коренизация 1930-х: признаки отступления.

Движение за всеобщий и школьный строительный, определявшие главные направления развития народного образования во всей стране и в Северной Осетии 30-х гг., имели в основе закон 1930 г. о всеобщем обязательном начальном образовании. Осуществление всеобщего натолкнулось в Северной Осетии на серьезные трудности. Каждый четвертый ребенок школьного возраста находился вне школы. Для полного охвата детей не хватало более 200 учителей. Предстояло развернуть строительство школьных помещений с расчетом утроения числа ученических мест. Необходимо было издать дополнительные тиражи учебников, разработать новые эффективные программы обучения неграмотных и малограмотных. Особое внимание уделялось строительству интернатов в горной полосе, их проектирование происходило с расчетом иметь по одному интернату на Даргавское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское ущелья (76: 2).

Значительную роль в судьбе осетинской школы сыграли постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе», «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», «Об учебниках для начальной и средней школы», принятые в 1931-1933 гг. Эти решения активно проводились в жизнь и в Северной Осетии. К 1934 г. число учащихся достигло 45 291 человека, в области было уже 164 школы. Школы имели твердое расписание и единый режим работы. Успешно преодолевался дефицит учебников. В начале 1930-х гг. было завершено издание полного комплекта учебников для осетинской начальной школы. В 1932-33 учебном году был осуществлен начальный всеобщий и созданы предпосылки для перехода ко всеобщему семилетнему образованию. В городах и рабочих поселках этот переход даже состоялся (200: 54-55).

С 1930-31 учебного года начался переход на осетинский язык пятых групп (пятый год обучения) школ первой ступени (39: 4). Параллельно с осетинскими школами на родной язык обучения переходили грузинская и армянская школы во Владикавказе.

В 1930-е гг. получил распространение термин «коренизация», переход на родной язык обучения стали называть коренизацией школы. Смена терминов не была случайной. К началу 1930-х гг. сформировались основы унитарного и тоталитарного государства. В национальной политике победил принцип унификации. Началось отступление советской власти от первоначального плана обеспечить естественное национально-культурное развитие всех народов. «Национализация» и означала строительство национальной системы образования на основе национальной культуры.

«Коренизация» же подразумевает лишь облечение в национально-языковые формы единой унифицированной структуры образования.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 16 мая 1934 г. была определена структура осетинской общеобразовательной школы. С 1934-35 учебного года существовало три подразделения – начальная, неполная средняя и средняя школа. Школа первой ступени была преобразована в начальную – первый год обучения приравнялся к подготовительному классу, второй, третий, четвертый и пятый годы – соответственно к 1, 2, 3 и 4 классам.

Введение единообразия в советской школе совпало с заменой «национализации» на «коренизацию» и привело к вытеснению из осетинской школы дисциплин осетиноведения (родиноведение, история и география Осетии). *Первая половина 1930-х гг., таким образом, ознаменовалась принципиально важным поражением – отказом от изучения в школе истории своего народа и природы своей родины.*

Между тем развитие системы народного образования в Северной Осетии продолжалось. В 1935 г. был создан институт усовершенствования учителей, оказывавший большое влияние на общий рост квалификации преподавателей. В 1936 г. по решению правительства повышена зарплата учителям и другим работникам просвещения. Зарплата зависела теперь от образования, квалификации и стажа работы (200: 59). В августе 1931 г. состоялось решение об организации на базе Осетинского отделения Горского пединститута самостоятельного Осетинского педагогического института. Причиной такого преобразования послужил курс на всеобщий, принятый в 1930 г. Осетинский пединститут был организован осенью 1932 г. (103: 200, 206) и сразу стал главным центром подготовки учителей для осетинской школы. В 1935 г. в Северной Осетии было 1 587 педагогов на 54 664 ученика, в 1936 г. – соответственно 1 975 и 63 720 при 173 школах. С 1935-36 учебного года на всей территории области вводилось всеобщее обязательное семилетнее обучение (103: 114, 124).

Школа и языковое строительство. В 1930-е гг. продолжалась традиция единства культурно-просветительской работы в Северной и Южной Осетии. Все ответственные решения принимались совместно. 15 мая 1934 г. состоялась Объединенная конференция Южной и Северной Осетии по вопросам языкового строительства. Конференция приняла решение о своевременности и необходимости перехода на единый осетинский литературный язык. Был вновь подтвержден сделанный предшествующими объединенными съездами выбор литературной нормы – «иронский диалект с цокающим произношением, с максимальным

использованием лексических богатств всех других диалектов осетинского языка». Вся последующая работа по коренизации школы и других учебных заведений должна была, по решению конференции, проводиться на едином литературном языке (93: 1-2).

Целесообразность и своевременность такой постановки вопроса, как и весь сложный комплекс последствий конференции, достойны специального изучения. Благие намерения большинства сторонников идеи «единого литературного языка» не вызывают сомнения. Хорошо известно, однако, что утвержденные на бюро обкома ВКП(б) решения конференции (120) послужили в Северной Осетии отправной точкой для наступления на дигорский диалект осетинского языка, для гонений на его защитников. На дворе было самое страшное десятилетие «культы личности».

Впрочем, конференция постановила: сохранить преподавание на дигорском диалекте в начальных школах; печатать районную газету «Сурх Дигора» на диалекте «до усвоения основной читательской массой литературного языка»; предоставить молодым литераторам, не владеющим литературным языком, публиковаться на дигорском диалекте; поручить ОблОНО озаконить школьникам-дигорцам с литературным языком, а школьникам-иронцам с терминами дигорского диалекта, отсутствующими в иронском (93: 1-3).

На Межобластной конференции по языковому строительству, состоявшейся через два года (1936 г.), главным вопросом повестки дня была коренизация школы. К тому времени в Северной Осетии на родном языке велось преподавание в 1-4 классах, т. е. в начальной школе. В Южной Осетии коренизация охватила 1-6 классы, а в новом учебном году предполагался переход на осетинский язык всех семи классов неполной средней школы. Конференция поставила задачу завершить коренизацию неполной средней школы в 1937-38 учебном году. Для этого предполагалось в Северной Осетии уже в 1936-37 учебном году перевести на родной язык обучения пятые и частично шестые классы. Ориентировочным сроком коренизации всей осетинской средней школы был установлен 1940-41 учебный год. В качестве условий для наилучшего усвоения русского языка конференция предложила увеличить срок его изучения, улучшить методы преподавания и расширить объем часов, отводимых на русский язык учебным планом. В полном соответствии с этими важнейшими пунктами были приняты решения о подготовке педагогических кадров, совместном издании школьных и вузовских учебников, терминологических словарей и всех учебных пособий. Вновь был поднят вопрос об издании общего педагогического журнала. На конференции обсуждались препятствия и издержки коренизации, в частности была осуждена

практика преподавания «на каком-то смешанном русско-осетинском языке-жаргоне». В осетинских классах предписывалось «строго следить за чистотой литературного языка, как русского, так и осетинского» (92: 62-67).

Решения межобластной конференции о сроках не были выполнены, жизнь вносила свои коррективы в темпы коренизации осетинской школы. Между тем в осетинской глубинке именно национализация (коренизация) школы позволила покончить с неграмотностью, создать сеть культурно-просветительных учреждений – совершить подлинную культурную революцию. Сохранился отчет М. Т. Цаллагова, члена экспедиции по изучению хода и результатов языкового строительства. Он побывал в трех небольших высокогорных ущельях Центральной Осетии – Мамисонском, Зругском и Джинатском. В 1935 г. там было шесть школ с 500 учениками и 17 учителями (до 1920 г. – две школы с несколькими десятками учеников). Все предметы изучались на родном языке (в дореволюционной школе – на русском). Жители высокогорья читали книги и газеты на родном языке (90: 1-3).

В 1938 г. произошло событие, оказавшее значительное влияние на развитие всей осетинской культуры и прямо отразившееся на состоянии школьного дела. С 15 августа 1938 г. осетинская письменность была переведена на новый алфавит – латинская графика заменена русской. Перевод делопроизводства на русскую графическую основу решено было завершить до 15 ноября. Все наркоматы, райисполкомы, сельсоветы и общественные организации проводили курсы по изучению нового алфавита. В школах с 1938-39 учебного года обучение осетинской грамоте и письму переведено на новый алфавит (103: 117-118). Русская графика значительно облегчила параллельное обучение детей двум языкам и издание учебной литературы. В то же время сам переход, создавая перерыв в традиции, на некоторое время замедлил распространение грамотности на родном языке.

Отказ от латиницы, происходивший в конце 1930-х гг. повсеместно, не был ни случайным, ни узкокультурным явлением. Переход с латинского алфавита на русский знаменовал новый этап социально-политической истории народов СССР. Советское государство создало относительно стабильные экономическую и политическую системы. Государство это оказалось на деле унитарным, хотя и прикрывалось фигурным листком союзно-федеративной терминологии. В середине 1930-х гг. был выдвинут тезис о создании основ социализма и складывании новой исторической общности, позже получившей название «советский народ». Произошла замена «всемирного интернационализма», связанного с несбыточной идеей мировой революции, более реалистическим интернационализмом

в границах СССР, для которого роль межнациональной основы была способна выполнить русская культура (русский язык, русский алфавит и т. д.). В ходе культурной революции действительно происходило распространение русского языка в качестве средства межнационального общения (171: 251-260). Переход осетинской письменности (с конца XVIII в. использовавшей кириллицу) вновь на русскую графическую основу прошел достаточно безболезненно. Но осуществили его только в Северной Осетии. Осетинской национальной культуре и культурному единству осетинского народа был нанесен удар, ощутимый еще и сегодня – в Южной Осетии письменность переводилась не на русскую, а на грузинскую основу. Тем самым было пресечено дальнейшее единое и согласованное развитие Южной и Северной Осетии.

Таким образом, отказ от латинской графической основы для письменности осетин и других народов СССР, вне зависимости от научной и практической целесообразности такого шага, следует расценивать в политическом смысле как первое проявление неизбежной и вполне объективной смены главных установок советской власти в отношении развития национальной культуры и национальной школы. Новая тенденция еще не проявилась как свертывание коренизации, но уже позволила осуществить не только административное, но и культурное разделение единого осетинского народа, тем самым выявив подлинную роль, отводимую осетинам и другим малочисленным народам, – роль материала для этнической ассимиляции.

Между тем жизнь осетинской школы шла своим чередом. В 1936 г. 14 школ-новостроек приняли учащихся. В 1938 г. 12 неполных средних школ были преобразованы в средние (103: 114, 119). В 1940-41 учебном году в Северной Осетии было 212 школ (из них 70 средних и 69 семилетних), в которых 2 978 учителей преподавали 82 400 учащимся (107: 113). С 1935 по 1941 г. постоянно совершенствовались методы обучения, программы и учебные планы, были изданы учебники 147 наименований общим тиражом 741 470 экземпляров (200: 59-60). Систематические обсуждения, нелицеприятная критика и постоянное совершенствование учебных пособий на родном языке, методическая помощь учителям оставались главной заботой ОблОНО и его методбюро, Оспедтехникума и Оспединститута, Института усовершенствования учителей (41: 8-9).

В 1940 г. начался очередной этап национализации школьного образования в Северной Осетии. 6 декабря 1940 г. вынесено постановление Бюро обкома ВКП(б) и Совнаркома Северо-Осетинской АССР о коренизации 5-7 классов осетинской школы (53: 9). В 1940-41 учебном году на осетинский язык переведено преподавание в 5 классе. По мнению ОблОНО,

изложенному в отчете, изучение на родном языке истории, биологии, географии вызвало большой интерес учащихся и облегчило усвоение (42: 9).

Постановление от 6 декабря 1940 г. предусматривало коренизацию неполной средней (семилетней) осетинской школы в 1941-42 учебном году и обязывало вести подготовительную работу для перехода на родной язык в 8-10 классах с 1944-45 учебного года. Все планы были сорваны войной.

Осетинская школа 1940-х гг. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. нанесла тяжелый удар по системе народного образования в Северной Осетии. Значительная часть педагогов была мобилизована в армию, оставшиеся учителя и учащиеся активно участвовали в помощи фронту и строительстве оборонительных сооружений. С 1 ноября по 31 декабря 1942 г. почти половина территории Северной Осетии находилась в оккупированной зоне. Здания школ немцы превратили в казармы и склады. Часть школьных зданий была разрушена или разобрана на материал для строительства оборонительных рубежей. Убытки, понесенные учреждениями Наркомпроса СО АССР, исчислялись суммой в 27 857 734 рубля (200: 65). Занятия в годы войны продолжались в трудных условиях: помещения школ часто не отапливались, ученики испытывали острый недостаток письменных принадлежностей и учебников (43: 9).

Восстановление народного хозяйства в послевоенный период поставило перед педагогическими коллективами и органами управления народным образованием ряд специфических проблем (социальная помощь учащимся, борьба с беспризорностью, организация интернатов, недостаток помещений, мебели, одежды, книг и т. д.). По итогам первого послевоенного 1945-46 учебного года министр просвещения доложил на XI сессии Верховного Совета СО АССР 29 июля 1946 г., что в республике 230 действующих школ (84 начальные, 69 семилетних и 77 средних), в которых обучалось 67 100 учащихся. Отсев в первый послевоенный год достиг 8 850 учащихся – главной причиной была материальная необеспеченность (44: 4-5). По сведениям министерства, в голодные послевоенные годы «отсутствии горячих завтраков в школах, недостаток обуви и одежды заставляет детей заниматься домашними делами или идти, особенно весной, на работу – в колхозы и на предприятия, где можно было получить хотя бы одноразовое питание» (45: 13).

Из 248 школ, действовавших в Северной Осетии в 1946-47 учебном году, осетинских школ было 152 – из них 59 начальных, 48 семилетних и 45 средних школ. В 1-4 классах училось 26 283 человека, в 5-7 классах – 8 907, в 8-10 классах – 2 959. Всего в осетинских школах числилось 39 118 учеников. Общее

число учащихся в Северной Осетии составляло 78 042 человека (45: 11, 126).

Кроме осетинских, в республике было еще четыре национальные школы: две средних – армянская (291 ученик) и грузинская (305 учеников), две семилетних – кабардинская (117 учеников) и кумыкская (226 учеников).

В начальной осетинской школе (1-4 классы) преподавание велось на родном языке. В 5-7 классах преподавание всех учебных дисциплин, кроме русского и иностранного языков, также должно было идти на осетинском языке. Однако из-за нехватки учителей, профессионально владеющих осетинским языком, и недостатка учебников физика и химия во всех школах, а в некоторых и другие предметы, преподавались на русском языке. Решающим оказалось наличие преподавателя, могущего вести обучение на осетинском языке. Были отмечены случаи, когда преподавание шло на осетинском языке, несмотря на отсутствие учебников. А в других школах даже при наличии учебников на осетинском языке преподаватели вели уроки по-русски (45: 128).

В 8-10 классах все предметы, кроме осетинского языка и литературы и иностранного языка, преподавались на русском языке. Преподавание осетинского языка и литературы было полностью обеспечено, хотя и не все учителя имели соответствующую квалификацию для работы в старших классах. В основу учебной деятельности осетинской школы был положен учебный план нерусской школы Министерства просвещения РСФСР (45: 129).

В 1947-48 учебном году были открыты подготовительные классы – это имело целью улучшить условия для одновременного изучения родного и русского языков. Изучение родного языка дети теперь начинали годом раньше и русского – двумя годами раньше. Инициатива начинать изучение двух языков в подготовительном классе принадлежала ЦК партии и распространялась на все автономные республики Северного Кавказа (187: 4). Широко применявшаяся в таких случаях ссылка на пожелания родителей вряд ли может скрыть политический смысл централизованного нововведения.

Во второй половине 1940-х гг. в осетинской школе было две главные проблемы, связанные с учебным процессом: окончательная коренизация семилетней школы и улучшение преподавания русского языка.

Многие учителя-осетины, не получившие в институтах подготовки на осетинском языке и не знающие осетинской терминологии, предпочитали вести уроки на русском языке. При этом министерство специально отмечало, что в школах, где полностью обеспечено преподавание на родном языке, успеваемость выше

и знания учащихся менее формальны. Однако отсутствие у педагогов соответствующей подготовки (ее не давали Северо-Осетинский пединститут и Учительский институт) плохо сказывалось и на качестве уроков, даваемых на осетинском языке. «Вследствие отсутствия строго разработанной научной терминологии на осетинском языке трудно выдерживать научность изложения, – констатируется в отчете министерства. – Речь учащихся, подчас и самих преподавателей, страдает неточностями выражений. Определения и формулировки пересыпаны русскими словами, терминами, иногда целыми оборотами» (45: 131). Министерство просвещения добилось того, что с 1948-49 учебного года в СОГПИ и Учительском институте началось изучение осетинской терминологии, ознакомление студентов с учебниками на осетинском языке и проведение педагогической практики в 5-7 осетинских классах (47: 95). В том же учебном году удалось в основном завершить коренизацию преподавания в 5-7 классах. Этому способствовало издание почти всех необходимых учебников на осетинском языке (кроме «Зоологии» и «Физики» для 7 класса) и укомплектование школ преподавателями, владеющими осетинским языком (47: 94).

Недостатки преподавания русского языка в осетинских школах были связаны с методической неподготовленностью учителей (104: 47-48). Из 156 учителей, в 1947-48 учебном году преподававших русский язык в осетинских школах, родным языком учащихся владело 122 человека. Однако, не владея методикой обучения русскому языку в нерусских школах, они не могли поставить свое знание осетинского языка на службу изучения русского языка. Русские учителя, за редким исключением, не владели родным языком учащихся и поэтому не могли учесть специфические особенности осетинского языка, а именно это необходимо для успешного обучения русскому языку. В СОГПИ и Учительском институте студенты русского филологического отделения не изучали осетинский язык, а методику преподавания русского языка проходили в общем виде, «не отражая специфику работы осетинской школы» (46: 53).

Методическому вооружению учителей были посвящены курсы и семинары, проводившиеся Институтом усовершенствования и Министерством просвещения. Особое внимание уделялось типичным ошибкам учащихся-осетин в устной русской речи, влиянию этих ошибок на орфографию, работе над произношением, изучению категории рода, фразеологической практике (46: 54). Дополнительные трудности создавала нехватка учебников, вынужденное использование разных учебников, в том числе – учебников для русских школ. Только к 1948-49 учебному году были разработаны новые

учебники для осетинских школ (46: 55-57). Но еще и в 1949-50 учебном году осетинские школы не были обеспечены учебниками по русскому языку для 1, 3, 4 и 6 классов (48: 6).

Еще одна проблема, вставшая в ходе коренизации, заключалась в необходимости подготовить учащихся-дигорцев к переходу с 5 класса на иронский диалект (единый литературный язык). С этой целью в учебниках для начальных классов дигорских школ наряду с дигорскими было решено помещать иронские тексты, а также изучать грамматику литературного языка с 3 класса.

Официальная оценка коренизации, зафиксированная в 1950 г. в документах Министерства просве-

щения, была такой: *«Практика обучения на осетинском языке (в 1-7 классах иронских школ и 5-7 классах дигорских школ на иронском диалекте, а в 1-4 классах дигорских школ на дигорском диалекте) содействовала поднятию качества знаний учащихся осетинских школ»* (48: 101).

Пройденный осетинской школой путь выявил и недочеты, связанные прежде всего с отсутствием целостной системы национального образования. *Опыт коренизации привел органы управления народным образованием к выводу о необходимости специально готовить в СОГПИ учителей для осетинской школы* (48: 103). Но времени на исправление ошибок не оставалось.

Денационализация осетинской школы

1. Свертывание осетинской школы

Первый рубеж отступления – начальная школа. Период 1950-х – 1960-х гг. занимает особое место в истории осетинской школы. Опыт предшествующих десятилетий ясно показал необходимость комплексного подхода к строительству системы национального образования, определил главные направления работы. Но осмысление этого опыта происходило в новых политических условиях – на фоне перехода к открытой национальной унитаризации, получившей завершенное воплощение в теории формирования «советского народа» как новой исторической общности с русским языком «межнационального общения». Следствием смены вех в национальной политике советского государства явился отказ от поддержки национальных культур и национальной вариативности образования.

В 1950-е гг. в Северной Осетии началось отступление от идеи полноценного национального образования. Поводом для этого послужили объективные трудности национализации осетинской школы. Коренизация неполной средней школы проходила труднее, чем коренизация начальной. Сказался недостаток научно-технических терминов. Отсутствовала система социальной подготовки учителей-предметников для осетинской школы. Особые сложности были связаны с районами распространения дигорского диалекта. Многочисленные проблемы осетинской школы не ставились на обсуждение, попытки их разрешения отразились в отчетах Министерства просвещения, постановлениях Совета Министров, материалах учительских съездов и конференций. Переход с 1949-50 учебного года к всеобщему семилетнему обучению в сельской местности (49: 2) вновь привлек внимание к трудностям коренизации.

В 1950-51 учебном году учащиеся 4-х классов осетинской школы показали на экзаменах «глубокие и прочные» знания. Все преподаватели начальных классов имели среднее специальное образование и хорошо владели осетинским языком. Ученики были полностью обеспечены учебниками. План издания национальных учебников был выполнен (29 названий общим тиражом 105 тысяч). Критические замечания в министерском отчете касаются лишь плохого знания некоторыми учителями русского языка (51: 3-15).

Совсем по-иному описано положение в старших классах осетинской школы. Жесткой критике подвергнуто преподавание русского языка и литературы – у некоторых учителей связь между родным и русским языками ограничивается переводом отдельных грамматических определений на осетинский язык, сознательное изучение грамматического строя заменяется механическим заучиванием правил (51: 27-44). Многие учителя-предметники, как сообщает отчет, «не владеют научной терминологией и не могут хорошо преподнести материал на осетинском языке. В Северо-Осетинском пединституте студенты не изучают на факультетах соответствующую специальную терминологию на осетинском языке. Совсем недавно начали вести педагогическую практику в двух осетинских школах г. Дзауджикау. Учителя-дигорцы коренизируют преподавание не на литературном осетинском языке, а на диалекте этого языка. Учителя-дигорцы для руководства пользуются русскими учебниками, а излагают материал по-дигорски. Ученики, пользуясь осетинскими учебниками и слушая изложение материала по-дигорски, отвечают на «среднем» между дигорским и иронским диалектами языке, (...) тем самым искажают без того запутанные термины, многие из которых совсем не укладываются в сознании дигорца-ученика» (51: 71-72).

В 8-10 классах осетинских школ обучение велось на русском языке. По мнению министерства, после семилетней учебы на осетинском языке «этот переход тяжело отражается на успеваемости учащихся, так как им приходится изучать русскую терминологию по предметам заново. Они не подготовлены к занятиям на русском языке, не умеют свободно и легко работать над русским текстом, не могут передать свои знания, нет достаточного словарного запаса на русском языке» (51: 73).

Чтобы исправить положение, планировалось: повышать квалификацию учителей через Институт усовершенствования; обучать учеников начальных дигорских классов литературному языку, а затем полностью перевести преподавание на литературный язык; в 5-7 классах наряду с осетинской изучать и русскую терминологию (51: 74).

С 1 сентября 1951 г. действовал новый учебный план осетинской школы, разработанный Минпросом СО АССР по поручению Совета Министров РСФСР и введенный приказом по Министерству просвещения РСФСР (52: 1-4). Новый учебный план увеличил количество часов, отводимых на изучение русского языка и литературы, и сократил часы родного языка (см. Приложение, таблица 3). Были подготовлены также новые программы по родному языку и литературе, по русскому языку и литературе (54: 1-21). При этом состав курса осетинской литературы подвергся жестокой ревизии, завершившейся исключением из программы творчества Алихана Токаева и Хоха Тлатова (50: 12-14).

В 1951-52 учебном году сделаны очередные шаги к осуществлению закона о всеобщем – было открыто 9 новых школ и подготовлено открытие 26 интернатов на 1000 мест (55: 17-19). Но времена окончательно изменились: «осетинский всеобщий» был не нужен.

8 мая 1952 г. Совет Министров СО АССР принял постановление «О мерах по упорядочению коренизации в осетинской школе» (104: 54-56), в котором совершавшееся отступление было легализовано и снабжено благовидными объяснениями. Отметив большое значение и успехи обучения на родном языке в начальной школе, постановление утверждает, что «коренизация 5-7 классов семилетней и средней осетинской школы находится в крайне неудовлетворительном состоянии» и начата «без учета условий и возможностей перевода преподавания всех предметов на осетинский язык; не были подготовлены кадры учителей, перевод стабильных учебников на осетинский язык осуществлялся наспех без достаточно разработанной научной терминологии, имеющиеся в учебниках ошибки и существенные недостатки серьезно тормозят усвоение основ наук учащимися осетинами». Далее в постановлении излагается весьма характерное обоснование

предлагаемых изменений: «Качество знаний учащихся коренизированных 5-7 классов крайне низкое. В то время, когда знание русского языка является самым необходимым для связи и общения с другими народами, дальнейшего усовершенствования национальных кадров в области научных и технических познаний и роста культуры, преподавание физики, химии, естествознания, математики и других предметов на осетинском языке служит большой помехой в деле успешного овладения русским языком. Все это приводит к тому, что учащиеся, оканчивающие осетинскую семилетнюю и среднюю школу, испытывают серьезные затруднения при поступлении в техникумы и высшие учебные заведения» (53: 9).

В итоговой части постановления высказана просьба к ЦК ВКП(б) и Совету Министров СССР «разрешить, как исключение, ввести с 1 сентября 1952 года обучение в 5-7 классах осетинских школ на русском языке». Эта мера преподносилась как временная – «до подготовки необходимых условий для успешного проведения коренизации семилетней осетинской школы» (53: 10). «Просьба», конечно, была удовлетворена.

В отчете за 1952-53 учебный год Министерство просвещения СО АССР рапортует: «Практика обучения на осетинском языке в 5-7 классах осетинских школ (особенно в дигорских школах) показала, что язык обучения не содействовал поднятию качества знаний учащихся осетинских школ по русскому языку, в связи с этим многие школы в отчетном году вели обучение учащихся на русском языке. Работа в этом направлении (особенно по улучшению качества преподавания на русском языке) продолжается и в настоящее время» (55: 101). **Таким образом, обратный переход на русский язык обучения начался в осетинской школе с 1951-52 учебного года.** В 1953-54 учебном году на русский язык обучения с 5 класса перешли все осетинские школы (61: 31).

Идеологическая обработка. Шла подготовка к переводу начальных дигорских школ на литературный язык, начиная со 2 класса. Это предполагалось сделать уже в 1953-54 учебном году (56: 101), но было отложено из-за неудовлетворительной подготовки учителей (60: 55). Обучение второклассников-дигорцев на плохо знакомом им «едином литературном языке» заведомо обречено на неудачу. Поэтому, зная уже наметившуюся тогда «линию партии», очень трудно поверить, что планировавшие эту авантюру люди не понимали простых вещей. Значит, они рассчитывали на эту неудачу? Но и в этом нет уверенности. Вполне возможно, что дело в обычной некомпетентности, в невежестве, в равнодушии к родной школе. Между прочим, «серьезные недостатки и ошибки в преподавании родного языка и литературы» отмечало в 1953 г. Бюро

обкома партии. Однако, возмущаясь тем, что «до сих пор осетинские школы не имеют единого доброкачественного учебника по грамматике осетинского языка, не упорядочена орфография» (59: 2), партийное руководство было озабочено вовсе не этим, а улучшением преподавания русского языка и скорейшим отказом осетинской школы от родного языка обучения.

Интересно, что именно в 1953 и 1954 г. состояние народного образования в Северной Осетии проверяли бригады соответственно Совета Министров и Министерства просвещения РСФСР. В справках, составленных по итогам этих проверок, всячески подчеркивается неудовлетворительность учебно-воспитательной работы, снижение успеваемости по русскому языку и математике, низкая успеваемость «учащихся коренной национальности» (58: 1). Бригада 1954 г. указала, что и после перехода в 5-7 классах на русский язык обучения не удастся улучшить качество знаний по русскому языку. Главной причиной названа такая: «отсутствие преемственности в работе учителей начальных и 5-7 классов» (61: 32-34). Будущее решение уже просматривается в этих формулировках – преемственность будет восстановлена полным отказом от обучения на осетинском языке.

Впрочем, никто не останавливал рутинную деятельность органов управления образованием, авторов и издателей учебников. В 1954-1955 г. шла работа по составлению нового учебного плана, новых программ и новых учебников по русскому и родному языкам для осетинской школы (99: 27). К 1955-56 учебному году для издания были подготовлены 36 учебников, из них на осетинском языке 26. Учебники по русскому языку и литературе, осетинскому языку и литературе были оригинальными, созданными специально для осетинской школы, остальные книги – переводные общесоюзные учебники (63: 1). Тогда провели сокращение и слияние малокомплектных школ и классов, 15 начальных школ были присоединены к ближайшим семилетним и средним школам (64: 50).

В 1956 г. состоялось несколько решений, имевших прямое отношение к судьбе осетинской школы. 6 июля 1956 г. утверждены правила осетинской орфографии, организованы постоянные комиссии: орфографическая, для улучшения осетинского алфавита, терминологическая (62: 6). Судя по отсутствию ощутимых результатов их деятельности, можно предположить, что решением о комиссиях обком КПСС и Совмин СО АССР камуфлировали основную линию на сокращение функций осетинского языка. Постановление Совмина «О состоянии и мерах улучшения обучения и воспитания в осетинской начальной школе» как раз предшествует созданию комиссий. Принятое 16 марта 1956 г., оно вполне отражает генеральную

линию партии: «...осетинская начальная школа не справляется со стоящими перед ней задачами обучения и воспитания детей, не дает учащимся систематических и прочных знаний... Особенно неудовлетворительно обучение детей русскому языку, что ставит их в тяжелое положение не только в начальной, но особенно в семилетней и средней школах» (107). С 27 по 31 июля 1956 г. в столице Северной Осетии прошло межобластное совещание учителей, методистов, научных сотрудников и работников отделов народного образования и министерств просвещения республик Северного Кавказа. Решение этого совещания, опубликованное отдельной брошюрой, тоже делает главный акцент на необходимость повысить уровень знаний по русскому языку (11: 6, 9).

В богатом на события 1956 г. состоялась также научно-практическая конференция работников школ СО АССР (26-28 марта). В выступлениях участников конференции нашло отражение двусмысленное положение осетинской школы и главные тенденции ее развития. К середине 1950-х гг. стала очевидной неудача перевода делопроизводства на осетинский язык. После войны этой проблемой уже никто не занимался, и осетинский язык неуклонно вытеснялся из государственной сферы. На фоне развития всеобща произошел фактический отказ от коренизации средней школы. О создании для осетин возможности получить на родном языке высшее образование не было и речи – даже в пределах необходимой для осетинской школы подготовки кадров (как предполагалось в министерском отчете 1950 г.). В этих условиях неизбежным стало формирование у родителей и учителей отрицательного отношения к обучению детей на осетинском языке, и как следствие – резкое сужение социальной базы для развития осетинской школы.

На конференции возникла открытая дискуссия по вопросу о языке преподавания в осетинской школе. Директор Камбилеевской средней школы Т. поставил вопрос ребром: «Одни дети учатся по осетинской программе, другие – по русской. Правильно ли это с научной точки зрения или с точки зрения нашего пролетарского интернационализма, коммунистического воспитания?» Ответ у директора был готов. «Я считаю, что это искусственные перегородки, – сказал он. – В русских классах очень много осетин, и они лучше занимаются и грамотнее выглядят, чем русские дети по русскому языку. Я это сам по себе чувствую, я учился в русской школе, в вузе учился с русскими, сейчас я разговариваю гораздо хуже по-русски потому, что мне приходится постоянно сталкиваться и разговаривать на осетинском языке. Никто не может сделать замечания в школе, что мы говорим по-осетински, химики, биологи сами малограмотные и не поправляют учащихся. Надо сделать

так, чтобы как можно больше детей-осетин учились в русских классах и ввести русские нормативные программы в осетинских школах», – заключил Т. под аплодисменты собравшихся (65: 70). Заметьте, руководитель школы объявляет «малограмотными» тех, кто говорит на родном языке, и призывает запретить в школе не обучение даже, а общение на осетинском языке.

Его поддержали Г. из Дигорской и Г. из Хумалагской средней школы. Они указали на недостатки учебников русского языка и отсутствие нужного числа методических пособий для осетинской школы, низкую квалификацию учителей начальных классов. «По-моему, – попытожил свое выступление Г. из Хумалага, – назрела необходимость поставить вопрос о преподавании всех предметов на русском языке, начиная с первых классов. Я сам осетин, очень люблю осетинский язык и осетинскую литературу, но я всегда думаю, что русский язык везде необходим, даже в самом далеком селении документация ведется на русском языке. Кроме того, учащиеся получают больше пользы от такого преподавания (...). Я прошу рассмотреть этот вопрос и добиться разрешения» (65: 61).

На эти предложения, встречаемые аплодисментами в зале, начальство отвечало как бы оправдываясь, ссылаясь на неподготовленность всех условий и вред поспешности в таком важном деле. Спектакль был поставлен по всем правилам партийной сцены тех лет. Министр просвещения А. Г. Тотров вопрошал: «Смогут ли дети, в особенности в отдаленных горных селениях, освоить материал на русском языке в подготовительном и первом классах?» По мнению министра, «пока еще рано ставить вопрос о переводе преподавания в подготовительном и первом классе на русский язык. Надо учитывать и такое положение, что 5-7 классы многих нерусских республик, а то и 5-10 занимаются на родном языке, что наша республика одна из первых по Советскому Союзу поставила вопрос о переводе преподавания, начиная с пятого класса, на русский язык». На предложение работать по учебному плану русской школы министр отвечал, что даже при полном переходе на русский язык обучения «нельзя же прекратить изучение родного языка, значит надо какие-то предметы ущемлять и в счет их вести уроки осетинского языка (...). Особых расхождений между программами для нерусских и русских школ нет и если мы будем добросовестно относиться к исполнению служебного долга, мы будем давать глубокие знания учащимся. Значит, пока этот вопрос отпадает и не надо создавать такие настроения. Такой вопрос надо решать постепенно, чтобы не ошибиться» (65: 14).

Более откровенные высказывания позволила себе заведующая отделом обкома партии М. Г. Кулумбекова, председательствовавшая на конференции.

«Нельзя же такими методами показывать свою любовь к русскому языку и русскому народу, – возмутилась она. – Политика нашей партии не говорит о том, чтобы все народности нашей страны обучать только на русском языке. Наоборот, дается право каждой нации развивать свой язык, свою культуру... Никто из великих педагогов как дореволюционного периода, так и советского не ориентировал обучать национальных детей обязательно на русском языке». Даже если этот протест партийного руководителя имел целью лишь осадить излишне торопливых, отдадим должное женщине, которая не стала скрывать своего презрения к холуйству. М. Г. Кулумбекова и далее была откровенна: «Мы иногда притворяемся, что наши дети с рождения знают русский язык. На этот вопрос нужно смотреть более реально, и там, где есть возможность его осуществить, мы за это и чем скорее осуществим, тем лучше, но где этой возможности нет, не надо этого делать и надо вести работу так, как подсказывает ЦК партии и Минпрос РСФСР» (65: 16-17).

Большинство выступлений на конференции были посвящены политически выверенным «вопросам преподавания русского языка в национальных школах» (65: 56).

2. Ликвидация осетинской школы

Последние учебные годы. В 1956-57 учебном году в Северной Осетии было 29 начальных осетинских школ, в которых обучался 1 241 ученик. В смешанных осетино-русских школах, которых было 107 (4 начальные, 52 семилетние и 51 средняя), на осетинском языке обучались 12 390 учеников 1-4 классов (57: 12). Число осетинских школ быстро уменьшалось – в 1953 г. их было 66 (учащихся в них – 6 641), в 1955 г. – уже 35 (58: 17; 57: 18). Престиж осетинского языка и осетинской школы в 1950-е гг. резко снизился. Получил распространение (в том числе и в учительской среде) тезис о том, что осетинский язык «нужен только до Эльхотово (пограничная железнодорожная станция при движении в сторону Москвы. – Р. Б.)». На отделение осетинского языка в пединституте не удавалось набрать абитуриентов с хорошей подготовкой по осетинскому языку (65: 17).

Между тем последовательная подготовка к полному отказу от обучения на родном языке в осетинской школе продолжалась. Совет по народному образованию при Минпросе СО АССР 1 февраля 1957 г. принял постановление, в котором вновь отмечен низкий уровень преподавания и неудовлетворительные знания учащихся начальных осетинских классов, в особенности – по русскому языку. «Начальная школа по-прежнему не дает необходимых знаний учащимся по русскому языку для успешного продолжения обучения в старших классах», – сказано в постановлении (67: 1).

Состоявшийся 23 августа 1957 г. II съезд работников народного образования СО АССР коснулся самых разных проблем (104: 71-72). В материалах съезда вы найдете рассуждения о классных собраниях и дежурстве по школе, о развитии эстетического чувства, о шпаргалках и пьянстве учителей... И только в конце, при ответах министра А. Г. Тотрова на вопросы, возникает тема родного языка и языка обучения в школе. На вопрос о праве детей, владеющих осетинским языком, отказываться от его изучения в школе – следует ответ министра: «Насильно заставляя мы не можем, но если это желание родителей и детей, то мы обязаны знакомить детей с осетинской литературой, языком». Дипломатичного министра дополняет Б. Е. Кабалоев, первый секретарь обкома КПСС: «У нас есть школы со смешанным составом классов. Дети вместе играют, все время находятся вместе, а мы их искусственно расщепляем по национальным классам. В этих школах есть смысл сливать классы и переводить их на русскую программу». Министр спешит поддержать: «Мы это уже делаем в некоторых населенных пунктах, где это возможно» (101: 31). В материалах следующих съездов нет вообще ни слова об осетинской школе. О ней учат забывать.

С 1957-58 учебного года некоторые осетинские классы участвовали в общероссийском эксперименте по переводу школ на новый учебный план (66: 23-24). В этом и следующем учебном году активно обсуждался проект новой системы среднего общего политехнического и профессионального образования, предложенный Минпросом РСФСР и Академией педагогических наук. Было поддержано предложение «в качестве первого этапа среднего образования ввести 8-летнюю общеобразовательную политехническую трудовую школу» (69: 1). Иными словами, семилетнюю неполную среднюю школу заменяли восьмилетней. Можно ли было упустить такой повод? Обком КПСС и Совмин СО АССР тут же выдвинули предложение переходить в осетинской школе на русский язык с 4 класса (69: 23). Имея стабильную и развитую систему народного образования (68: 6-9; 70: 7-8), Северная Осетия приняла план полного перехода на восьмилетнее образование за три учебных года – с 1959-60 по 1961-62 (71: 1-6).

В соответствии с законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» и решениями высших органов партии и государства, новая система среднего образования делилась на два этапа. Первым этапом становилась обязательная для всех детей восьмилетняя школа. Полное среднее образование можно было получить в вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе или общеобразовательной трудовой политехнической средней школе с производственным обучением.

В тезисах ЦК КПСС и Совета Министров СССР, посвященных перестройке народного образования, было сказано о праве родителей решать, на каком языке должны обучаться их дети. Это право было включено и в новый «Закон о школе». В тезисах высказывалась также мысль о том, что «в нерусских школах существует большая перегрузка учащихся, так как изучаются одновременно три языка – родной, русский и иностранный» (100: 16). Обе идеи (о праве родителей и перегрузке) были с энтузиазмом подхвачены в Северной Осетии. «Во избежание перегрузки» в учебном плане осетинской восьмилетней школы оставалось изучение родного и русского языков, в одиннадцатилетней школе с девятого класса изучали русский и иностранный языки. С 1 сентября 1959 г. в 5 классе осетинских школ иностранный язык уже не изучался. В восьмилетней школе с 1 по 4 класс сохранялось обучение на родном языке, а с 5 класса – на русском, при этом осетинский язык оставался предметом изучения до 8 класса (100: 17).

В 1962-63 учебном году все классы осетинской восьмилетней школы перешли на новые учебные планы и программы (72: 3; см. Приложение, таблица 4). В осетинских школах уже не было подготовительного класса. По основам наук, в том числе и по русскому языку, в план осетинской школы было заложено одинаковое с русскими школами количество часов. Во избежание перегрузки учащихся было сокращено число часов на трудовое обучение и физкультуру (100: 17-18). В итоге всех нововведений количество часов на изучение родного языка сократилось, число часов русского языка увеличилось.

Для полной ликвидации системы национального образования оставалось нанести последний удар – перевести на русский язык обучения начальные классы осетинской школы. Условия для этого были подготовлены в первой половине 1960-х гг. К 1963-64 учебному году на русский язык обучения перешли все учащиеся 5-11 классов и около 10 % учащихся начальных классов. Основанием для такого перехода было объявлено желание родителей, поскольку «Закон о школе», принятый Верховным Советом РСФСР, предоставил родителям право свободного выбора языка обучения для своих детей. Переход на русский язык обучения происходил по всей Российской Федерации. По официальным данным, в 1962-63 учебном году «из общего числа учащихся нерусских школ РСФСР на русском языке по желанию родителей обучалось 27 % учащихся начальных классов, 53 % учащихся 5-8 классов и 66 % – 9-10 классов» (75: 7).

Одной из первых в Советском Союзе Северная Осетия поставила вопрос о переводе преподавания на русский язык с 5 класса. Заявляя об этом с

гордостью, министр просвещения СО АССР в 1956 г. не вспоминал о том, что в 1952 г. 5-7 классы были переведены на русский язык обучения в порядке исключения и временно – «до подготовки необходимых условий для успешного проведения коренизации» (53: 10; 65: 13). В новой политической конъюнктуре отказ от родного языка обучения выглядел уже естественным и необходимым. Северная Осетия не упустила лидерства и в переводе на русский язык начальной осетинской школы, то есть в полном отказе от родного языка обучения в национальной школе.

Последний удар. 7-9 мая 1964 г. в столице Северной Осетии состоялась Научно-практическая конференция по вопросу перехода на русский язык обучения в осетинской начальной школе. Радикальный сторонник русского языка обучения, ярко выступивший на конференции 1956 г., хумалагский учитель Г. к этому времени стал министром просвещения СО АССР. В его докладе было дано всестороннее обоснование отказу от родного языка преподавания в осетинской школе. Министр заявил, что русский язык звучит на всех континентах и несет с собой свет научных и технических знаний, идеи мира и коммунизма, поле деятельности советского человека развивается до всесоюзных масштабов и поэтому «по-новому встает вопрос о соотношении русского и национальных языков в культурной и хозяйственной жизни каждой национальной республики и области» (75: 4-5). Далее министр сообщил, что русский язык «добровольно избран осетинским народом языком деловых и производственных взаимоотношений, языком преподавания в средних специальных и высших учебных заведениях», и сослался на Программу КПСС, обещающую «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков» (75: 5-6).

Научно-практическая конференция послужила удобной «демократической» формой для принятия уже готовых решений. Министр изложил официальную линию руководства республики. «При разъяснении Закона о школе родители в нашей республике высказали свое желание и потребовали обучать их детей на русском языке с 1 класса, – сообщил министр и нашел это вполне естественным. – Каждый родитель думает о будущем своего ребенка, желает видеть его в числе активных строителей коммунизма. (...) Глубокий анализ сложившейся системы обучения в осетинской школе подтверждает правоту мнения родителей». В чем же состояли выводы, полученные в результате глубокого анализа? А в том, что «мы встали перед фактом

двухязычной, а в Дигорском районе и трехязычной основы обучения в школе, которая при современных требованиях к уровню общеобразовательных знаний молодежи дальше нетерпима» (75: 7-9).

Весьма характерна прозвучавшая в докладе критика: «Некоторые товарищи категорически возражают против этого (отказа от родного языка. – *Р. Б.*), оперируя трудами и высказываниями классиков педагогики о роли родного языка в изучении основ наук. Видимо, нет необходимости оспаривать ту истину, что на родном языке наука понятнее и осваивается легче. Но надо каждый вопрос рассматривать в конкретной обстановке. В наших условиях русский язык стал вторым родным языком осетин, а в практической жизни народа он играет первостепенную роль, поэтому родители и требуют обучать своих детей на русском языке с 1 класса» (75: 10-11).

Позиция министра (читай: обкома КПСС) была поддержана представителями психолого-педагогической науки. Научный сотрудник СОГПИ Х., прочитав доклад «К психологическим основам изучения русского языка в осетинской школе», сделал следующий вывод: «Для успешного овладения русским языком целесообразно все обучение в осетинской школе, начиная с 1-го класса, осуществлять на этом языке» (75: 66). Научный сотрудник Института национальных школ АПН Г. выступила с докладом на тему «Изучение родного языка в классах с русским языком обучения (из опыта работы)». Ее вывод: «Изучение родного языка в первом классе со второго полугодия, вслед за усвоением русской грамоты, является более целесообразным» (75: 82). В конференции приняли участие и гости из других автономных республик (75: 182-238).

Решения конференции послужили отправной точкой для быстрого перехода на русский язык преподавания в 1-4 классах осетинской школы. В школах, где имелись необходимые условия, переход на русский язык произошел в 1964-65 учебном году. В остальных школах создавались кружки по изучению русского языка для учителей начальных классов. Постоянно действовали кустовые и районные семинары для учителей, перешедших на русский язык обучения. Каждый учитель должен был пройти двухгодичные очно-заочные курсы усовершенствования (75: 22).

Предложенный конференцией учебный план восьмилетней осетинской школы с русским языком обучения (см. Приложение, таблица 5) сократил курс родного языка во 2-8 классах до 3 часов в неделю, а начало изучения родного языка отнес на второе полугодие 1 класса (75: 30-33). В планах работы Министерства просвещения СО АССР в 1960-е гг. основное внимание было уделено мероприятиям, связанным с закреплением достигнутой высоты, – проводились летние

учительские курсы, по радио транслировались разговорные уроки по русскому языку для детей-осетин шестилетнего возраста, издавались методические указания для работы в «осетинской школе с русским языком обучения» (73: 1-2; 74: 5).

Денационализация (фактическая ликвидация) осетинской школы была завершена.

Судьба, постигшая осетинскую школу, была почти всеобщей для национального образования в России. По точной характеристике М. Н. Кузьмина, национальная школа «полностью утрачивает качества национальной, сохраняя лишь преподавание родного языка и литературы как предмета. По существу она превращается в гигантскую машину перевода национальных меньшинств в русло русского языка и (в известной степени) культуры» (179: 13).

В 1970-е – 1980-е гг. в так называемой «осетинской школе» сохранялось лишь преподавание родного языка и литературы как предмета. Изучение осетинского языка превратилось в формальную дань статусу национальной школы и воспринималось как дополнительная нагрузка. Изучение «бесполезного», по мнению учеников, учителей и родителей, предмета было поверхностным. Этому немало способствовал низкий уровень программ и учебников, составленных без учета языковой ситуации в республике, вне всякой связи с культурной и общественной жизнью народа. Проникавшие в печать отзывы о состоянии изучения родного языка, о качестве учебных программ отразили печальную картину (175).

На фоне деградации осетинской школы продолжалась идеологическая кампания по пропаганде двуязычия, понимаемого как фактический отказ от родного языка. Русский язык был объявлен вторым родным языком. «Осетинская школа» с преподаванием на русском языке отстаивалась как достижение культурного развития осетинского народа (161; 162; 163; 176). Переход на русский язык сделался официальным условием и гарантией интернационализма (110).

Лишь в 1991-1992 гг. Министерство народного образования Северной Осетии предложило первый проект реформы национальной школы и приступило к его осуществлению. Вне зависимости от результатов (полномасштабный успех был в те годы недостижим по объективным политическим и экономическим причинам) именно эти начинания открывают новую эпоху в истории осетинской школы – эру возрождения.

Исторический опыт и современные приоритеты национального образования

История национального образования в Осетии может быть разделена на четыре основных периода.

Первый период начался в середине XVIII в. (в эпоху установления русско-осетинских отношений и присоединения Осетии к России) и завершился Февральской революцией 1917 г. Он вместил в себя создание сети начальных школ, накопление опыта изучения осетинского языка в духовных и светских учебных заведениях средней ступени, создание современной письменности. Принцип русификации воплощался не в прямом запрете на родной язык, а в отсутствии его государственной поддержки. Осетинский язык использовался лишь при первоначальном обучении детей, не знакомых с русским языком.

Второй период длился более трех десятилетий – с 1917 до начала 1950-х гг. В 1917 г. Первый Всеосетинский учительский съезд постановил создать начальную школу с родным языком обучения. Зарождение национальной школы происходило в годы революции и гражданской войны в русле сложного процесса национально-государственного самоопределения и национально-культурного строительства. Примечательно, что жестокое военное противостояние не помешало «белым» и «красным» в Осетии сохранить полное единство мнений по двум принципиальным вопросам: о нерушимости союза с Россией и о необходимости национальной школы. К 1920-м гг. относится начало процессов национализации: был осуществлен перевод государственного делопроизводства на осетинский язык, состоялся переход начальной школы на родной язык обучения. Рубеж 1920-х и 1930-х гг. ознаменовался в СССР победой унитаризма. Идеологические изменения коснулись даже терминологии – «национализация» была заменена на «коренизацию». Строительство осетинской национальной школы тем временем продолжалось – с 1940 г. начался перевод на родной язык обучения 5-7 классов. Перевести 8-10 классы уже не успели.

Третий период начался в 1952 г., когда 5-7 классы по решению партийно-государственных органов вернулись к обучению на русском языке. В середине 1960-х гг. то же самое произошло и с начальной школой. Одновременно республика отказалась от делопроизводства на осетинском языке. Денационализация проводилась на волне форсированного «движения к коммунизму», требовавшего создания «новой исторической общности людей – советского народа». Национальной культуре и осетинскому языку была отведена факультативная, самодеятельная роль, в отдельные периоды (например, в 1982-1987 гг.) они открыто преследовались. Показательно, что «аргументы», призванные обосновать отказ от родного языка в советской школе, были найдены еще в XIX веке – это «малоупотребительность», изучение «по желанию» и т. п. отговорки, которые превращали лишение осетинского

языка государственных функций в оправдание для его полного вытеснения из общественной жизни.

Четвертый период открывается последним десятилетием прошедшего века и ждет результатов нашей деятельности.

В целом история национальной школы в Осетии неотрывна от общей истории национального образования в России. Судьба осетинской школы всегда зависела от господствовавших в обществе политических доктрин и идеологических стереотипов. Несомненное влияние на состояние национального образования на каждом этапе его истории оказывала общая культурная и языковая ситуация в Осетии.

Создание национальной системы начального образования в Осетии, хотя и противоречило главной установке имперской национальной политики, но все же время от времени становилось принципиально возможным. Однако использовать такую возможность в XIX и начале XX в. было некому в силу отсутствия в Осетии национальных территориально-административных или культурных институтов.

Полномасштабное строительство национальной школы, начатое в советской Осетии, было прервано в середине XX в. и сменилось полной денационализацией образования. Национально-культурная инфраструктура, существовавшая в Осетии к этому времени, оказалась не в состоянии противостоять «политике партии и правительства».

Таким образом, главная закономерность, безотказно действовавшая на всем протяжении истории национального образования в Осетии, заключалась в прямой зависимости положения осетинской школы от политической конъюнктуры при отсутствии (или слабости) механизмов этнокультурной самозащиты в осетинском обществе.

К тому же еще на этапе создания осетинской школы были совершены грубые стратегические ошибки, облегчившие впоследствии ее разрушение. Осетинская школа, созданная сепаратно, без строительства целостной системы национального образования, без специальной подготовки педагогических кадров, оказалась слишком уязвимой и недолговечной. Программа языкового строительства 1920-1930-х гг., положенная в основу образовательной деятельности, оказалась неисполнимой, поскольку опиралась на доктринальные основания и не учитывала реальных тенденций развития языковой и политической ситуации в Осетии. В качестве единого литературного языка был введен один из говоров иронского диалекта, использовавшийся как язык художественной литературы, но превратить его в литературный (т. е. канцелярский, нормированный) язык только еще предстояло. Однако создать стационарную, действенную, лингвистически и социокультурно

обоснованную систему нормирования литературного языка не удалось. Вместо перехода на навязываемый сверху диалект не владеющие им группы предпочли переходить в общении на русский язык, который стал выполнять для осетин функции общенационального языка (это закономерный результат типовой политической ошибки, известной в истории разных народов).

В результате культурной политики 1970-х – 1980-х гг. XX в. образование потеряло необходимую связь с национальной культурой и повседневной жизнью народа. Резкое сокращение социальных функций лишило осетинский язык действенных механизмов воспроизводства. Профессиональные отрасли национальной культуры оказались подавлены жестким идеологическим прессингом и цензурным контролем.

В этих условиях главным бастионом самосохранения народа, защиты его духовных ценностей и национальной идентичности стала фольклорно-этнографическая, традиционно-бытовая сфера осетинской культуры. Но полноценное воспроизводство национальной культуры в современном обществе невозможно вне родного языка и системы образования. Поэтому во второй половине XX века, несмотря на высокие показатели всеобщей политизированной культуры, в Осетии произошло значительное отступление от достигнутых уровней национально-культурного развития.

Следует с полной ответственностью отнестись к результатам научных исследований и практического опыта, свидетельствующим, что «насильственное обучение детей с 1 класса на чужом языке, который объявлялся “вторым родным языком”, привело не только к потере родного, но и отставанию в умственном и речевом развитии выпускников так называемых “национальных школ с русским языком обучения”. Вместо ожидаемого двуязычия учащиеся не овладевали ни русским, ни родным языком, а становились как бы “полуязычными”, не способными к восприятию научных и культурологических понятий, продолжению своего дальнейшего образования. ... По мнению отечественных и зарубежных социолингвистов, только при паритетном двуязычии в школьном обучении можно сохранить родной язык в условиях широкого распространения языка большинства и тем самым избежать аккультурации. Поэтому обучение на родном языке – это элементарное условие выживания, воспроизводства родного языка и культуры» (158: 97-98).

Обобщение и учет опыта национального образования в Северной Осетии позволит избежать сделанных в прошлом ошибок. Прежде всего, возрождение осетинской школы должно носить системный характер, охватывая всю совокупность учебных заведений и других учреждений, призванных транслировать национальную культуру. Национализация школы может быть успешной

только в случае параллельного ей расширения функций осетинского языка в государственной, общественной и производственной жизни, первоочередные задачи – возобновление практики делопроизводства на родном языке и всемерная государственная поддержка осетинского языка.

В последнее десятилетие происходят кардинальные изменения в культурной политике, учитывающие национальные и социальные интересы всех народов России. Важнейшими принципами развития демократической России становятся разнообразие и равноправие культурных форм жизни, понимаемые как часть политики прав человека. Особая ответственность ложится на национальные субъекты Российской Федерации, которые получили возможность строить собственное культурное будущее во благо государственному единству. Для Осетии, воспринимающей союз с Россией как давний и неизменный исторический выбор, эти условия являются органичным культурно-политическим контекстом.

Между тем незавершенность национально-культурного строительства в Осетии продолжает оставаться определяющим показателем современного состояния культуры, одной из фундаментальных причин кризиса в духовной жизни общества. Культурно-исторический опыт нового и новейшего времени не оставляет сомнения, что альтернативой строительству собственной национальной культуры, только и способной к саморазвитию и активным внешним контактам, является духовная и социальная деградация на почве отсутствия национальных механизмов адаптации в мировом культурном пространстве. Формирование продуманной языковой и образовательной политики – единственный путь конструктивного движения, совмещающий сохранение имеющихся достижений с планомерным достраиванием недостающих звеньев национально-культурной инфраструктуры.

Успешность такого строительства будет в незначительной степени определяться правильным выбором социальных и культурно-политических ориентиров.

Образование призвано обеспечивать социальные и культурные потребности не только государства (к чему стремилась прежняя унитарная школа), но в равной степени и других субъектов растущей российской демократии – личности, этноса, локальной общественной или этнической группы, гражданского общества.

Строительство осетинской школы 1920-х–1940-х гг. начиналось в обществе, сохранявшем значительные черты традиционности, ее разрушение пришлось на индустриальную эпоху. Вновь создаваемая система национального образования призвана функционировать в современном постиндустриальном, информационном обществе.

За полувековой период денационализации образования произошли значительные сдвиги в демографической структуре, социальной активности, культурно-языковой компетенции, образовательных приоритетах и профессиональных ориентациях населения.

Кардинально изменилась культурно-языковая ситуация в Осетии. Несколько поколений осетин, прошедших через унитарную школу, слабо знакомы с образовательной и другими общественными функциями родного языка.

В то же время осетины являются одним из самых урбанизированных и образованных (по статистическим критериям) народов России. В числе определяющих социокультурных характеристик современного осетинского этноса – интенсивная урбанизация и динамичное развитие городской субкультуры, высокий уровень социальной мобильности, массовое вовлечение в российский и мировой рынок труда.

Сформировавшийся в XIX и XX вв. многоэтнический состав населения, свободное сосуществование и активное взаимовлияние разных этнических традиций и языков придают общему культурно-цивилизационному потенциалу Осетии особую устойчивость и открытость.

Параметры и цели современного экономического, социального, культурного развития осетинского народа, особенности его этнокультурной среды – наравне с политической ответственностью одного из титульных народов федерации и общероссийскими задачами модернизации – являются важнейшими ориентирами при планировании и организации национальной системы образования.

Идейно-содержательные, технологические и языковые составляющие осетинского национального образования складываются в контексте общих тенденций развития единой российской цивилизации, которая исторически объединила и интегрировала в своей структуре национальные культуры России. Российская цивилизация в принципе полиэтнична и не может быть сведена к русской национальной культуре. Однако именно русская культура является ее центральным компонентом и играет главную роль в выработке путей цивилизационного развития страны.

Сохраняя этнокультурную самостоятельность народа, осетинское национальное образование должно обеспечить социализацию подрастающих поколений в условиях поликультурной российской цивилизации, подготовить их к функциональному сотрудничеству в составе полиэтничных гражданских и экономико-политических сообществ регионального, общероссийского, международного масштаба.

Магистральным культурно-политическим ориентиром и долговременной сверхзадачей национального

образования хотелось бы видеть формирование гармоничной гражданской идентичности, соответствующей историческим традициям, современному устройству и перспективам укрепления федеративного государства. Многоуровневую конструкцию идентичности, адекватной нашим условиям, можно представить в образе матрешки. Единая российская нация (в общепринятом гражданском смысле) так же полиэтнична, как и нации, складывающиеся в рамках субъектов Российской Федерации. Вне зависимости от расовой, этнической, конфессиональной принадлежности конкретных граждан все население Осетии-Алании (или Татарстана, Бурятии и т. д.) должно осознавать себя единой гражданской нацией, которая вместе с тем является естественной и неотъемлемой частью российской нации. Система образования – инструмент активного формирования этой естественной национально-гражданской идентичности, опорой и органической частью которой призвано стать не совпадающее с ней этнокультурное самосознание. Становление полиэтничной и многонациональной по составу, но единой по национально-государственному сознанию нации россиян – необходимая гарантия успешной модернизации страны, демократизации на принципах гражданского общества, сохранения территориальной целостности России. Только адекватное современным условиям и подлинно национальное образование, в отличие от унитарной школы, способно обеспечить для этого культурную основу.

Необходимо ответить также и на вопрос о том, каковы национально-культурные интересы, которым должна отвечать осетинская школа.

Опыт социальных экспериментов XX в. привел мировое сообщество к окончательному отказу от утопических идей этнокультурной унификации. Одним из результатов победы международно-правовых принципов гуманизма и демократии стало утверждение идеала культурного многообразия человечества. Общеизвестно, что подлинную культуру можно строить лишь в соответствии со своим собственным прошлым, имея при этом в виду свое собственное будущее; в то же время укрепление культурной самостоятельности народов благоприятствует расширению контактов, типологическому и стадийному сближению культур.

Необходимой культурной основой полноценного национального развития и нормальной жизнедеятельности общества является такая система образования, которая способна транслировать национальную культуру, обеспечивая открытость в другие культуры и современное цивилизационное развитие нации.

Национально-культурные интересы Осетии в сфере образования предполагают восстановление этнокультурных и этносоциальных функций осетинской школы. При этом система национального образования,

вырастающая из культурно-исторических традиций народа, обращенная к его насущным потребностям и устремлениям в будущее, должна развиваться в трехмерном пространстве национальной, общероссийской и мировой культуры.

Процессы накопления, функционирования и трансляции этнокультурной информации в системе образования подчинены общей логике развития национальной культуры, понимаемой как механизм адаптации этнического и гражданского сообщества к меняющимся условиям жизни. Сохранение достоинств и достижений национальной культуры не имеет ничего общего с формированием неизменных трафаретов или поиском «исконных» ценностей. Напротив, естественной функцией национальной культуры (а значит и национального образования) является постоянное обновление, предполагающее интенсивную модификацию этнокультурного комплекса, выработку и освоение инноваций в ходе активного межкультурного сотрудничества и цивилизационного развития.

Осетинское национальное образование, являясь органической частью национальной культуры, строится как открытая система, нацеленная на диалог культур – действенный фактор национального развития, составляющий одновременно надежную основу гармонии в межнациональных отношениях. Одно из главных условий открытости национального образования – аккумуляция в его содержании гуманитарных и демократических ценностей как всеобщего достояния человечества.

Таким образом, национально-культурный императив осетинской школы (рациональное расширение социальных функций родного языка и полноценная трансляция национальной культуры, формирование национальной идентичности и этнокультурного самосознания) должен быть подчинен интересам оптимизации экономического, социально-демографического и политического развития Осетии. Обеспечить социокультурную стабильность и информационную защиту общества, создать благоприятный режим социализации новых поколений особенно важно на этапе общероссийской модернизации, которая происходит в условиях нарастающей изменчивости современного мира.

Создание системы осетинского национального образования является неотъемлемой частью общей стратегии культурного развития Осетии-Алании – стратегии, которая исходит из необходимости сохранить весь культурный потенциал и социокультурную ситуацию плюрализма и многообразия, защитить культурную самобытность каждого сообщества, создавая тем самым гуманитарный фундамент для гражданских, надэтнических принципов общественного устройства.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Архивные фонды

- Центральный государственный архив РСО-А**
- Фонд Р-41 «Центральный исполнительный комитет Горской АССР»:
1. Оп. 1, д. 151.
 2. Оп. 1, д. 173.
 3. Оп. 1, д. 189.
 4. Оп. 1, д. 202.
 5. Оп. 1, д. 536.
 6. Оп. 1, д. 584.
- Фонд Р-49 «Отдел народного образования Исполнительного комитета Владикавказского окружного Совета»:
7. Оп. 1, д. 164.
 8. Оп. 1, д. 536.
 9. Оп. 1, д. 565.
 10. Оп. 1, д. 577.
- Фонд Р-121 «Народный комиссариат просвещения Терской области»:
11. Оп. 1, д. 1.
 12. Оп. 1, д. 3.
 13. Оп. 1, д. 7.
 14. Оп. 1, д. 12.
 15. Оп. 1, д. 61.
- Фонд Р-122 «Северо-Осетинский Училищный Совет»:
16. Оп. 1, д. 3.
 17. Оп. 1, д. 20.
- Фонд Р-123 «Народный комиссариат просвещения Горской АССР»:
18. Оп. 1, д. 5.
 19. Оп. 1, д. 9.
 20. Оп. 1, д. 12.
 21. Оп. 1, д. 24.
 22. Оп. 1, д. 31.
 23. Оп. 1, д. 44.
 24. Оп. 1, д. 46.
 25. Оп. 1, д. 51.
 26. Оп. 1, д. 146.
- Фонд Р-124 «Северо-Осетинский областной отдел народного образования»:
27. Оп. 1, д. 1.
 28. Оп. 1, д. 6.
 29. Оп. 1, д. 25.
 30. Оп. 1, д. 42.
31. Оп. 1, д. 69.
 32. Оп. 1, д. 125.
 33. Оп. 1, д. 131.
 34. Оп. 1, д. 134.
 35. Оп. 1, д. 137.
 36. Оп. 1, д. 139.
 37. Оп. 1, д. 141.
 38. Оп. 1, д. 142.
 39. Оп. 1, д. 144.
 40. Оп. 1, д. 193.
- Фонд Р-786 «Министерство просвещения СО АССР»:
41. Оп. 1, д. 378.
 42. Оп. 1, д. 385.
 43. Оп. 1, д. 391.
 44. Оп. 1, д. 400.
 45. Оп. 1, д. 401.
 46. Оп. 1, д. 427.
 47. Оп. 1, д. 447.
 48. Оп. 1, д. 454.
 49. Оп. 1, д. 465.
 50. Оп. 1, д. 466.
 51. Оп. 1, д. 467.
 52. Оп. 1, д. 501.
 53. Оп. 1, д. 502.
 54. Оп. 1, д. 504.
 55. Оп. 1, д. 506.
 56. Оп. 1, д. 535.
 57. Оп. 1, д. 560.
 58. Оп. 1, д. 561.
 59. Оп. 1, д. 564.
 60. Оп. 1, д. 565.
 61. Оп. 1, д. 601.
 62. Оп. 1, д. 636.
 63. Оп. 1, д. 641.
 64. Оп. 1, д. 645.
 65. Оп. 1, д. 668.
 66. Оп. 1, д. 682.
 67. Оп. 1, д. 718.
 68. Оп. 1, д. 730.
 69. Оп. 1, д. 762.
 70. Оп. 1, д. 767.
 71. Оп. 1, д. 810.
 72. Оп. 1, д. 873.
 73. Оп. 2, д. 28.
 74. Оп. 2, д. 43.
 75. Оп. 2, д. 205.
 76. Оп. 3, д. 1.

**Российский государственный
исторический архив**

Фонд 1268 «Кавказский комитет»:
77. Оп. 1, д. 84.

**Отдел рукописных фондов
Северо-Осетинского института
гуманитарных и социальных исследований**

Фонд «История – 10. Народное образование»:
78. Оп. 1, д. 29.
79. Оп. 1, д. 30.
80. Оп. 1, д. 31.
81. Оп. 1, д. 32.
82. Оп. 1, д. 33.
83. Оп. 1, д. 34.
84. Оп. 1, д. 35.
85. Оп. 1, д. 38.
86. Оп. 1, д. 40.
87. Оп. 1, д. 43.
88. Оп. 1, д. 123.

Фонд «Лингвистика»:
89. Оп. 1, д. 2.
90. Оп. 1, д. 3.
91. Оп. 1, д. 30.
92. Оп. 1, д. 62.
93. Оп. 1, д. 95.

Фонд С. Газдановой:
94. Оп. 1, д. 7.
95. Оп. 1, д. 9.
96. Оп. 1, д. 15.
97. Оп. 1, д. 26.

Фонд Г. Гуриева:
98. Оп. 1, д. 12.

Фонд А. Тотрова:
99. Оп. 1, д. 9.
100. Оп. 1, д. 12.
101. Оп. 1, д. 19.

II. Опубликованные документы и материалы

102. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 10. Тифлис, 1895.
103. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Т. 1. Орджоникидзе, 1974.
104. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Т. 2. Орджоникидзе, 1983.
105. Материалы по истории осетинского народа. Т. 5. Сборник по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942.
106. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1958.
107. Постановление Совета Министров СО АССР «О состоянии и мерах улучшения обучения и воспитания в осетинской начальной школе». 16 марта 1956 г. № 140. Орджоникидзе.
108. Решение совещания учителей, методистов, научных сотрудников и работников краевых, областных отделов народного образования и Министерств просвещения автономных республик Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1956.
109. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Т. 1. Орджоникидзе, 1976.
110. Русский язык как средство интернационального воспитания: Материалы Всесоюзной межвузовской научно-методической конференции 15-17 октября 1985 года. Орджоникидзе, 1987.
111. Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии. Орджоникидзе, 1956.
112. Труды 1-го Всеосетинского Учительского Съезда, состоявшегося во Владикавказе с 10 по 16 июля 1917 года. Владикавказ, 1917.
113. Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Т. 1. Владикавказ, 1925.

III. Газеты

114. Горская жизнь. 1917. № 5.
115. Горская правда. 1921. № 81.
116. Коммунист. 1920. № 42.
117. Коммунист. 1920. № 73.
118. Коммунист. 1920. № 137.
119. Коммунист. 1921. № 269.
120. Пролетарий Осетии. 1934. № 163.
121. Терский вестник. 1917. № 100.

IV. Публицистика

122. Баев Г. Отрадное движение // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах (далее: ППКО). Кн. 5. Цхинвал, 1991. С. 35-37.
123. (Баев Г.) Г. Б. Открытие школы в Шанаевском селении // ППКО. Кн. 5. С. 37.
124. Баев Г. Владикавказская осетинская женская трехклассная школа имени Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны // ППКО. Кн. 5. С. 134.
125. Гарданов М. Желательные улучшения / Владикавказские епархиальные ведомости, 1909. № 7.
126. Гарданты М. К школьному вопросу Северной Осетии // ППКО. Кн. 5. С. 137-141.
127. Гарданты М. К вопросу об открытии средних учебных заведений в Осетии // ППКО. Кн. 5. С. 141-144.
128. Гатуев К. Осетинский женский приют // ППКО. Кн. 5. С. 154-156.
129. Дзасохов Г. Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // ППКО. Кн. 5. С. 106-110.
130. Дзасохов Г. К осетинскому народу // ППКО. Кн. 5. С. 112.
131. Дзасохов Г. О просвещении инородцев // Дзасохов Г. Статьи и очерки. Орджоникидзе, 1970 (далее: Дзасохов-1970). С. 112-116.
132. Дзасохов Г. О конечной цели воспитания и образования // Дзасохов-1970. С. 116-120.
133. Дзасохов Г. О женском образовании в Осетии // Дзасохов-1970. С. 120-124.
134. Дзасохов Г. Голос смущенной совести // Дзасохов-1970. С. 125-126.
135. Дзасохов Г. К вопросу о реформе средней школы // Дзасохов-1970. С. 162-165.
136. Кодзаев А. Еще об осетинских школах // ППКО. Кн. 5. С. 91-98.
137. Кодзаев А. Письмо в редакцию // ППКО. Кн. 5. С. 111.
138. Тыбылты А. Цы 'взагыл ахуыр кæнын хъæуы ног скъолайы // Тыбылты Алыксандр. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал, 1988 (далее: Тыбылты-1988). Ф. 14-15.
139. Тыбылты А. Ноджы нæ ног графикæйы тыххæй // Тыбылты-1988. Ф. 15-16.
140. Тыбылты А. Скъолайы кусджыты æмбырды тыххæй // Тыбылты-1988. Ф. 17-18.
141. Тыбылты А. Æмбырды фæстаг // Тыбылты-1988. Ф. 21.
142. Тыбылты А. Единый литературный язык для всех ветвей осетинского народа // Тыбылты-1988. Ф. 22-28.
143. Тыбылты А. Кæй онгты нæ хъæуы ирон æвзаг // Тыбылты-1988. Ф. 32-33.
144. Тыбылты А. Иумæйаг литературон æвзаджы тыххæй // Тыбылты-1988. Ф. 33-34.
145. Тыбылты А. Куыд хъæуы саразын иумæйаг литературон æвзаг // Тыбылты-1988. Ф. 35-36.
146. Тыбылты А. Иудзинады фæндагыл // Тыбылты-1988. Ф. 38-40.
147. Уруймагов Х. Несколько слов о школах в горах Осетии // ППКО. Кн. 5. С. 50-55.
148. Уруймагов Х. Учебники в осетинских школах // ППКО. Кн. 5. С. 57-61.
149. Уруймагов Х. Женские школы в Осетии // ППКО. Кн. 2. Цхинвал, 1982. С. 97-100.
150. Уруймагов Х. Туземный язык в начальных школах Кавказского края // ППКО. Кн. 2. С. 104.
151. Хетагуров К. Развитие школ в Осетии // Коста Хетагуров. Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. М., 1960. С. 266-271.
152. Хетагуров К. Церковноприходские школы в Осетии // Коста Хетагуров. Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. М., 1960. С. 292-295.
153. Цаголов Г. Больные школы в Осетии // ППКО. Кн. 5. С. 41-43.
154. Цаголов Г. К вопросу о народном образовании // ППКО. Кн. 5. С. 90-91.

V. Литература

155. Алборов Б. А. О постановке педагогического образования среди горцев Кавказа // Известия Горского института народного образования. Владикавказ, 1923. Вып. 1.
156. Ба-би. Народное образование в Осетии за истекшее полугодие / Коммунист. 1920. № 94.
157. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970.
158. Величук А. П., Сукунов Х. Х., Хасанов Н. М. Двухязычие и национальная школа на современном этапе развития общества // Школа и мир культуры этносов. Владикавказ, 1994.
159. Габеев А. Я. Владикавказское осетинское духовное училище // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. Т. 2. Орджоникидзе, 1940.

160. Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа. Т. 5. Орджоникидзе, 1942.
161. Галазов А. Х. Народное образование в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 28. Орджоникидзе, 1970.
162. Галазов А. Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977.
163. Галазов А. Х., Исаев М. И. Народы-братья, языки-братья. (Русско-осетинские лингво-культурные контакты). Орджоникидзе, 1987.
164. Гассиев А. А. Школьное дело между инородцами на Кавказе // Гассиев А. А. Избранные произведения. Владикавказ, 1992.
165. Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993.
166. Гогешвили Я. С. Как улучшить кавказскую народную школу // Гогешвили Я. С. Избранные педагогические сочинения. М., 1954.
167. Горешкин Г. М., Бескровный Л. Г. Первая осетинская женская школа. – ОРФ СОИГСИ, фонд «История-10. Народное образование», оп. 1, д. 43.
168. Дзагуров Г. А. Новая осетинская графика. Владикавказ, 1923.
169. Днепров Э. Д. Становление и развитие отечественной истории педагогики: основные этапы и тенденции // Историографические и методологические проблемы изучения отечественной школы и педагогики. М., 1989.
170. Зангиев Х. М. Ардонская семинария. Исторический очерк. Орджоникидзе, 1965.
171. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР. М., 1979.
172. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. М., 1959.
173. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. Орджоникидзе, 1987.
174. К вопросу об издании осетинского педагогического журнала «Осетинская школа» // Известия Осетинского НИИ краеведения. Т. 2. Владикавказ, 1926.
175. Козырева Т. Поспевать за временем (О состоянии учебников и программ по осетинскому языку) // Литературная Осетия. № 62. Орджоникидзе, 1983.
176. Кониев Ю., Бадалян С., Козаев А. Осетия в кривом зеркале антикоммунизма // Известия СОНИИ. Т. 28. Орджоникидзе, 1970.
177. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории народного образования в СССР за 30 лет. М., 1948.
178. Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик, 1991.
179. Кузьмин М. Н. Национальная школа России: традиции и современность в контексте модернизации // Школа и мир культуры этносов. Владикавказ, 1994.
180. Кулов Б. С. К высотам культуры. Орджоникидзе, 1979.
181. Магомедова В. Д. Просвещение и школа в Северной Осетии во второй половине XIX в. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974.
182. Мельников-Разведенков С. Первое двадцатипятилетие в истории просвещения города Владикавказа (1836-1861 годы). Тифлис, 1900.
183. Модзалевский Л. К. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880.
184. Народное образование в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957.
185. Очерки по истории советской школы. М., 1969.
186. Пашаев А. Х. Очерки истории начального образования на Кавказе в XIX – начале XX века. Баку, 1991.
187. Прохуренко Л. И. Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период // Известия СОНИИ. Т. 20. Орджоникидзе, 1957.
188. Смиренин В. В. Культурное строительство Северной Осетии // 20 лет автономии Северной Осетии. Дзауджикау, 1944.
189. Таранин В. Г. Общеобразовательная школа Северной Осетии в 1917-1920 гг. – ОРФ СОИГСИ, ф. «История-10. Народное образование», оп. 1, д. 142.

190. Таранин В. Г. Общеобразовательная школа Северной Осетии в 1921-1925 гг. – ОРФ СОИГСИ, ф. «История-10. Народное образование», оп. 1, д. 143.
191. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1988.
192. Тотоев М. С. Состояние народного образования в Северной Осетии в последней четверти XIX в. и К. Л. Хетагуров // Известия СОНИИ. Т. 17. Орджоникидзе, 1956.
193. Тотоев М. С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1962.
194. Уруймагов Х. Начальная школа в Осетии // Утро гор (Общественно-политический, экономический и литературный альманах). № 1. Баку, 1910.
195. Фарфоровский С. Народное образование у осетин // ППКО. Кн. 5. С. 178-189.
196. Хицунов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Сборник газеты «Кавказ». Ч. 1. Тифлис, 1846.
197. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М., 1913.
198. Цомак М. Горский педагогический институт во Владикавказе / Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1928. № 5.
199. Черджиев Х. С. Народное образование в Северной Осетии // Национальная школа РСФСР за 40 лет. М., 1958.
200. Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Ступени Группы	Первая					Вторая			
	II	III	IV	V	VI	I	II	III	IV
Русский язык	6	5	5	5	5	5	5	5	5
Осетинский язык	4	4	4	4	4	3	3	2	2
Математика	4	5	5	5	5	5	5	5	5
Родиноведение	2	2	2	-	-	-	-	-	-
Естественная история	-	2	2	2	2	2	2	-	2
География	-	-	-	2	2	2	2	2	2
История	-	-	-	2	2	-	-	2	-
Немецкий язык	-	-	-	-	-	4	4	4	3
Физика	-	-	-	-	-	3	3	3	3
История культуры	-	-	-	-	-	2	2	-	-
Психология	-	-	-	-	-	-	-	2	-
Экономические науки	-	-	-	-	-	-	-	2	-
Философия	-	-	-	-	-	-	-	-	2
История социализма	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Советское право	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Пение	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Рисование	2	-	2	2	2	2	2	2	2
Рукоделие	2	2	2	2	2	1	2	2	2
Физическое воспитание	-	-	-	-	-	1	-	1	-

Таблица 2

Предметы	Годы							
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й
Родной язык и родиноведение	12	9	9	6	6	4	4	4
Русский язык	-	6	6	6	6	4	4	4
Обществоведение	-	-	-	3	3	3	3	3
Политграмота	-	-	-	-	-	2	2	2
Счет и измерение	8	6	6	6	6	-	-	-
Природоведение	-	-	-	-	4	3	3	3
Землеведение	-	-	-	2	3	3	3	3
Графическое искусство	-	2	2	2	2	2	2	2
Физическое воспитание	2	2	2	2	2	2	2	2
Пение	2	2	2	2	2	2	2	2
Физика	-	-	-	-	-	3	3	3
Геометрия	-	-	-	-	-	2	2	2
Алгебра	-	-	-	-	-	2	2	2
Иностранный язык	-	-	-	-	-	2	2	2
Космография	-	-	-	-	-	-	2	-

Таблица 3

Предметы	Классы											Всего часов
	Подг.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Род. яз. и лит. чтение	12/8	8	9	9	6	6	4	3	-	-	-	55
Родная литература	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	4
Рус. яз. и лит. чтение	5/9	7	7	7	7	9	9	7	4	3	3	70
Русская литература	-	-	-	-	-	-	-	-	4	4	4	12
Математика	3	6	6	6	6	6	6	5	6	6	6	62
История	-	-	-	-	2	2	2	2	4	4	4/3	19,5
Конституция СССР	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
География	-	-	-	-	2	3	2	2	2/3	2/3	-	14
Биология	-	-	-	-	2	2	3	2	2	2	-	13
Физика	-	-	-	-	-	-	2	3	3	3/2	3/4	14
Астрономия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Химия	-	-	-	-	-	-	-	2	2	2	3	9
Психология	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2
Логика	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2
Иностранный язык	-	-	-	-	-	2	2	2	3/2	2	3	13,5
Физ. и воен. подгот.	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	17
Рисование	1	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-	7
Черчение	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	4
Пение	1	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-	5

Таблица 4

Предметы	Классы								Всего часов
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Осет. язык и литература	11/5	7	7	6	3	3	3	2	39
Рус. язык и литература	3/9	8	9	8	9	9	7	7	63
Математика	6	6	6	6	6	6	6	5	47
История. Конст. СССР	-	-	-	2	2	2	2	3	11
Природоведение	-	-	-	3	-	-	-	-	3
География	-	-	-	-	2	2	2	2	8
Биология	-	-	-	-	2	2	2	2	8
Физика	-	-	-	-	-	2	2	3	7
Химия	-	-	-	-	-	-	2	2	4
Черчение	-	-	-	-	-	-	1	1	2
Иностранный язык	-	-	-	-	4	3	3	3	13
Рисование	1	1	1	1	1	1	-	-	6
Музыка и пение	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Физическая культура	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Трудовое обучение	1	1	1	1	2	2	2	2	12
Обществ.-полезный труд	-	-	1	1	1	1	1	1	6

Таблица 5

Предметы	Классы								Всего часов
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Рус. язык и литература	14/12	12	12	11	8	8	5	5	74
Осетинский язык	0/2	3	3	3	3	3	3	3	22
Математика	6	6	6	6	6	6	6	5	47
История. Конст. СССР	-	-	-	2	2	2	2	3	11
Природоведение	-	-	-	3	-	-	-	-	3
География	-	-	-	-	2	2	2	2	8
Биология	-	-	-	-	2	2	2	2	8
Физика	-	-	-	-	-	2	2	3	7
Химия	-	-	-	-	-	-	2	2	4
Черчение	-	-	-	-	-	-	1	1	2
Иностранный язык	-	-	-	-	4	3	3	3	13
Рисование	1	1	1	1	1	1	1	-	7
Музыка и пение	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Физическая культура	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Трудовое обучение	1	1	1	1	3	3	3	3	16
Обществ.-полезный труд	-	-	1	1	1	1	1	1	6
Всего	24	25	26	30	34	35	35	35	244

Литература свидетельства

Бимболат Бтемиров

«Я потерял свое имя...»*

В камере. Товарищи по несчастью**

... Немного дальше сидит, уткнувшись лицом в грудь, другой жалкий старик, с большой голой, некрасивой головой, это – бывший Георгиевский кавалер русско-японской войны по имени Саулох. Он был раскулачен еще давно, выброшен из собственного двора буквально на улицу. Часть семьи его сослана куда-то в Сибирь, другая часть разбежалась кому куда удалось, а он остался в родном селе. – Никогда судьба милостива не была ко мне, – говорил Саулох медленно, растягивая каждое слово на родном языке, – всю свою жизнь провел в труде, особенно не везло мне в семейной жизни. Первый раз женился я в двадцать пять лет, но через пять лет жена моя умерла, оставив двух детей. Это был для меня тяжелый удар, я сильно страдал по ней и вскоре уехал добровольцем на фронт в разгар войны с Японией. Полтора года жизни в военной обстановке несколько изменили меня и по возвращении домой я женился вторично и на этот раз тоже неудачно, так как через десять лет жена моя сошла в могилу, оставив мне четверо детей. Наконец третьи раз женился я, будучи уже пожилым человеком, ради детей, с этой женой дожили мы до самых худших времен. В последнее время я устроился сторожем в колхозе своего родного села, но и тут мне не повезло, во время молотьбы колхозного хлеба какие-то мальчишки, по неосторожности, подожгли стог соломы, теперь жизнь моя, как бывшего «кулака-кровососа», висит на волоске.

Неуклюжий, тупой и грязный молодой человек, постоянно и неуместно вмешивающийся в разговор, это колхозный конюх, от него и теперь как-будто бы несет конюшней. Вот где продукт советской цивилизации и культуры, в нем нет ничего старого, он человек нового времени. Ни религию, ни установленных до него обычаев он не признает. Отсутствие даже домашнего воспитания и всяких признаков культуры придает ему вид настоящего дикаря. Арестован он за то, что у него околели четыре колхозные лошади, а остальные шесть тоже накануне гибели. По его собственному рассказу видно, что он не плохо смотрел за лошадьми и кормил, поил их вовремя, но причина была в том, что корму было мало и по качеству очень плохой, а работа лошадей была тяжелая и постоянная, так как колхоз располагал далеко недостаточным количеством лошадей. Обвинялся он на основании Закона от 7 августа 1932 г. Однако наш конюх никогда ничем не проявил свое недовольство относительно своего ареста и покорно переносил все невзгоды, считая их вполне законными и даже обязательными.

Высокий представительный пожилой человек в больших роговых очках и коротеньких трусах, с приятным лицом и красивой, с проседью, бородой беседует, вон в стороне, с группой сельчан-хлеборобов, это – профессор местного сельско-хозяйственного института. Он был арестован два месяца тому назад, его допрашивали два раза, но о степени его виновности ничего еще не было известно. Такая затяжка после допросов считалась у нас плохим признаком. Сам он не знал причину своего ареста – и терялся в догадках. Профессор оказался хорошим собеседником, охотно отвечал на всякие научные вопросы и иногда даже пускался в длинные объяснения, как бы читая лекцию и чувствуя – точно у себя на кафедре. В такие моменты его большие серые глаза принимали особый блеск, а правой рукой медленно гладил свою густую небольшую бороду. Особую симпатию он питал к сельчанам в камере, с которыми он постоянно беседовал, убивая этим свое скучное время.

Однажды поздно ночью он вернулся с «допроса» из комнаты пыток, почти лишившись рассудка. Когда его втолкнули в камеру и дверь за ним закрылась, профессор зарыдал не своим голосом и упал лицом вниз на нарах, рыдая и временами приговаривая: «выдал, выдал своих коллег, я провокатор негодяй». Мы всячески успокаивали его, говорили ему, что так обращаются со всеми нами. Однако он не обращал на нас никакого внимания. Мы смотрели на нашего уважаемого, доброго умного профессора с большой жалостью, и каждый из нас разделял его горе. Так

* Продолжение публикации. Начало см.: ИФА, № 1, 2004; № 2, 2004.

** Название «В камере. Товарищи по несчастью» дано издателем. Первая страница рукописи очерка утрачена.

продолжалось часа три, он жестоко страдал, постоянно рыдая и выговаривая какие-то непонятные слова. Наступало ноябрьское туманное утро, тусклый свет начал проникать через решетку окна в нашу глубокую яму. Вдруг профессор наш вскочил с места, присел на край нары и громко произнес: «собственно говоря, что я выдал, кого я выдал, я ведь рассказал, вернее отвечал на задаваемые мне вопросы на самые обыденные темы, т. е. о жизни и работе института и, в частности, о работе отдельных профессоров – моих коллег». Мы воспользовались этим моментом его во[о]душвления, и наши доводы на этот раз подействовали на него. Он несколько успокоился. Однако с этой ночи профессор изменился и никогда больше не был ни веселым, ни слов[о]хотливым до самого дня своего расстрела.

Хлебороб менее культурен, чем городской рабочий потому, что он издавна поставлен в более худшие условия, однако именно среди хлеборобов часто можно встретить чистых, цельных натур. Вот один из этих людей стоит передо мною и смотрит на меня с полуулыбкой своими честными, светлыми глазами. Хазби – так его звали – был пожилой, жилистый, крепкий человек, с крупными, огрубевшими от работы руками, бывший с[е]редняк из ближайшего села, и член колхоза. – Дома я оставил жену и четырех детей без всяких средств, – говорит Хазби, – а один взрослый сын, от первой умершей жены, учится в Москве. Обвиняюсь я за расхищение колхозного имущества, которое выразилось в следующем. Два месяца тому назад я вез колхозный груз на колхозных же лошадях в город. По дороге худые истощенные лошади стали и не могли тронуться дальше, тогда я дал им отдохнуть, а за это время нарвал несколько кочанов молодой кукурузы, растущей тут же по обеим сторонам дороги, и стал кормить голодных лошадей. В это время, откуда ни возьмись, появился верхом колхозный объездчик и поймал меня как «вора» на месте преступления. Был составлен соответствующий протокол и направлен по назначению. Через несколько дней я был арестован и отправлен сюда в подвал ОГПУ.

За неимением рыбы и рак рыба, – сказал однажды один из заключенных, указывая в камере на худого человека средних лет, с козлиной бородой и шустрыми, постоянно бегающими глазами, по профессии печник. – Накажи меня Бог, если я больше десяти кирпичей взял и то не сразу, – твердил каждый раз при разговоре печник. Обвинялся он также за расхищение государственного имущества. – Наше положение особое, – горячился он, – я рабочий человек, дома жена, дети, кушать надо, а работы нет потому, что негде достать кирпича. Наше дело сезонное, новых печей никто не строит, остается только ремонт старых, но и для ремонта тоже нужно хотя бы несколько штук целых кирпичей. Однажды вечером, – продолжал печник, – проходя мимо строящегося нового большого государственного здания, я не утерпел, взял из кучи два кирпича, спрятал их под пиджаком и принес домой. В следующие два раза взял там же, но уже по четыре кирпича, всего-то десять штук. Накажи меня Бог, если я вру. Все было бы ладно, – горько вздохнул печник, – но соседка, проклятая ведьма, заметила кирпичи в коридоре и донесла куда надо, а там не зевают, вот и пропало мое дело, – закончил печник.

Полный, средних лет человек, с туповатым лицом, по имени Амбарцум, бывший владелец ресторана второстепенного разряда, постоянно клялся, коверкая русские слова, – Ей Бог, честной слов, это неправда, я не знал. – Дело в том, что его обвиняли в тайном хранении серебряных монет. Здесь нужно пояснить, что незадолго до ареста Амбарцума Правительством был издан приказ, обязывающий население сдать в Госбанк все наличие золотых и серебряных вещей, а также монет, оставшихся от старого времени, в обмен на бумажные советские деньги. В свое время это мероприятие было проблемой большой важности для Советского Государства. Писались большие статьи в периодических изданиях, выступали ораторы-пропагандисты на собраниях, питающие доказать, что одним из видов человеческого рабства является признание ценности золота, серебра и других драгоценностей вообще. Придет время, – говорилось в одном месте, – когда человечество осознает свою глупость, отойдет от этих понятий, начнет смотреть на золото, как на обыкновенный металл и будет делать из него кровати и прочую домашнюю утварь. Наш рестораник сдал все наличие серебра, имеющиеся у него, согласно приказа, но дома у него оказалась еще копилка для детей, где собралось какое-то количество мелких серебряных монет, о существовании коей бедный Амбарцум мог и не знать, так как он мало бывал дома, или, может быть, просто упустил из виду. Однако какой-то услужливый сосед донес об этом властям и заварилась каша. – Однажды поздно ночью явились ко мне домой три чекиста, – говорил рестораник, – произвели тщательный обыск в моей квартире, кроме копилки, ничего не нашли, но меня забрали сюда в подвал.

Когда вам не понравился простой некультурный человек, то при желании вы быстро можете найти причину, почему именно он вам противен. Другое дело интеллигент, он умеет скрывать свои чувства, свои дурные качества, прикрывая их светской вежливостью. Таким образом, самого настоящего бандита душой вы можете принять за любезного, порядочного человека. Один из таких типов сидит вон на дальнем углу, одинокий, скучный,

* Так в рукописи. По смыслу должно быть «пытающиеся» – Изд.

худой, с сильно изношенным лицом. Он старый шестидесятилетний педагог, типичный интеллигент, с политической психоманией. Я лично знал его на воле много лет, как социалиста левого толка, тогда он пользовался неплохой репутацией, но здесь он ведет какую-то двойную игру. Он безбожник, настоящий материалист, но не коммунист. Неизвестно, что его привело сюда в нашу камеру и какое обвинение против него.

Одним из самых серьезных занятий у нас в камере считалось гадание. Этим делом ведал молодой сельчанин-специалист по имени Хаджумар, на редкость стройный, красивый, двадцати пяти лет, с небольшой черной бородкой. Гадал он всем, угождая каждому, совершенно безвозмездно, до самого вывода на расстрел. Он ставил стакан воды на начерченных на полу крестообразных линиях так, чтобы дно стакана стояло в самом центре. Таким образом из-под стакана выступали линии на четыре стороны. Против одной из них стояла буква «Р» – это означало расстрел; против второй линии буква «С» – это означало свобода; против третьей линии буква «Л» – это ссылка в концлагерь, и наконец против четвертой линии буква «Т» – это означало перевод в тюрьму с незначительным сроком. Воду в стакане сперва он сильно мешал палочкой, затем бросал туда кусочек отломанной спички, который долго кружился в вращающейся воде. Вокруг гадальщика сидели на полу и стояли до десяти-пятнадцати человек, следившие за движением кусочка спички самым серьезным образом. Наконец вращение воды медленно прекращалось и кусочек спички останавливался, пристав к стенке стакана, над какой-либо из четырех линий, вот и все гадание. В другой обстановке, т. е. на воле, никто бы из них не занимался этой чепухой, но здесь были серьезно верующие в это гадание, даже среди солидных людей. Долгое пребывание в подвале ГПУ и тяжелые переживания в нем поразительно влияют на психологию людей, большинство из них теряет равновесие, устойчивость, волю и постоянно, шаг за шагом, опускаются до уровня животного. Наш педагог-атеист в начале не обращал внимания на это гадание, но теперь, как ни странно, начал по немного принимать в нем участие, якобы ради шутки. Сегодня случай надсмеялся на нем поразительно, три раза гадал ему молодой Хаджумар, и три раза подряд, как по заказу, кусок спички останавливался на линии с буквой «Р». Вот почему он забрался на дальний угол камеры и сидел удрученный с искривленным, опущенным вниз лицом, как будто через полчаса собираются выводить его на расстрел.

– Все же мое дело самое глупое, самое фантастическое, самое липовое, а следовательно самое интересное из всех, что есть в нашей камере, куда вам всем пешком до меня. – Так начал повествовать историю своего ареста полушутя, цветущий молодой человек, выше среднего роста, тридцати лет, с целым снопом черных волос на голове, по фамилии Кацман. – Какую статью закона подберут для меня, покажет будущее, – продолжал он, – но должен вам сказать, что я не маленький человек, а бывший зав бывшей мифической организации. – Все слушатели повернулись к Кацману, в ожидании что скажет дальше. – А как же ты сумел попасть в завы, не будучи партийным? – спросил его кто-то. – Какой же я Кацман, если я не знаю, как нужно пролезть в завы, – послышался смех, Кацман немного смутился, потом продолжал. – Как я замечал еще на воле, в вашей маленькой республике много проходимцев и злостных фантазеров-бездельников. Так вот один из этих типов, который в данный момент тоже сидит здесь, где-то в подвале, еще в прошлом году достал несколько килограммов лесных чинаровых орехов и выдавил из них масло. При химическом анализе масло это оказалось по качеству прекрасным и вполне съедобным. Фантазер-дурак был на седьмом небе от восторга и, желая выдвинуться на службе, подал официальное заявление о своем открытии в продовольственную организацию, приложив к нему обширный план заготовки лесных чинаровых орехов. Продовольственная организация горячо ухватилась за это дело, подняли шум-гам, но нужные денежные средства у них не оказались, тогда обратились они с просьбой в Москву, изложив дело в ярких красках. В центре отнеслись к этой идее благосклонно и нужный кредит был отпущен. Вот тогда то я и был назначен Москвой завом этой заготовительной организацией, таким образом имел я несчастье приехать в ваш паршивый город, – с иронией подчеркнул Кацман. – Вся трагедия заключается в том, – продолжал он, – что ни одна саманная голова, в том числе и моя, не подумала о том, можно ли заготовить в этом районе то количество орехов, которое предусматривал план и какое время потребуется для его выполнения.

Между тем штат служащих был набран, мне отвели хорошее помещение на Пролетарском проспекте, и я, как зав, занял свой хорошо обставленный кабинет, – не без гордости подчеркнул Кацман и продолжал. – К началу сезона заготовки из Москвы прибыли к нам разные товары: мануфактура, галантерея, обувь и т. д., это в счет отпущенного нам кредита, – пояснил он, – этими товарами мы должны были расплачиваться вместо денег с рабочими по заготовке орехов.

Первые же дни нашей работы нам показали, что наш план липовый и вообще он неосуществим по следующим двум причинам. Во-первых, этот проклятый орех слишком мелкий, не круглый и не квадратный, а какой-то трехгранный, да еще гладкий, как отполированный и плохо держится между пальцами. Орех падает с дерева на землю, скажем, а под вековым, громадным деревом в лесу земля настолько рыхлая, что нога утопает в ней, а сверху покрыта толстым, неровным слоем старой листвы, вот и ищи в этой массе своего дурацкого ореха. Практика показала, что взрослый рабочий собирает в день в среднем три-четыре килограмма, а подросток до пяти килограммов, тогда как по плану

рабочий должен собрать в день от ста до ста пятидесяти килограммов. Во-вторых, – повысил голос Кацман, – указанное планом количество орехов не только нет в нашем районе, но не имеется его вообще на всем Кавказе. Мы не смогли выполнить и сотую долю нашего плана, вот мы и попали в ловушку во главе с дураком-фантазером, – закончил Кацман.

В наше время нельзя жить правдой, – часто говорил с возмущением хлебороб-казак, небольшого роста, лет тридцати пяти, – я не верю больше никому и ни во что. Нас было два брата: Павел и я, Михаил, – продолжал он, – жили мы в станице с женами и кучей детей в своем собственном дворе. Имели две лошади, две коровы и одну телку хорошую, жирную, – подчеркнул казак. – Вся скотина была уже отобрана и записана в колхоз и числилась за ним, только за неимением помещения и корма не забирали ее и она пока оставалась у нас во дворе. Однажды наедине Павел обратился ко мне: – Михаил, давай зарежем нашу телку, хорошее мясо будет, мы голодные как собаки, давно мясо не ели, да и дети бедные наши полакомились бы. – Я посмотрел на брата с удивлением, потом подумал и согласился. Затем начали обдумывать план: как бы вышло так, чтобы сельсовет не придрался к нам. Судили, рядили, наконец решили: выкопали глубокую яму во дворе, прикрыли ее хворостом, а сверху подсыпали солому и давай гонять нашу телку. Долго нам не удавалось загнать телку на яму, наконец она попала с размаху прямо туда, куда нужно и сломала себе шею. Мы подскочили к ней с готовым ножом и прирезали ее. Жены наши сильно обрадовались и похвалили нас за смелость, а дети были в восторге в ожидании давно небывалого ужина. – А вкусное мясо было, наверное, – облизываясь спросил Кацман. – Как не быть вкусным, – продолжал казак, – такая жирная была телка, только последствия вышли слишком горькие. Да и ели то мы один раз за ужином в тот же вечер, а утром пришли из сельсовета, арестовали нас двух братьев, а мясо и шкуру забрали. Какой-то дьявол узнал и сейчас же донес в сельсовет. Уполномоченный ОГПУ еще там угрожал, что нам будет плохо за расхищение государственного имущества, где же тут правда, – с горечью говорил казак. – Совершенно правильно, – вмешался в разговор Кацман, – расхищение самое настоящее, ты же кушал вкусное государственное мясо. – Да какое же оно государственное, – возмущался станичник, – телка была наша, корова была наша. – Как ты не хочешь понять, саманная голова, – расхохотался Кацман, продолжая шутить, – телка ваша – мясо наше, корова ваша – молоко наше, земля ваша – хлеб наш, курица ваша – яйцо наше, даже море ваше – только рыба наша. – Казак посмотрел на Кацмана как-то странно, и недоверчиво и разочарованно махнул рукой, отрицая этим движением все его доводы.

Во время этого рассказа в стороне стоял и внимательно слушал юноша шестнадцати-семнадцати лет по имени Гази. Еще в первые дни, когда он попал к нам в камеру, Гази рассказал нам историю своего ареста на самом древнем своем родном языке. – Я был колхозным чабаном, – говорил он. – Однажды пас я небольшое колхозное стадо овец у опушки леса, далеко от нашего села. Лежал себе на траве и распевал разные вещи, а овцы мои паслись спокойно, вдруг неожиданно из леса вышли два человека и направились прямо ко мне. Я испугался, хотел было бежать, но они крикнули и остановили меня, один из них подошел ко мне поближе и говорит мне: – Не бойся нас, мы тебе плохого ничего не намерены делать, только дай нам хлеб, если у тебя есть. – Я посмотрел на них, – продолжал юноша, – они были бледные, грязные и, конечно, догадался, что они раскулаченные люди из какого-то другого села. Я отдал им весь свой хлеб, что было в моей сумке, и они ушли в лес. Вечером дома я рассказал об этом, а на следующий день все население нашего села знало о моей встрече с людьми в лесу. Через два дня вызвали меня в сельсовет, где сидел только что приехавший уполномоченный ОГПУ, он кричал, сильно волновался и обвинял меня, что я нарочно доставлял хлеб для кулаков, находящихся в лесу, и тут же меня посадили в сельскую тюрьму, а потом отправили с другими арестованными сюда.

Раскулаченные сельские жители, бежавшие в лес, властями были объявлены бандитами. Так как Гази обвинялся за соучастие с ними, т. е. якобы он был поставщиком продуктов питания для них, то его приравняли с ними, следовательно он тоже бандит.

Гази имел заслугу перед нынешним и будущими поколениями камеры № 10. Он каким-то чудом сумел принести с собою в камеру свой чабанский небольшой самодельный нож, который не раз вводил наших чекистов в недоумение и часто ставил их в глупое положение. Если бы кто-нибудь взялся написать историю камеры № 10, то чабанский нож в ней занимал бы не последнее место. Мы пустили нож в ход для разных наших потребностей, но главное – разрезали им на пайки старый, черствый казенный хлеб, выдаваемый нам большими буханками. По-видимому, дневальный, тайком иногда наблюдающий за нами в волчек, заметил куски хлеба, нарезанные ножом. Почти каждое утро, во время пятиминутной прогулки, в нашей камере производили обыск, но ножа не находили, по той простой причине, что в это время его никогда в камере не было. Способ сохранения ножа был найден простой, мы его клали снаружи за решеткой, в небольшое углубление между стеной и асфальтом двора, куда никогда никто не заглядывал.

Однажды в полночь, во время сна, внезапно дверь нашей камеры открылась и чекист втолкнул к нам, в полумрак, человека среднего роста в лохмот[ь]ях, с запутанной черной бородой и большой сумкой на плече.

Хотя дверь быстро закрылась обратно, но мы все же перепугались, так как это плохое время ночи, затем начали рассматривать новичка. С первого взгляда мы приняли его просто за нищего-бродягу. Вся одежда его, начиная с обуви и кончая головным убором, была из домашнего грубого сукна, старая, изношенная. В любом европейском городе, посади его на паперти какой-нибудь церкви, он сошел бы за стопроцентного нищего. Он медленно провел глазами по камере*, потом стал быстро раздеваться, очевидно, духота нашей камеры начала на него действовать. – Ты бродяга, проворовался что ли? – обратился к нему кто-то из заключенных. – Я не бродяга и вовсе не вор, – обиженным тоном ответил новичок. – Я горец-чабан, родился и жил в Куртатинском ущелье. Дальше никто не стал больше его расспрашивать в такой поздний час, так как дневальный не любит ночью шум и мог усмотреть в этом нечто преступное. Утром чабан рассказал нам свою краткую нехитрую биографию. – После смерти моих родителей я остался двенадцатилетним мальчиком, – начал печально горец. – Много мне пришлось пережить на своем веку, будучи еще наемным чабаном за кусок хлеба. Много лет тянулось мое мучение. Наконец, будучи уже взрослым, я нанялся к одному хозяину чабаном, через два года он честно рассчитался со мною, отдав мне условленные тридцать овец и три барана. Перебрался я в старую отцовскую саклю и взял себе в жены такую же бедную девушку, как и сам. Зажили мы с ней в бедноте, но никто нас не обижал, а через известное время появились дети. Хлеб у нас покупной, – продолжал он, – я никогда ничего не сеял потому, что у меня нет пахотной земли, поэтому весь доход от моих овец уходил на содержание семьи и стадо мое к этой осени достигло только до ста голов. Но тут то настигла меня беда, – глубоко вздохнул чабан и вдруг прервал свой рассказ, опустил голову и заплакал. Кому не приходилось видеть плачущего взрослого мужчину, тот едва ли поймет какое удручающее впечатление производит эта картина. Лицо чабана, и так не красивое, искривилось и приняло ужасную форму, по обросшим щекам катились крупные слезы. Он прикрыл лицо руками и плакал, а большая его борода тряслась при каждом содрогании. Слушатели с глубоким сочувствием, молча ожидали продолжения рассказа. Прошло несколько томительных минут полной тишины, потом немного успокоившись он продолжал опять. – Я простой чабан, ничего я не понимаю в этих мудреных государственных делах. Пять дней тому назад вечером, когда я пригнал свое стадо домой, мне вручили повестку сельсовета, находящегося ниже нашего аула километра на три. На следующий день я стоял перед столом председателя сельсовета. Он прямо предложил мне немедленно сдать свое стадо овец местному колхозу по-хорошему – иначе будет плохо тебе – пригрозил он мне. Я растерялся, страшно был возмущен. Подумайте, – с возмущением говорил чабан, – как я могу отдать своих овец, а мы, жена, дети, чем будем жить. Председатель подвинул на столе в мою сторону какую-то бумагу и говорит: приложи палец, давай я тебе намажу его чернилами, уже написано заявление от твоего имени, что ты добровольно сдаешь свое стадо овец колхозу – пояснил он. Я окончательно вышел из терпения, отбросил бумагу в сторону и начал ругаться с ним, назвав его разбойником-грабителем. Меня сейчас же схватили и посадили в чулан. Три дня держали там, а потом районный уполномоченный ОГПУ отправил меня сюда в город.

Через некоторое время, после первого же допроса, выяснилось, что чабан включен в список кулаков и к нему применена 58-я статья, с одиннадцатым пунктом, т. е. признан бандитом. Это значит его ожидает минимум десять лет каторжных работ в исправительно-трудовых лагерях или максимум расстрел.

В сумке чабана оказались овечий сыр, несколько круглых чурек, крепких как камень, из кукурузной муки и варенный копченый баранный курдюк. Этот ку[r]дюк наделал нам много неприятных делов и хлопот и мы долго и часто вспоминали о нем. На второй же день своего пребывания в камере щедрый горец вынул из сумки курдюк, разрешил его нашим ножом на красивые, тоненькие, длинные ломтики, раздавая их всем направо и налево. Невероятно приятный вкусный аромат и зеркально прозрачный вид свежерезанных ломтиков копченн[ого] курдюка привели нас в восторг. Мы облизывались поминутно, глотая слюны, затем ели его с большим наслаждением. Однако последствия этого курдюка оказались для нас самыми печальными. В голодных, истощенных желудках копченый жир сделал свое дело и через несколько часов многие из нас заболели сильным и болезненным расстройством желудка. То и дело один отходил от параша, другой подходил к ней, непрерывно почти целые сутки. Камера наша превратилась в крошечный ад, густой зловонный воздух наполнил все помещение, люди буквально задыхались. – Подходи товарищи, отходи товарищи, – командовал чужак Кацман, став у самой параша и пустив в ход свои шутки, размахивая руками. – Высокоцитимые мужи науки педагоги и профессора, – кричал он, обращаясь к заключенным, – товарищи колхозники, знатные конюха и сторожа колхоза, доморощенные липовые бандиты и прочие и прочие, подходите смело и не стесняйтесь, вокруг параша милой объединяйтесь и дружным хором спойте «Мы смело [в бой] пойдем за власть Советов», – понизил голос он.

Однажды в обеденное время чабан вынул опять оставшийся кусок курдюка, нарезал его и спокойно, как ни в чем не бывало, глотал ломтик за ломтиком, но никто из нас не захотел, конечно, принять участие с ним. – Ты окаянный, путанная борода, – обратился к нему Кацман, – нищий кулак-кровосос, что за дьявольскую халеру ты

* Сюда вписаны поверх строки следующие слова «его открытый рот и расширенные глаза говорили что». По-видимому, автор хотел расширить описание, но не завершил вставку, оставив ее без согласования с основным предложением – Изд.

нам привез из своего дикого ущелья. Мы тебе покажем, подожди, – угрожал ему Кацман. – Халера тебе в живот, за твое дурацкое угощение. – А горец мигал своими маленькими глазами, спокойно смотрел на Кацмана, не переставая жеват[ь] свою пищу, так как он не только не понимал угрозы Кацмана, выраженные на русском языке, но едва ли видел вообще когда-либо русского человека.

Я по профессии комиссионер, – говорил скороговоркой человек среднего роста, тридцати лет, городской полуинтеллигент. Во время разговора слова вылетали с его языка, как пули из автомата, а слюни сыпались на собеседника, поэтому каждый сторонился от него, отходя на некоторое расстояние. – С тех пор как нет больше частной собственности и торговли, – продолжал он, – я остался без всякого дела, как рыба на голом льду. Я долго бедствовал, нуждаясь в куске хлеба и самом необходимом в доме, тяжело было мне смотреть на жену и детей в такой нужде. Однажды я встретил знакомого зубного врача, который попросил меня достать ему как-нибудь лом золота, хотя бы несколько золотников. «Представьте себе положение зубных врачей и техников, – говорил мой знакомый врач, – на рынке золота нет, да кто смеет его продавать открыто после того, как Госбанк забрал все золото и серебро. Мы остались без работы, хоть кричи караул». Я схватился за это дело, – продолжал комиссионер, – и начал тайком осторожно спрашивать у знакомых. Нужда у всех была большая, каждый рад продать лишнюю вещь и купить другое, более необходимое, это обстоятельство помогло мне и дела мои пошли недурно. Я скупал старые кольца, браслеты и другие разные вещи, как лом, и продавал их зубным врачам по вполне выгодным ценам. Однажды один мой знакомый передал мне по секрету, что одна дама желает продать свои драгоценности, указав мне подробный адрес ее. На следующий день я сидел против красивой молодой женщины в ее комнате и торговался с ней. Драгоценности оказались ценными вещами и достались мне по весьма недорогой цене. Я вернулся домой с драгоценностями. Жена моя сильно обрадовалась такой удаче и мы с ней строили разные планы залатать наши нужды и недостатки, но судьбе было угодно другое, – упавшим голосом продолжал комиссионер. – Поздно в эту же ночь пришли из ОГПУ ко мне на квартиру, перерыли все и забрали не только драгоценности, но и меня самого, как спекулянта, торгующего запрещенным валютным товаром. Теперь я понял, что это за красивая дама была и как я дурак, осел легко попался на удочку.

Жизнь в подвалах ГПУ страшная, тяжелая и скучная. Однако, говорят, и в аду бывают приятные минуты. Так у нас бывали моменты и веселья, в особенности когда шутил наш общий любимец Кацман. Но среди нас был человек, который никогда не принимал участие в общем веселье. Он часто глубоко вздыхал и печально качал головой. Настоящее его имя я не помню*, но мы его называли «Американцем». Он был среднего роста, коренастый мужчина сорока или сорока пяти лет, с одним глазом.

– Будучи совсем молодым человеком, я добрался в Соединенные Штаты Америки, – начал однажды он. – Большая часть своей жизни я провел в самом Нью-Йорке. Судьба столкнула меня там с тогдашним коммунистическим движением. Я был молод, эта идея мне пришлась по душе и начал работать в ней, изучив английский язык и грамоту. Меня ценили в партии, так как я выполнял порученные ей мне обязанности всегда аккуратно и охотно. Часто приходилось мне раз'езжать по другим городам Америки с разными тайными поручениями. В Нью-Йорке разносил я в определенные места разные нелегальные листовки, прокламации и тому подобную литературу. Американская комм[унистическая] партия иначе смотрит на жизнь, там нет того насилия, – подчеркнул Габо. – В Америке существуют два вида печати: одна из них демократическая или назовите ее капиталистической, как хотите, – добавил он. – Она писала правду о Советском Союзе, в этом я убедился здесь за два года своего пребывания. Другая – левая печать, в особенности за последнее время, сильно преувеличивала достижения Советского Союза, восхваляя небывалую свободную жизнь в нем и в то же время скрывая его отрицательные стороны. Я был одним из легковых и тупоголовых людей, а нужно вам сказать, – заметил он, – что этот сорт людей легко верит красивым словам. Сказка о чудесной жизни в Советском Союзе сильно возбуждало мое любопытство, прибавьте сюда мою любовь к родине, любовь к дорогим моим родным, прибавьте мою привязанность к моему народу, к друзьям моей ранней молодости и вы перестанете удивляться почему я оставил Америку.

Прибыл я сюда с партийным билетом в кармане, местная коммунистическая партия приняла меня в свою среду с восторгом. Через короткое время меня назначили на хорошую должность в административном аппарате. Однако служить там мне долго не пришлось. В первые же дни своей службы я начал замечать нехорошие поступки власти, совсем не по моим убеждениям, и чем дальше шло время, тем больше я разочаровывался. За мною, конечно, следили и, вероятно, заметили мое охлаждение к делу, тогда меня сняли с этой должности и

* Слова «я не помню» вписаны вместо зачеркнутых «было Габо». Далее в двух случаях имя Габо вычеркнуто и заменено на местоимение «он», остальные упоминания Габо сохранены – по-видимому, автор не успел их исправить, рассчитывая вернуться к рукописи. – Изд.

перебросили в родное мое село в качестве зава местного кооператива. Мои чистые политические убеждения были оплеваны, я пережил глубокое разочарование и страшно жалел о своем необдуманном приезде из Америки сюда, но вернуться обратно возможности уже не было.

Наше село, куда я был назначен завоом кооператива, большое, – говорил далее Габо, – когда-то оно было богатое, к моему приезду из города на мою новую должность раскулачивание в нем заканчивалась. Лучшая часть населения была уничтожена или увезена в Сибирь, или на далекий Север Союза и лишь незначительная часть из них бежала в ближайший лес, спасая свою жизнь, а семьи их были выгнаны из собственных дворов и группами ютились под заборами на улице, под дождем и снегом глубокой осени. Никто не смел помочь им, облегчить их участь, несчастных женщин, детей и беспомощных стариков, боясь сурового приказа власти, гласящего не оказывать им никакой помощи, а тот, кто нарушит приказ, немедленно сам подлежал раскулачиванию. Так строит социализм «миролюбивая», «добрая» народная власть Советов, – с иронией подчеркнул Габо и продолжал. – Если это коммунизм, если это народная власть, то я больше не коммунист и никакого участия в этой народной власти не хочу принимать. Я в корне не согласен с уничтожением труженников – кормильцев всего живого. Не согласен также я с объявлением власти вне закона, назвав их бандитами – людей, всю свою жизнь проведших в труде за плугом. Я потерял сон, – продолжал Габо, – сердце мое ныло от обиды за них, а совесть моя страдала и грызла постоянно. Вот для чего бесился я всю свою жизнь, вот для кого работал я – упрекал я самого себя. Это и есть пропасть с гадкой, грязной трясинной на дне, куда свалился и погибнуть должен я, со своими жалкими убеждениями, – горячился Габо. – Однажды поздно ночью, – продолжал он, – явились ко мне из лесу двое из этих «бандитов» прямо домой. Голодный одичалый их вид, моих добрых, мирных сельчан, глубоко тронул меня. Они рассказали мне о жалком, беспомощном положении людей, находящихся в лесу, сколько из них умерло, сколько лежат больными и как они жестоко страдают от голода. Рискую своим благополучием, а может быть и своей глупой головой, я отпустил им мешок муки из кооперативного амбара. Дело это, конечно, быстро раскрылась, я был немедленно же арестован и отправлен сюда, – закончил он, опустив голову и направив взор в одну точку.

Габо обвинялся также 58-й статьей, с одиннадцатым пунктом и тем самым включили его в число «бандитов». В общем и в целом, – вмешался в разговор Кацман, – выходит, что Советский бандит и Американский коммунист объединились в одном лице, вот и все.

Среди перечисленных разнообразных людей в нашей камере выделялся своей высокой, стройной фигурой мужчина тридцати восьми – сорока лет, по имени Бекир. Широкие плечи, выдающаяся вперед волосатая грудь, громадные черные усы и густые брови придавали ему грозный вид. При всей своей мужественности, он был так красиво сложен в талии, что любая девушка могла бы позавидовать ему. Это – тот самый Бекир, который в начале революции, во время разбоев и беспорядков в северной части Кавказа, предложил свои услуги только что образовавшемуся Горскому Правительству, ликвидировать бандитизм и беспорядки в самый короткий срок. Бекир был замечательно находчивый человек, никогда не терялся, ни при каких обстоятельствах, но плохо владел русским языком. Однако и этим своим недостатком он умел пользоваться, когда это было нужно. Другой бы на его месте смущался, так нескладно слагая слова, а он, наоборот, критиковал других, нарочно иногда перекидываясь^{*} непонимающим и всегда у него выходило смешно и удивительно удачно.

Полтора года тому назад Бекир был выслан местны[ми] властями из родного края, как не желательный элемент. – Я покинул родной дом с большой болью в душе, – говорил он печально, – оставив дома жену и трех малолетних детей. Поехал в Дагестан и там устроился на работу сносно, но страшно тосковал по семье и беспокоился за нее. Три раза посылал свою просьбу нашим властям разрешить мне приехать на родину на два-три дня и забрать к себе свою семью, но ответа не получил. Наконец решил я рискнуть приехать тайком, без разрешения, но попался на второй же день. Приезд мой никто не заметил, так как с железнодорожной станции я отправился пешком до родного села вечером и только поздно ночью я подкрался к собственному дому, как настоящий вор. На следующий день, очевидно, по веселому настроению моей жены и детей, кто-то заподозрил и проследил, так как вечером я уже был арестован.

Бекир сидел в камере № 10 двенадцать месяцев, при чем его ни разу еще не допрашивали. За это время он много видел здесь, многое изучил. Он знал значение каждого звука, каждого шороха, доносящихся к нам со двора или из коридора. Его пытливый ум прекрасно разбирался в разнообразных видах дьявольских хитростей, применяемых комендантом для вывода людей на расстрел. Выделялся Бекир еще тем, что он не примыкал в камере ни к группе горожан, ни к сельчанам, а держался как-то особо, несмотря на это, все относились к нему с уважением.

Однажды, в один из нудных, скучных вечеров, возник спор между Бекиром и группой заключенных. Бекир категорически утверждал, что посредством какой-то комбинации, ведомой только ему одному, он может

^{*} Так в рукописи. По смыслу должно быть «прикидываясь» – Изд.

устроит[ь] так, чтобы через полчаса два человека из нашей камеры могли выйти во двор. Никто из нас, конечно, не поверил этому, но ради шутки некоторые нарочно горячо продолжали вести разговор. Несмотря на абсурдность этой фантастической выдумки, неожиданно для всех спор состоялся. Бекир, приняв серьезный вид, сейчас же приступил к делу. Он взял кружку с пит[ь]евой водой и начал ею обливать нижнюю часть нашей парашы местами, затем разлил воду вокруг нее на полу, создавая этим вид, будто она течет. До этого момента весь спор, вся работа Бекира похоже было на шутку, но когда он начал громко стучать в двери своим громадным кулаком, вызывая дневального, все ахнули от испуга и смотрели друг на друга со страхом, как бы спрашивая один у другого, а что будет дальше. На самом деле это была плохая шутка, из этого могли выйти самые плохие последствия, если бы коварный наш комендант догадался, что это наша шутка. Многие оробели и начали роптать, упрекая в этом Бекира, но уже было поздно. Дневальный успел открыть волчек и пуская через него многоэтажную ругань, спрашивал в чем дело. – Зови коменданта, параша течет, – твердым голосом проговорил Бекир. Через некоторое время явился к нам комендант в сопровождении двух чекистов. Они поверхностно осмотрели вонючую нашу парашу. В полумраке, конечно, не могли обнаружить обман, да и дышать гадкий наш воздух им было тяж[е]ло и противно, поэтому быстро повернулись и ушли, приказав немедленно вынести парашу во двор и починить ее. На зов Бекира двое из молодых людей взялись за это дело и быстро вынесли эту гадость. Причем на ходу Бекир давал им наставление, нарочно громко на виду дневального, как нужно забивать обручи парашы потуже, а шепотом, на ухо одному из молодых людей, говорил «протянуть дело подольше и подышать воздухом». Итак, обязательство, принятое Бекиром, выполнено с искусством: два человека по уговору не только вышли во двор, но и провели время на свежем воздухе целых пятнадцать минут. Но это еще не все, главное заключалось в том, что за это время дверь наша была приоткрыта и мы с наслаждением дышали свежим воздухом сквозняка. Страх давно уже прошел, у всех был самодовольный вид, будто на самом деле совершили подвиг, так как результаты уже видны, всем ясно, что баловство наше с огнем прошло удачно. Наконец вернулись и наши двое молодых людей, горделиво внося в камеру на руках парашу и многозначительно улыбаясь, видно было, что они также в восторге от выполненной им[и] задачи. Дверь закрылась, все бросились к Бекиру и начали его поздравлять с успехом, брали его за руки, за плечи, хлопали его по спине. Наконец подошел к нему и профессор. – От души поздравляю Вас, Бекир, – горячо и вполне серьезно говорил он, – превосходно, очень остроумно и удачно, но должен Вам сказать, – добавил он, – что я насмерть перепугался. – Кацман шутил, прыгал, задевая то одного, то другого, создавая веселое настроение. Все радовались чему-то, как малые дети.

О советской торговле*

Советская власть в периодических изданиях, в романах, в учебниках, а также на митингах, собраниях громогласно кричит о созданном в Советской России бесклассовом обществе, о «великой свободной» жизни в этом обществе, о равенстве всех слоев населения и небывалом в истории братстве. Ниже мы приводим фактические примеры из жизни граждан той же Советской России и проверим, так ли это на самом деле.

Внутри страны в Советской России существуют четыре вида основной торговли фабрично-заводскими промтоварами:

1. Кооператив, для рабочих, служащих, колхозников, совхозников и прочих обыкновенных простых граждан.
2. Открытый распределитель, для рядовых партийных-коммунистов, занимающих незначительные должности.
3. Госторг, ведущий торговлю по вольным, высоким ценам, с целью наживы.
4. Закрытый распределитель, для сановников-коммунистов, занимающих высокие посты. Местонахождение этого распределителя известно только немногим.

1. Кооператив. В магазинах товары продаются только тем членам, которые внесли заранее в кассу кооператива членские и паевые взносы полностью. Норму отпускаемого товара для одного члена устанавливает администрация кооператива, исходя из количества полученного, того или иного, товара, так как запасов магазины никогда не имеют. Сверх установленной нормы член кооператива не имеет возможности купить нужный товар, например: литр керосина, кусок мыла для стирки белья и даже коробку спичек. Однако бывают исключения, когда магазин сам навязывает члену кооператива сверх нормы лишний товар, совсем ненужный ему, в виде зубного порошка, зубной щетки грубой работы, деревянные и роговые пуговицы и прочее. Этот вид продажи называется «нагрузкой». Каждый член-покупатель должен мириться с этим положением и уносит купленный товар домой с «нагрузкой». Эти ненужные никому товары лежат на полках магазина месяцами без движения.

* Название дано издателем. Первоначально этот текст был частью не дошедшей до нас рукописи, посвященной (судя по фрагментам, не включенным автором в настоящий очерк) экономическим отношениям в советском государстве.

Тогда как кооператив нуждается в оборотном капитале и администрация попадает в затруднительное положение. Вот почему обязывают члена-покупателя покупать не нужный ему товар сверх установленной нормы.

Здесь промтоварами называют самые необходимые предметы для жизни и домашнего обихода бедных, рядовых, беспартийных людей, как например: спички, махорка, мыло для стирки белья, синька, керосин, сода хлебная, сода для стирки белья, поджаренная сушеная малина, поджаренные сушеные яблоки в фабричной бумажной упаковке, под названием «брусничный чай», соль поваренная, нитки, иголки, зубные щетки из дерева, зубной порошок, деревянные, роговые пуговицы грубой работы и тому подобная мелочь. С более важными товарами, как то: сахар-рафинад, сахар-песок, пряники, монпа[н]сье, леденцы, мануфак[т]ура бумажная, носки мужские и чулки дамские также бумажные, белье трикотажное бумажное, обувь и так далее, дело обстоит гораздо хуже, так как эти товары магазины кооператива получают с большими промежутками времени.

Из перечисленных товаров, как важных, более необходимых, так и второстепенных, член кооператива имеет возможность купить за наличные деньги не тогда, когда он пожелает или когда нужен тот или иной предмет, а когда придёт товар в тот магазин, куда он прикреплен. В эти дни магазин полон народом, образовывается большая очередь. Люди толкают друг друга, спрашивают, какие товары прибыли в магазин и какую норму на этот раз дают. Спорят между собой, ругаются. Ругают также казенных приказчиков (работников прилавка) магазина, тут же перед их глазами, обвиняя их в бессовестном воровстве из магазина товаров и продаже их тайком на сторону по повышенной цене.

О качестве покупаемого товара, о красоте или фасоне его, о цвете или прочности здесь не принято рассуждать. Член-покупатель не разбирается в этих деталях и не спорит, он хорошо знает, что с его вкусом и желанием никто не будет считаться. Следовательно, всякий разговор по этому вопросу совершенно бесполезен. Выбора нет, нужно покупать то, что дают, не возражая, так как всякое лишнее неосторожное слово по адресу власти может попасть в дебет его лицевого счета по книгам ОГПУ.

2. Открытый распределитель. В магазинах этого распределителя чувствуется порядок, в них гораздо чище. Обращение работников прилавка с покупателями более сносное, но все же далеко не вежливое, как подобало бы. Здесь покупатели исключительно члены партии – рядовые коммунисты. За покупками приходят в магазин, главным образом, их жены или члены их семьи. У этих привелигированных покупателей вид самодовольный, несмотря на то, что они те же простые люди. Однако, ведут себя приличнее, чем покупатели в кооперативных магазинах, не ругаются и не спорят. Очевидно, партийная дисциплина не разрешает им развязывать языки в общественном месте. Своей легкой заносчивостью эти люди сильно напоминают собой обедневших дворян старого царского времени.

В магазин могут заходить только коммунисты и члены семьи их, обязательно с партийным билетом. Внутри магазина у входных дверей постоянно находится человек, который следит за каждым входящим в магазин. Многих посетителей он знает в лицо и пропускает их не спрашивая, но у незнакомого нового посетителя спрашивает партийный билет. Однако, при наличии смелости, иногда можно проскочить в магазин и беспартийному, просто нахалом или по ошибке. Хотя эта смелость или ошибка ничего хорошего ему не предвещают, кроме неприятностей. Во-первых, ни одну иголку ему не продадут в магазине; во-вторых, по выяснении его беспартийности, грубо выгонят из магазина. Одна ловкость нужна для того, чтобы проскочить в магазин незаметно, другая же ловкость нужна, когда хитрость или ошибка беспартийного обнаруживается в магазине, на глазах многих покупателей, вывернуться из этого неприятного положения. Наилучший совет обыкновенному гражданину не заходит[ь] в такие места, если же случилось несчастье и любопытство его подвело или он по ошибке попал в такой магазин, то ограничить[с]я коротким пребыванием в нем, скромно осмотрев разные соблазнительные товары на полках. Как, например, делает голодная кошка под обильно накрытым столом, глотая запах жаренного мяса, высоко подняв свой длинный хвост.

Магазины эти тоже особенно не могут похвалиться обилием и разнообразием товаров. Однако, в сравнении с магазинами кооператива, здесь более прилично и главное – получение товаров не имеет случайный или отрывочный характер. Товар в магазинах имеется постоянно и отпускается покупателям-коммунистам также в каких-то пределах. Смотря какой товар, т. е. дефицитный он или недефицитный.

3. Госторг. Этот вид торговли ясен сам собой и особых объяснений не требует. Торговля здесь идет вольная и любой гражданин может купить за наличные деньги любой товар, из имеющихся в наличии в магазине, по высоким, часто спекулятивным ценам. Спекуляцией здесь занимается само государство, точно так же, как занимался любой купец старого времени, с целью наживы и со стремлением того же купца как можно больше увеличить наживу.

Госторг имеет роскошные, хорошо обставленные помещения для своих магазинов. Созданы разные удобства для публики, на стенах висят большие зеркала, со столиками внизу для дам-посетительниц. Тем не менее, в них нет того обилия и разнообразия товаров, которое подобало бы помещению и обстановке. Все же в этих магазинах можно купить много кое-чего свободно, без всякого билета или членского взноса.

Покупателями этих магазинов могут быть всякие люди, только с большими деньгами. Поэтому сюда ходят за покупками высокооплачиваемые служащие специалисты, инженеры, директора разных предприятий, видные профессора и научные работники, видные коммунисты-сановники и вообще люди, получающие высокие ставки, а также иностранцы. Рабочим, мелким и средним служащим и колхозникам здесь не место, так как материальные возможности этих людей ограничены.

4. Закрытый распределитель. Этот распределитель, собственно, не имеет характер торговли. В самом деле, он распределяет свои товары ежедневно не обычным порядком. Распределитель доставляет на своем полугрузовом автомобиле товары, каждому клиенту прямо на квартиру. Клиентами этого распределителя состоят коммунисты-сановники, возглавляющие местную власть. Ни сами сановники, ни члены их семьи за покупками в распределитель никогда не приезжают. Они могут даже не знать, где он находится так же, как не знают об этом простые граждане города.

Что же касается товаров, в смысле их количества, качества и разного ассортимента, то нужно сказать, здесь есть все то, что имеет Советская Россия самое наилучшее. Всевозможные дорогие продукты питания. Разные колбасные изделия, ветчина, сосиски и другие виды. Мясо – говядина, баранина. Кондитерские изделия, шоколад, конфеты разные, печенье, пирожные и даже торты по особому заказу клиентов. Мануфактура бумажная, шелка разные, суконные матерьялы, чулки дамские шелковые, папиросы и много других товаров роскоши, а также всевозможные напитки.

При отпуске товаров здесь не существует норма. Отпуск товара не ограничен каким-нибудь пределом, зато нет здесь воровства, ни со стороны работников прилавки, ни со стороны высоких клиентов. Не во имя чести, конечно, а от страха строжайшей партийной дисциплины. По каким ценам распорядитель* отпускает товары своим клиентам с доставкой на дом и какой способ применяет для расчетов с ними, неизвестно, это их секрет.

Сравнивая между собою массу потребителей всех перечисленных четырех основных видов государственной торговли, возможно ли эту среду назвать социалистическим, бесклассовым обществом? Возможно ли найти вообще в этих видах торговли хотя бы один намек, один небольшой признак, напоминающий собой равенство? Следовательно, не пустой ли звук – разговоры о равенстве в советской пропаганде?

Отрывки советской жизни. Питание рабов

Голод понятие растяжимое, его не всякий в состоянии понять. Запоздавший на обед городской интеллигент на полчаса или час, садясь за обеденный стол, горько жалуется своей нежной жене, что он проголодался как собака или голоден как волк. Это, конечно, далеко не голод, такой человек никогда не поймет что значит настоящий голод в советских лагерях, тянувшийся не часами, не днями, не неделями и даже не месяцами, а годами. Питание заключенного состоит, главным образом, из черного хлеба, выдаваемого ему по его работе за предыдущий день, весом от 200 до 1000 граммов за рабочий день, смотря какой процент он выполнил работу накануне заданной ему нормы. Эти нормы выработки в лагерях на тяжелых работах настолько бессовестно и жестоко преувеличены против нормальных, что с напряжением сил из ста человек заключенных примерно пять-шесть в состоянии выработать 1000 граммов хлеба, около десяти-пятнадцати человек до 800 граммов, главная же масса заключенных вырабатывает 600-500 граммов. А изнуренные и обессиленные от долгой тяжелой работы, когда-то вырабатывавшие 1000 граммов, теперь достигают лишь до 400 граммов. Норма получаемого хлеба заключенным на общих работах, является мерилем его достоинства или качества как рабочего животного. На основании этой же нормы хлеба ему выдается вонючая похлебка, измеряемая особыми половниками-мерками, их в общей кухне восемь видов или размеров. Каждый половник по размеру приравнен к определенной норме хлеба, например, половник размером к 400 гр. хлеба или половник к 1000 гр. хлеба. Кроме того, заключенный имеет из общего бака кипяток утром и вечером и к нему одну небольшую пачку на месяц, так называемый брусничный чай, часто заплесневенный в сырости и совершенно негодный к употреблению. Чай этот состоит из сушеных и поджаренных ягод, фруктов или овощей, например, брусника, голубица, испорченные яблоки или морковь. Такой чай дает цвет несколько напоминающий цвет настоящего чая, но вкуса и питательности не имеет. Зелень, даже простой лук, особенно чеснок, ценимый в лагерях, отсутствуют совершенно. Эти овощи заключенный может получать из дома или от родственников, если они уцелели и живут на своих местах, особыми почтовыми посылками. О жировых веществах, о мясе или других питательных продуктах говорить, конечно, не приходится. Сахар-рафинад выдавался с перерывами в таком количестве, что месячный паек хватал лишь на пять-шесть дней в прикуску. Хуже обстояло дело с чаепитием, когда вместо рафинада нам выдавали ту же норму песок. В таких

* Так в рукописи. По смыслу должно быть «распределитель» – Изд.

случаях мы применяли особый примитивный способ. Становилось ясно, что стаканов и ложек у нас не было, были кружки жестянные и эммалированные, у каждого своя собственная, лагеря не считал себя обязанным выдавать заключенному посуду. При чаепитии вы должны насыпать на ладонь песок с чайной ложки и держать руку на уровне рта стоя или сидя на нарах, так как ни стула, ни стола нет, другой рукой вы держите свою кружку с чаем. Кончиком влажного своего языка вы берете немного песка с ладони, затем делаете два-три глотка чаю и тут же нужно искать место, где поставить свою кружку на короткий момент, чтобы освободившейся рукой взять хлеб и наполнить им рот, потом опять опускаете язык на ладонь и повторяете столько раз, на сколько хватит у вас хлеб.

На Вишерских лагерях, кроме перечисленного выдавали нам, работникам умственного труда, сибирское сливочное масло хорошего качества на лагерные бонны по твердой цене, весом пятьдесят граммов в месяц на душу, что составляет один грам и шестьдесят шесть сотых (1,66) в день. Неизвестно, из какого расчета или соображении исходила лагерная администрация, выдавая нам такой микроскопический паек масла. Не вдаваясь в глубину мудрой психологии Начальства, мы называли эту подачку просто насмешкой, но не отказывались от нее. Один раз в месяц в назначенный день, в часы обеденного перерыва, мы становились в очереди у своего ларька. Каждый брал с собою ломтик хлеба в кармане из своего пайка и по получении масла тут же мазал на хлеб пальцами и съедал его с жадностью. Голод во всех советских концентрационных исправительно-трудовых лагерях одинаков, голод является бичом и основным злом в жизни заключенного. В советских лагерях голод создан искусственно, введен в жизнь заключенного умышленно с определенной целью и с особым расчетом, а потому нет никакой надежды на улучшение питания заключенного в будущем.

Испытав сам на себе этот умышленно созданный голод в лагерях в продолжение четы[ре]х лет моего пребывания в них, я неоднократно вспоминал один случай в моей жизни, проис[ш]едший [в] давно минувшем детстве. Мы жили тогда большой семьей в селении, с патриархальным дедушкой во главе. Глубокий старик был неграмотный, но с житейским умом и опытом. В деревенской обстановке всегда ценят хорошую собаку, как ночного сторожа, особенно на Кавказе, где каждый трудолюбивый сельчанин имел порядочное хозяйство. Однажды старая наша собака издохла и взамен ее отец мой откуда-то принес двух красивых пухлых щенков хорошей крупной породы. Я был вне себя от радости этому случаю, вечно возился с ним[и] и кормил их несколько раз в день. Как то раз я смешал муку в молоке, получилась жидкая похлебка и мои щенки надулись как пузыри, я любовался ими, в это время застал меня мой дедушка. – Вон как ты кормишь собак, – сказал он, наблюдая за еле двигающимися щенками от тяжести в желудках, – глупый ты мальчик, разве так можно кормить? Какие же караульщики выйдут с них, если ты будешь так их баловать. Сытая собака – плохой сторож, – рассуждал он далее, – наевшись до отвала, она ляжет в укромном месте и будет спать всю ночь до утра. Собаку нужно держать всегда в полуголодном состоянии и никогда не ласкать ее, иначе как можно развить в ней злость? – У каждого человека к старости вырабатываются свои особые взгляды, сообразно его прошлой жизни и обстановки. Может быть, дедушка был прав в отношении собачьей породы, но здесь в лагерях советская власть имеет дело с людьми самыми лучшими в стране, отборные из всех слоев населения, превращенные насильственно в настоящих рабов древних времен. «Философский» подход «вождей народа» к вопросу питания заключенных в лагерях аналогичен с «философией» моего умного дедушки в отношении собак. На самом деле, если раб будет сыт, одет и доволен своим положением, то он, наоборот, не будет лежать на одном месте, как дедушкина собака, его голова прояснится и начнет работать. Появятся мысли, какие-то желания, да еще начнет мечтать о свободе, о культурной жизни и прочее. Какой же будет тогда с него раб? Какой же выйдет с него работник? Не восстанет ли такой раб против мошеннических норм выработки, хищнически введенных на тяжелых работах в лагерях?

3-е отделение «Бамлага» (Байкало-Амурская магистраль), находящееся при станции Ксеньевской, занималось строительством второго пути Забайкальской железной дороги, протяжением около 1500 километров. Десятки тысяч заключенных были разбросаны по линии железной дороги отдельными лагпунктами при каждой станции и полустанки. Работа была тяжелая, нормы выработки сильно превышены, а питание было скудное и не регулярное, здесь голод особенно ощущался. Местность была пустынная, кругом сопки, покрытые лесом, и лишь при каждой железно-дорожной станции ютились небольшие бедные поселки, жители коих голодали так же, как и заключенные.

В каждом лагпункте было несколько десятков рабочих лошадей. От времени до времени эти лошади дохли от плохого ухода на тяжелой работе и от разных болезней. С издохшей лошади снимали кожу, а потом зарывали ее. По ночам в поздние часы под страхом и с большим риском заключенные выходили тайком из барачных, шли на то место, где был зарыт труп лошади, отрезали куски мяса, разводили огонь, кое как жарили на вертеле и ели его, как голодные волки.

На одном из лагпунктов в сторону востока от нашего Управления 3-го отделения (название станции не помню) два заключенных были посланы в лес на заготовку дров недалеко от лагеря. Они шли гуськом по узкой тропинке в густом лесу, с топорами в руках. Пройдя некоторое рас[с]стояние в глуб[ь], заключенный, шедший

позади, озверевший от постоянного голода, размахнулся своим топором и одним ударом убил наповал своего товарища впереди. Оттащил его в сторону от тропинки, разрубил ему грудь, вынул внутренности, печень, сердце, легкие и стал их жарить на разведенном огне. В это время по другой тропинке шла вторая партия заключенных в пять человек, также на заготовку дров из того же лагпункта, но другой роты. Подобно диким животным, от длительного голода у заключенных сильно развивается чувство обо[н]яния, об этом наверно науке известно. Люди второй партии, шедшие сравнительно недалеко от того места, где жарилось мясо, почувствовали запах. Они были удивлены этим необычайным явлением в этих местах. Затем, предполагая, что кто-нибудь из поселка случайно убил здесь зверя и жарит мясо своей добычи, пустились по лесу в разные стороны, с надеждой поживиться им тоже этой добычей. Вскоре, благодаря их высоко развитому обо[н]яния, они наткнулись на это место и застали человека у огня, жарившего на вертеле человеческие внутренности и тут же недалеко лежащего трупа убитого заключенного.

Люди превратились не только в рабов, но докатились до уровня дикаря-людоеда. Человек, живущий в нормальных условиях, не может понять положение заключенного в советских лагерях, его переживания в бесправном рабстве на тяжелых работах, всегда полуголодный, его душевное состояние, тоска по свободе, по родине и близких людей. Нужно побывать в его шкуре, хотя бы мысленно присмотреться в его душу: до чего он разочарован в жизни, до чего он возмущен в глубине своей души и как велик его внутренний безмолвный протест против насилия, и до какого чудовищного размера развилась в нем злость против поработителей. В этой области дедушка мой был прав, злость можно сильно развить как у собак, так и у людей путем систематического голода и жестоким обращением с ними.

Предположим, что вы сельчанин-хлеботороб, живший в старое царское время в деревне. Десятки лет вы провели в труде на сельском хозяйстве, работали не считаясь с дождем, холодом или жарой и достигли относительного материального благополучия. У вас была хорошая семья, жена трудолюбивая, примерная хозяйка, дети подросли, старшего сына скоро уже нужно женить, а меньше подрастают. Домик с небольшим двором был свой собственный, вы имели две лошади с телегами для работы, одна или две коровы, куры и прочие признаки благополучия сельского хозяина.

Вдруг меняется в корне система государственной власти. Новая власть отменила частную собственность и вся ваша жизнь перевернулась в один день вверх дном, как стихийная сила страшной бури срывает растущее дерево с корнями из земли. К вам в дом явились представители новой власти, осмотрели ваше имущество, составили опись всего того, что вы имели, включили ваше имя в список кулаков. Через два-три дня вас выгнали с семьей из собственного двора на улицу. Вы были вынуждены ночевать со своими малолетними детьми буквально под забором глубокой осенью. Таких, как вы, в вашем селе были раскулачены десятки хозяйств, семьи коих ютились также по закоулкам под открытым небом. Ни родственники, ни соседи ваши не смели пустить вас к себе в дом под страхом расстрела. Вы были глубоко возмущены, но бессильны против страшной жестокой силы, беспощадной новой неведомой власти. Однако вы принимали какие-то меры, бежали по всему селению как ненормальный, встречались с знакомыми, друзьями, родственниками и с такими же кулаками, как и вы, передавали им свою трагедию, свои тяжелые переживания, возмущались, говорили громко, широко жестикулируя руками, а в это время местные агенты новой власти, в лице комсомольцев и коммунистов, следили за вашим поведением. И для того, чтобы вы перестали ходить по селению со свои[ми] жалобами и не болтали лишнего против мероприятий власти, вас арестовали, увезли в город и посадили в полутемный подвал ГПУ. Там в глубоком подвале вам постепенно впускали через вены в кровь страх расстрела – для того, чтобы испугать вас на всю жизнь, чтобы вы забыли старое свое благополучие, забыли свою любимую дорогую семью, своих милых детей, без которых вы не могли сесть за стол обедать. Чтобы вы отреклись от своих старых понятий, от всего святого, чистого, от Бога и от религии. Для того, чтобы превратить вас в трусливого, безвольного животного, лишив вас самых элементарных прав человека. Через несколько месяцев после такой обработки в подвалах ГПУ вам прицепили кличку как «кулаку-кровососу», «враг народа», «бандит», «контрреволюционер», «вредитель», и применив к вам 58-ую статью с ее разными пунктами, Тройка ГПУ заочно присудил[а] вас на 10 лет принудительных работ в концентрационных исправительно-трудовых лагерях. Вы не успевали одуматься, несчастья сыпались на вашу голову одна за другой, голова кружилась от всех новых неслыханных наказаний и от жестоких расстрелов на ваших глазах. В это время в один день с передачей пищи извне, вы получили маленькую записку, где близкий родственник пишет вам, что вся семья ваша исчезла из родного села. Старший сын ваш и взрослая дочь, боясь ареста, тайком уехали куда-то, жену власть выслала на Север в сторону Архангельска, а малолетние ваши дети вывезены в какой-то другой город. После этих душераздирающих и трагических известий вас забрали из подвалов ГПУ и повезли на Дальний Восток в «Бамлаг», где в данное время вы находитесь на строительстве второго пути Забайкальской железной дороги, в одном из многочисленных лагпунктов 3-го отделения, в числе десятков тысяч таких же обездоленных людей, как и вы, в качестве раба-невольника. Каково

будет тогда ваше моральное и нравственное состояние? Не потеряете ли вы тогда душевное равновесие? Хватит ли у вас сил, чтобы не превратиться в животного или в первобытного дикаря?

Мы, заключенные работающие в Управлении Архангельского лагеря «Архперпункта» на улице имени Павлины Виноградовой, жили особо от других заключенных, находящихся на общих физических работах и живущих в особых бараках на краю города. Черный хлеб, выдаваемый нам на пять дней вперед, хватал ровно на три дня, при самой скромной еде. Остальные два дня из пяти мы буквально голодали. В эти дни язык мой не ощущал вкуса хлеба, в таком же положении были и все остальные, живущие тут в общежитии. От постоянного систематич[е]ского недоедания кружилась голова, мысли путались во время занятий, в ушах всегда был шум, то падающей воды с высоты или водяной мельницы, то звон далеких колоколов. Наяву и во сне мысли всегда были заняты только едой, особенно хлебом. Никакой другой вид пищи, даже самые лучшие блюда, в том числе мясные, молочные или сладкие, не вспоминаются и не снятся голодному, как самый простой черный хлеб. Страдания и переживания от длительного голода жестоки и настолько мучительны, что передать их словами невозможно – в особенности тому, кто не испытал голод. Вероятно поэтому сложилась народная поговорка «сытый голодного не разумеет». Поговорка эта имеет большую давность. Тем не менее, едва ли во всем мире найдется хоть несколько человек среди сытых людей, которые бы поняли голодного, до какой степени он жалкий и несчастный.

Положение наше было тяжелое: правда, мы не падали от голода и не умирали сразу, но силы наши, как физические, так и умственные, падали и уменьшались с каждым днем. Кругозор суживался, культурный мир с его радостями постепенно отодвигался назад все дальше и дальше. Мы вступали как бы в густого мрачного тумана, постепенно превращаясь в какой-то особый вид живого существа, нечто среднее между разумным человеком и животным. Сознание может мириться с таким положением потому, что другого выхода не было, но желудок стоит выше разума в области питания, он настойчив и требует свое.

В Архангельском лагере с разрешения Начальника У.Р.О. иногда двум-трем из нас, пользующихся особой привилегией, удавалось попасть под конвоем на так называемый базар. Это большая бывшая базарная площадь в городе, где горожане продавали на руках разные свои старые вещи на «толкучке». Продукты питания на базарной площади отсутствовали совершенно, а мы имели в виду купить только хлеб, краденный из разных казенных пакарня и кооперативных ларьков и продаваемый здесь не всегда, но случайно под большим страхом. Тут не нужно ходить по базару, толкаться в густой толпе в поисках хлеба или спрашивать у людей где он продается, все это бесполезно и ни к чему вас не приведет. Нужно иметь свой разум и опыт сообразно с окружающей особой обстановкой. Самый лучший способ – стоять на одном месте где-нибудь на краю площади и оттуда наблюдать внимательно. Если вы заметите мужчину, стоящего в стороне от толпы и под мышкой у него видать пальто выпукло, значит он имеет хлеб. В этом случае вы должны пройти мимо него близко и не спеша с таким расчетом, чтобы успеть на ходу спросить у него цену, получить ответ, отойти немного дальше и приготовить деньги, т. е. ту сумму, которую он запросил за буханку или полбуханки. Повернув обратно и наблюдая вокруг, не следит ли кто-либо за вами, вы можете опять медленно пройти мимо продавца хлеба, который также следит за вами. Не останавливаясь перед ним, в одну секунду вы должны схватить с его рук хлеб, быстро всунуть его в свой бушлат, а другой рукой в этот же момент вручить ему стоимость хлеба, и сделка совершена.

Такой способ улучшения питания для заключенных был далеко не легким, удавался не каждому из нас и связан был с трудностями, а также и с большим риском. Во-первых, необходимо иметь разрешение Начальника У.Р.О. идти на базар, потом неизвестно какие конвоиры попадутся. Во-вторых, за наши лагерные бонны на базаре хлеб не продавали, нужны общегосударственные деньги, а мы лишены права иметь их при себе. Даже деньги, получаемые на имя заключенных почтовым переводом от родных, нам выдавали лагерными боннами, небольшими суммами. В третьих, покупать на базарной площади среди белого дня заведомо известный краденый казенный хлеб чрезвычайно опасно, ибо за такое преступление наш начальник лагеря, жестокий чекист Дурново, свободно мог бы любого из нас отправить с первым этапом на остров Вайгач, что равносильно расстрелу, так как оттуда возврата не было вообще.

Однажды мы потерпели неудачу, на базаре не нашли хлеба – по-видимому, была строгая слежка со стороны власти за продавцами краденного хлеба. Мы были сильно разочарованы, так как получить разрешение вновь от У.Р.О. в скором будущем надежды не было. Мы стояли на краю большой базарной площади, опечаленные неудачей. На другом конце, далеко от нас, перед высоким, досчатым забором виднелись люди, стоящие гуськом в очереди. Мы уговорили наших конвоиров пойти туда и посмотреть что там продают. Они сами тоже заинтересовались, и мы все направились в ту сторону. На досчатом заборе было пробито небольшое окошко, а за ним виднелась скромная будка для продажи хлебного кваса. В очереди стояло человек тридцать-сорок. Она постепенно удлинялась, мы также поспешили встать в ней. Ждать долго нам не пришлось в очереди, продвигались

быстро, так как каждому отпускали только один стакан. Впереди, подходя к окошку, люди снимали головной убор, сперва мы не могли понять в чем дело и только, когда уже было совсем близко, выяснилось, что шапки у покупателей отбирались казенным продавцом в качестве гарантии за порожный стакан, на тот короткий момент, пока стакан будет находиться в руках покупателя.

Прежде чем получить стакан с квасом, покупатель снимал шапку, передавал ее с заранее приготовленными деньгами продавцу, сидящему внутри будки, только после этого он выдавал ему квас в чайном стакане. Покупатель тут же выпивал его, возвращал обратно опорожненный стакан и в обмен получал свою шапку. Если у кого было желание выпить еще стакан квасу, он мог вновь встать в очередь на самом хвосте с новоприбывшими и так можно повторять до желаемого предела. Тут же, где люди выпивали квас, облокотившись об забор, стоял хромой пожилой человек в рваной старой одежде с целой пачкой местной газеты. Он ежеминутно кричал во весь голос: – «Северный край», «Северный край», – а потом, понизив голос, прибавлял: – большая газета на тонкой бумаге. – Каждый гражданин отлично понимал этот намек хитрого старого газетчика. Бумага газеты «Северный край» на самом деле была не толстая, она шла в продажу как курительная для махорки, так как папиросной бумаги на рынке вообще не было.

Заключенные, работающие в самом управлении «Архперпункт» в числе около тридцати человек, помещались отдельно от других в бывшем частном доме, на углу Печорской и другой какой-то улицы (название коей не помню). Дом этот был давно конфискован ГПУ, а хозяева высланы куда-то далеко, в другой край страны. Двор был небольш[ой], с флигелем и 2-хэтажным деревянным зданием на улице. Самый же лагерь, с главной массой заключенных, находился вдали от нас в конце города. Там во дворе лагеря находился продуктовый амбар, где всегда имелся запас печенного хлеба на четыре-пять дней для всего лагеря. Один из нас, пяти счетных работников и одного экономиста, переведенных из «Вишлага» сюда, по фамилии Рожков, работал счетоводом в этом продуктивном амбаре. В месяц раз он приходил к нам в Управление с отчетностью лагеря, которую принимал я для проверки и составления сводного отчета всех отделений «Архперпункта». Между делом мы болтали о своих личных делах, главным образом о голоде. Добрый Рожков однажды обещал мне достать сколько-нибудь хлеба из амбара. Мы назначили время, когда я должен был придти к нему в лагерь за хлебом, под видом проверки лагерных книг. На след[ующий] день с соответствующим пропуском от Управления, я направился в лагерь без конвоира, прошел вахту и большой двор прямо в контору. В присутствии своего начальства Рожков принял меня официально, будто он не ожидал моего прихода. Затем в удобную минуту, пока начальник и его помощник вышли во двор по делу, он позвал меня в свою конурку, тут же рядом с конторой, где он спал по ночам. Он дружески улыбнулся и стал всовывать в пазухи моего арестантского бушлата ломтики лагерного хлеба, нарочно нарезанные для меня.

При входе в лагерный двор меня осматривали на вахте поверхностно, при выходе же не исключена возможность обыска более серьезного, тогда пропала не только моя голова, но и жизнь бедного, добрейшего моего друга Рожкова. Мы оба хорошо знали, что в случае обнаружения такого рода воровства нам пощады не будет и расстрел неминуем, хотя бы для того, чтобы этим напугать будущих воров, как это практикуется вообще в лагерях. Мысль эта сильно беспокоила меня еще по дороге, когда шел сюда за хлебом. Пусть погибну сам, думал я, хотя бы даже за кусок хлеба, который мне нужен, как задыхающему[ся] свежий воздух, но погубить чужую жизнь, да еще Рожкова, я считал сверхестественным преступлением. Думал по дороге, напрягал жалкие остатки своего разума, нападал на самого себя с обвинением и в то же время шагал, шел в лагерь на авось, с надеждой на Бога, на судьбу. С того же момента, как куски хлеба очутились за моими пазухами, страх мой возрос во много раз, и я чуть держался на ногах, беседуя с вернувшимся в контору лагерным начальством.

Через вахту я выходил обратно с дрожью во всем теле, а куски хлеба, казалось, превратились в горячие угли и обжигали мои истощенные бока. В этот момент я понял, что воровать даже кусок черного хлеба не легкое дело. Счастье мое не изменило и на этот раз, охранник, стоящий у вахты, посмотрел на меня подозрительно, но не обыскал. По дороге в общежитие ежеминутно я вспоминал момент, когда Рожков с дружеской улыбкой и с заботливостью близкого родича запускал свои руки с кусками хлеба в мои пазухи. Мне было стыдно и страшно за него, сознательная его жертвенность глубоко тронула меня. Я раскаялся, жалел о своем поступке самым искренним образом, которым мог погубить человека. Так шел со своими мрачными мыслями, осторожно оглядываясь назад. Отойдя немного от лагеря, меня нагнал наш истопник. Он сильно напугал меня: почему-то мне показалось, что он гонится за мною для того, чтобы задержать меня с хлебом по приказу начальства лагеря. Однако ничего подобного не случилось и пошли мирно вместе в общежитие.

Всякое дело, какое бы оно не было простое, требует ясности – плана. Воровство, наверное, тоже имеет свои правила и особенности, я же приступил к краже без всякого предварительного плана, поэтому по приходе в общежитие

опять очутился в безвыходном положении. Время было обеденное, все наши заключенные пришли с работы, дом превратился в муравейник, поднялся шум, громкие разговоры. Все спешили в кухню с чашками, мне тоже нужно идти за рыбной похлебкой, но вынуть хлеб из пазухи не могу, кто-нибудь заметит из моих сожителей. Если бы даже мне удалось тайком вынуть хлеб, все равно кушать его при них невозможно, ибо каждому известно, что сегодня четвертый день, как мы получили хлеб, следовательно, ни у кого не осталось и куска. Какое объяснение мог бы дать я своему лагерному хлебу, тем более все знали, что я ходил в лагерь и только что вернулся оттуда.

В небольшой квадратной комнате, с двумя окнами на улицу, нас было шесть человек, я готов был поделиться с ними своим хлебом, но это было сопряжено с большим риском. Здесь, в этой обстановке и родной матери нельзя довериться, кто-нибудь из моих же сожителей выдаст меня сознательно или проболтает нечаянно, тогда пропали мы оба с Рожковым. Оставалось два выхода: или нужно идти в уборную во двор и там скушать наскоро куска два хлеба, быстро вернуться обратно и залить их горячей похлебкой, или же полезть под двумя деревянными койками, рядом стоящими у стен, предварительно выдумав какой-нибудь повод, и там проглотить хлеба сколько-нибудь. Я остановился на последнем, как мне казалось, более удобным. Под моей койкой всегда хранились собственные мои ботинки в запасе, их то я выбрал в качестве предлога. Нарочно я стал искать их и сделал недовольный вид, полез под койки, обвиняя кого-то громко, кто забросил вглуб[ь] далеко мои ботинки. Под койками долго ворчал, высказывал свое недовольство, пока вынимал хлеб из пазухи, там в глубине и тесноте. И тут вышла у меня опять неудача; койки были слишком низкие для моего роста, я вынужден был лежать на животе растянувшись во весь рост, а длинные мои ноги торчали из-под коек наружу. Попробуйте-ка вы в таком положении вынуть куски хлеба из пазухи наглухо застегнутого бушлата, хватать их с жадностью голодной собаки, быстро глотать, не задохнуться сухим, черствым хлебом и в то же время с переполненным ртом отвечать на вопросы своих товарищей, которые удивлены вашим долгим пребыванием в темноте под койками. Другое дело, если бы с самого начала я мог лежать на спине. Тогда руки были бы свободны, легко можно вынуть хлеб из пазухи и глотать удобно. Эта возможность также исключалась, так как при виде моих ног снаружи носками вверх, могло создаться подозрение и, пожалуй, кто-то бы еще заглянул ко мне вглуб[ь] узнать: чем я занят. В общем, дело кончилось благополучно, я успел проглотить два ломтика, остальное спрятал после под одеялом и в ту же ночь, лежа в постели, уничтожил их окончательно. Тогда же я поклялся, дал слово себе никогда больше не подвергать опасности чужой жизни, даже за целый вагон хлеба.

По соседству рядом с моей стояла койка обрусевшего интеллигентного немца с большими усами по фамилии Вейц. Он был хорошо образован, начитан, прекрасно умел говорить, поэтому считался лучшим собеседником в общежитии. Однажды ночью, во время сна, кто-то толкнул меня в бок, я быстро проснулся, посмотрел вокруг и не успел еще сообразить, что это могло быть, в это время в полумраке Вейц протянул руку в мою сторону. Через секунду я ощутил на моей ладони что-то горячее, и в тот же момент приятный вкусный аромат печенного картофеля ударил мне в нос. Вейц вытянул шею, приблизился лицом ко мне и совсем тихо проговорил: – «Кушай!» Разумеется, в ту же минуту картофель был мною съеден и сейчас же у меня возник вопрос: откуда? Не ожидая моего вопроса, Вейц стал излагать мне шопотом обширный план возможности иметь каждую ночь печенный картофель в количестве до 4 штук. Тон его разговора был настолько деловой и серьезный, будто речь шла о заготовке нескольких тысяч тон[н] картофеля. Комната наша находилась рядом с общей кухней, через нее мы каждый раз проходили во двор, это было одно ее преимущество перед дальними другими комнатами. Наверху весь второй этаж с парадным ходом на улицу был занят чекистами – сотрудниками 3-го отдела, холостяками без семьи. Обеды и ужины для них готовил у нас в общей кухне наш повар Сережа, быв[ший] матрос Балтийского военного флота, необычайно крупный телосложения и физической силы, осужденный по 58-й статье на де[с]ять лет. Он готовил для чекистов особо, разные мясные блюда: жаркое в масле и тому подобные яства. Приятный запах всегда проникал к нам в комнату через часто открываемые двери и мы с удовольствием вдыхали его. Это уже было второе преимущество нашей комнаты. Вейц же открыл третье преимущество, никому еще не известное до сих пор, довольно просто, но хитро. На кухне, через которую мы проходили во двор, в старом деревянном корыте по утрам всегда был картофель для стола чекистов. Проходя через нее во двор мимо этого корыта, будто по делу, Вейц на ходу быстро схватывал один-два картофеля тайком от повара и его помощника и прятал их в карман. Возвращаясь обратно опять через кухню, он повторял то же самое и у него накапливалось 3-4 штук в два коротких рейса. На этом собственно, кончалась по плану Вейца заготовка картофеля. Конечно, успех или промах в данном случае, как и во всяком деле, зависели от ряда непредвиденных случайностей. Далее, действуя по своему плану Вейц, прятал картофель под своей постелью до наступления ночи. В ту же ночь, когда все ложились и спали в глубоком сне, Вейц продолжал свой план, вставал с постели, осторожно открывал дверцу голландской печи тут же в нашей комнате, предварительно слегка бесшумно отодвинув засов наверху, чтобы запах уходил по трубе. Сюда он клал под горячую золу

и жарил свой заготовленный картофель. Дело было зимою, голландская печь ежедневно аккуратно топилась вечерами в определенные часы. Возвращался с работы поздно ночью, комната наша всегда была натоплена, а печка открыта. Вейц оставлял свой картофель в печке на определенно высчитанное время, затем вынимал его наскоро и быстро закрывал дверцу. В руках он держал плотную тряпку, слегка увлажненную, для заглушения запаха вынужтого картофеля, быстро заворачивал его в ней и также быстро прятал под свою подушку. Здесь заканчивалась самая трудновыполнимая часть плана Вейца. Оставалась самая последняя, самая легкая и приятная, т. е. кушать горячую печенную картошку в темноте, с наслаждением, втихомолку, лежа в постели, и переживать приятное ощущение в животе, затем быстро уснуть.

Вейц открыл мне свой секрет совершенно искренне, с целью помочь мне, но в компании не нуждался, он прекрасно сам справлялся с делом и занимался этим промыслом с самой осени, как только начали топить голландскую печь в нашей комнате. Мы с Вейцем заключили словесный договор на равных товарищеских началах, т. е. делить добычу пополам. Со следующего дня приступили к работе совместно, предварительно не разделив труд между собою: оба мы занимались и «заготовкой» и печеньем картофеля как попало. При заготовке мы старались хватать не слишком крупные и не мелкие, а средние. Несколько штук одного и того же размера спекались одновременно, и это давало нам большое удобство при выемки их из печи. На долю каждого из нас приходило[сь] по три и даже по четыре штуки. Наслаждение от еды горячего картофеля для нас было большое. Однако полного удовлетворения мы никогда не чувствовали. Во-первых, потому, что от такой еды мы сытыми никогда не были. Во-вторых, как бы этот картофель не был вкусный и приятный для нас, все же он был ворованный. В третьих, наслаждат[ь]ся тайком, ночью, в присутствии своих спящих товарищей, таких же голодных и несчастных, не так уж приятно и не честно, хотя, кто знает, быть может, у каждого из них есть свой способ добывания побочного питания. Как, напр[имер], недавно 3-й отдел обвинял одного заключенного из нашего общежития в том, что он по дороге из Управления в общежитие зашел на квартиру какой-то женщины.

Наступала северная весна, короткие зимние дни увеличивались, а в нашей жизни не было никаких изменений, никакого просвета на будущее. Вдруг, совершенно неожиданно, меня сняли с работы, я получил приказ от У.Р.О. готовится в дорогу. На следующий день меня отправили с поездом на Дальний Восток в «Бамлаг» в сопровождении одного чекиста 3-го отдела.

(Хохаг)

Отрывки советской жизни. Путь к социализму

Город Дзауджикау (бывший Владикавказ) расположен на реке Терек у северной подножья Кавказских гор, отсюда берет начало Военно-грузинская шоссейная дорога, пересекающая горный хребет на юг. Бывший областной город, довольно красивый и благоустроенный, теперь является столицей Северо-Осетинской Автономной Республики. В этом, когда-то мирном городе, в самом центре подвалы ГПУ были переполнены людьми, арестованными группами малыми или большими, главным образом среди горского населения, исключительно по политическим мотивам. Здесь были сельские «кулаки», неудачные колхозники, городская интеллигенция, врачи, юристы, счетные работники, учителя и прочие бывшие служащие советских учреждений.

После четырехмесячного пребывания в этих нудных, мрачных подвалах, в тяжелых условиях, большую партию арестантов перевели в тюрьму в другой район города, так называемый ИТД, что значит Исправительно-трудовой дом. Через месяц там же нам объявили приговор «Тройки» ГПУ, осудившей нас заочно по 58-й статье на тайном своем заседании по 10 лет.

Пребывая в этой тюрьме, однажды поздно ночью в таинственной обстановке из общей массы заключенных выделили семьдесят человек, исключительно северо-кавказцев, осужденных на десять лет, как очередной этап для отправки его в концентрационные исправительно-трудовые лагеря. Официально не было объявлено куда идет этап, но слухи были о назначении его в Уральский лагерь, на Северный Урал. Наряду с этим был слух также, что нас вовсе не отправляют куда-то, а просто ведут на расстрел, а сроки наказания администрация объявила нам для того, чтобы прикрыть свое намерение. Этот последний слух в ту ночь нагнал на нас неопишемый животный страх, так как он был очень правдоподобен. Однако оказался он неверным, нас повели глубокой ночью прямо на железно-дорожную станцию под большим конвоем, со всеми предосторожностями. Двадцатидвухдневное путешествие из Северного Кавказа на далекий север Уральской области было тяж[ел]ым испытанием и казалось бесконечным.

Арестанты были сельчане-хлебопашцы, получившие от Советской власти кличку «кулаки», и лишь мы два человека горожане попали в их среду. Часть пути нас везли в арестантских так называемых классных

вагонах, с решетками на окнах снаружи и с железными клетками внутри из толстых прутьев, точно для крупных диких зверей. Клетки были расположены на одной стороне длинного вагона и занимали приблизительно три четверти ширины его, остальная часть служила проходом вдоль вагона. Дневной свет проникал в клетки через окна с лицевой стороны, тогда как задняя стена вагона была совершенно глухая. Вагоны эти назывались почему-то «столыпинскими», очевидно «гуманная народная» власть Советов надеялась найти хоть какое-нибудь оправдание своим жестокостям, дав звериным вагонам подобное название, и этим самым относя мысль создания этих вагонов и их конструкцию к старому царскому времени. Каждая клетка внутри вагона имела три этажа, совершенно изолированные друг от друга. Я не был ни во втором, ни в третьем, поэтому не могу точно описать, как себя чувствовали в пути арестанты, занимающие эти этажи над нами, но мы, попавшие в нижний в числе десяти человек со своими походными вещами буквально сидели друг на друге, задыхались в тесноте и неимоверно страдали. Главное зло заключалось в том, что пол второго этажа клетки, служивший одновременно нашим потолком, был настолько низок, что не было никакой возможности выпрямить шею и поднять голову, хотя бы на один миг, не говоря уж о спине, которая начала ныть через несколько часов после посадки. Неестественно свернувшись в три погибели с низко опущенной головой, спина страшно болела и временами казалось: вот-вот лопнет. Другое зло, не менее нудное, мы имели от сухого горячего пара, исходящего от трубы паровоза отопления внизу у глухой стены вагона. Однако, настрадавшись еще в подвалах ГПУ, под постоянным страхом расстрела, и испытав всевозможные пытки, системные и бессистемные, теперь мы были довольны, каждый из нас благодарил судьбу и в душе был рад даже настоящему нашему положению, ибо мы вырвались буквально из бойни, где на наших глазах расстреланы были множество людей, таких же как мы. И, чем быстрее шел наш поезд в сторону России, чем дальше удалялись мы от любимой родины, тем больше, как не странно, на душе становилось веселее, будто уменьшалась опасность, угрожающая нашей жизни. А там позади остались все то, что принято называть дорогим и высшими ценностями в человеческой жизни. Мы лишились жен, детей, братьев, сестер, родственников, друзей, имущества и, наконец, элементарных человеческих прав. Сидя согнувшись в нижней части клетки, в первый момент, мы еще не замечали весь ужас нашего положения. Мы не унывали, шутки сыпались за шуткой, часто остроумные и соответствующие нашим странным причудливым позам. Однако через некоторое время все притихли, усталость взяла верх, а несколько позже стали охать и ахать от сильной боли в спине, к тому же мы умирали от жажды. Пить хотелось не так, как обычно бывает жажда после обильной еды, а как-то она ощущалась особо остро и причиняла неимоверные страдания, вся внутренность как-будто горела в огне от горячего жара. Сухой язык во рту плохо повиновался, голос изменился и настолько мы невнятно говорили между собою, что с трудом понимали друг друга, часто прибегая к мимике. А поезд шел на северо-запад, унося нас все дальше и дальше от дорогой родины. И лишь мирный стук тяжелых колес и свистки паровоза при прибытии на новую станцию или отходя от нее, напоминали нам, что мы не в аду, а в Советском раю.

Дневальный, постоянно прохаживающий[ся] по длинному коридору вагона, давно перестал отвечать на наши мольбы дать нам хотя бы по одному стакану воды. Он даже перестал пускать в ответ свои многоэтажные похабные ругательства по нашему адресу. Он просто устал от наших стонов и ежеминутных требований воды. Страдали не только люди, находящиеся в нашей клетке, страдали все заключенные во всем вагоне. Мы кричали насколько могли громко, просили, умоляли, требовали, но воды не давали. Много позднее, когда ознакомились с жестокой лагерной дисциплиной, мы поняли причину почему нам не давали воды напиться. Причина эта имела тройное положительное и практическое значение: во-первых, раздача воды семидесяти человекам в тесных клетках, хотя бы по одному стакану, представляла из себя совершенно нежелательную работу для конвоиров; во-вторых, по мнению как самого начальника этапа, так и его подчиненных красноармейцев войск ГПУ, мы, заключенные в этих клетках как «политические преступники», не заслуживали никакого внимания, кроме того, причиняемые нам страдания вполне соответствовали инструкциям ГПУ; в третьих, если бы нам давали пить, то, естественно, появилась бы потребность хождение в уборную, что вовсе нежелательно было для конвоиров, так как ни у кого не было желания возиться с нами, открывать дверцы каждой клетки с громадным висячим замком, выпускать по одному людей, сопровождать их в уборную до конца вагона и обратно, затем опять закрывать двери на замок. Разумеется, гораздо проще не давать воды людям, тогда одновременно легко достигаются все три перечисленные цели. Что же касается страдания, то оно проходящее, а главное – отвечает общему порядку в Советской России и суровой дисциплине, существующей в этой стране для здравомыслящих людей. Большое дело для власти, если даже половина заключенных умрет в этих клетках, не доехав до места назначения, какая в этом разница?

Первая кошмарная ночь прошла в страданиях, о сне никто и не думал, наступило утро, к нам в глуб[ь] клетки проник Божий свет и вместе с ним пришла бодрость в какой-то мере и лучший друг каждого заключенного – надежда. К утру, очевидно, топку уменьшили, труба наша не издавала больше с такой силой удушливый пар,

и дышать стало легче. Но жажда от этого не уменьшалась, пить хотелось до боли и мы с нетерпением ждали что будет дальше. Наконец принесли нам хлеб по 400 граммов на человека и по мерке горячего кипятку. Мерка эта равнялась примерно полтора чайным стаканам и далеко не была достаточна для каждого из нас, но возражать было невозможно. Кипяток пили мы без сахара осторожно, чтобы не пролить его, нужно быть действительно настоящим арестантом, прошедшим все невзгоды каторжной жизни, чтобы в этой обстановке приловчиться пить горячую воду из кружки. Надо же хоть сколько-нибудь приподнять голову для того, чтобы глотнуть кипятка, а как это можно сделать? Особенно когда вы дошли до половины кружки?

Поезд шел с большими остановками, часто происходили маневры, очевидно, прицепляли к нам по пути следования вагоны с арестантами. Многим из нас эта часть бывшей Владикавказской железной дороги хорошо была знакома, даже названия станций, тем не менее мы никогда не знали на какой станции находимся и вечно терялись в догадках. Конвоиры из войск ГПУ, сопровождающие нас из Дзау[джи]кау, были очень суровы и жестоко обращались с нами, называли нас гололобыми и бусурманами, хотя между нами не было ни одного мусул[ь]манина. Характерную кличку в виде оскорбления «гололобый» северо-кавказские горцы получили сто лет тому назад во время Кавказской войны с тогдашней Россией за то, что воины Шамиля, постоянно находясь вне домашней обстановки, с целью гигиены брили себе головы, а многим со стороны русских казалось это настолько диким, что кличка дожила до наших дней.

Однажды на какой-то большой станции, по-видимому Ростов-на-Дону, стражу нашу сменили, в коридоре вагона появились новые красноармейцы. Как провинившаяся собака перед своим хозяином, мы смотрели на их лица, следили за каждым их движением в коридоре, прислушивались за каждым словом. Они произвели на нас впечатление гораздо лучше, чем предыдущие конвоиры, хотя новые были тоже из войск ГПУ. Дело это произошло утром, а к обеду наше впечатление оправдалось, обращение к нам новых конвоиров заметно было мягче, даже на наши вопросы отвечали без ругани, но тяжелое положение наше не менялось. Все члены онемели, спина неимоверно ныла, как от сильного удара тупым орудием. В эти дни каждый из нас готов был пожертвовать несколькими годами своей жизни за один час времени, чтобы выпрямить свободно спину. Чувствуя лучшее отношение к нам, мы стали чаще отпрашиваться в уборную, эти недолгие минуты хождения по коридору до конца вагона и обратно, вытянувшись во весь рост, давали нам некоторое облегчение. Как-то поздно ночью нашему новому Начальнику этапа понадобились часы, красноармеец, проходя по коридору, заглядывал в нижние клетки и спрашивал кто имеют часы. Только тогда вспомнил я, что в кармане у меня лежат часы, давно не заведенные. Я отдал их красноармейцу без особого сожаления навсегда, ибо в этой обстановке меня ничего не интересовало вообще, кроме избавления из нашего отчаянного положения. На следующий день, страдая от жажды как всегда, тот же красноармеец принес мне стакан настоящего чая с сахаром.

– Это тебе от Начальника за то, что ты одолжил ему свои часы, – сказал он. Красноармеец стоял за решеткой клетки, пытался передать стакан между толстыми железными прутьями, но это оказалось невозможным, стакан не проходил между ними. Пришлось звать дневально[го], который открыл дверцу. Некоторое время я держал в руках стакан с чаем, обдумывая положение как с ним быть, выпить его самому на глазах моих товарищей по несчастью я считал неприличным, для всех же один стакан, конечно, мало. Оба красноармейца стояли у открытой дверцы нашей клетки в ожидании, но не торопили меня. А чай издавал приятный соблазнительный аромат у самого моего носа. Не придя ни к какому решению, я быстро сделал один глоток и также быстро передал стакан ближайшему соседу и следил за ним, как он поступит с ним. Сосед мой также после одного глотка передал стакан дальше третьему. Тот тоже, в свою очередь, передал его четвертому, воспользовавшись только одним глотком. Таким образом стакан прошел через рук[и] всех девяти заключенных. Задача, первоначально не ясная для меня, разрешилась сама по себе. Никто не был в обиде, вышло даже красиво и, главное, каждый из нас промочил горло хот[ь] одним глотком житкости. Красноармейцы, сидя на корточках, следили за нами, прислушивались к нашему разговору на непонятном для них языке. Судя по их глазам, одобрительно следящими за нами, не трудно было догадаться, что им понравился наш поступок в чаепитии и они тоже довольны.

Я воспользовался моментом расположения к нам красноармейцев и попросил их купить мне на ближайшей большой станции почтовую открытку. Мы помнили в какой таинственной обстановке поздно ночью вывели нас из тюрьмы и вели через весь город на железно-дорожный вокзал. Помню, как родной мой дядя, сидевший с нами в тюрьме как «враг народа», в ту ночь заранее оплакивал меня. Он рыдал горько, как ребенок, полагая, что нас ведут не на вокзал, а на расстрел. Никто из родных не сопровождал нас до станции, – следовательно, никто не знал ничего об уходе этапа вообще*. Утром родные наши были встревожены неизвестностью нашего положения,

* Над строкой вписано: «Спустя год приехавшая ко мне в лагеря на свидание жена рассказывала» – Изд.

вот почему мне хотелось сообщить домой весть о себе и своих несчастных товарищей. Позднее я узнал, что открытка моя дошла по назначению и произвела целый переворот в умах наших родственников, друзей и вообще доброжелателей. В продолжение десяти дней они не знали где мы и что стало с нами, буквально сходили с ума, бежали друг к другу, спрашивали, навели справки, обращались в ГПУ, но никак не могли добиться истины. В таких случаях ответы от чекистов всегда бывают умышленно запутанные, они никогда не говорят правду – для того, чтобы побольше нагнать страх на людей. С получением же моей открытки все злополучные слухи о нашем расстреле исчезли, прошло и тревожное состояние. Люди, сочувствующие нам, тайком приходили к нашим родным с поздравлением и выражением радости. Из дальних сел приезжали родные моих несчастных товарищей к нам домой в город, чтоб узнать самую истину, подержать в руках ту самую открытку, где я писал, что мы все до единого живы, невредимы и здоровы. Открытка моя долго ходила по рукам, ее носили по домам близкие люди, читали и каждый выводил свое заключение, наконец ее завезли куда-то в дальнее село. <Все эти подробности я узнал с слов моей жены, которая через два года со специальным разрешением ГПУ отважилась приехать ко мне на свидание в концлагерь и привезла с собою нашего единственного сына трех лет.>^{*}

Красноармейцы закрыли дверь клетки и ушли с пустым стаканом, а эшелон наш все шел в глуб[ь] страны. Возникшему слуху еще в ИТД в ту ночь о том, что этап должен следовать в Усольский исправительно-трудовой лагерь, мы вынуждены были верить, а теперь, выходит, нас везут прямо в Москву через Воронеж. Пути и дела всеильного ГПУ неведомы никому, кто знает, почему он избрал такой маршрут для нас, когда можно было ехать другим путем, гораздо коротким. Воронеж был конечным пунктом наших страданий в клетках «стопыпинского» вагона. Поезд наш остановился на запасном пути, где-то далеко от самой станции. Мы давно покорились судьбе и ничего особенного не ожидали в этом пункте, вдруг к великой нашей радости красноармеец, проходя по коридору, закричал: – готовься на высадку. – Готовиться мы никак не могли при всем желании, в этой конурке невозможно даже переменить позу или протянуть ногу на десять сантиметров дальше, не говоря уже о том, что голова всегда находилась в наклонном положении. Весть эта сильно ободрила нас, мы радовались как будто нам объявили свободу.

Вылезали из нашей клетки по одному, как куры рано утром из курятника во двор через усую дыру. Накинуть на себя верхнюю одежду можно было только в коридоре вагона, а на дворе была зима. У меня была овчинная теплая шуба с приличным верхом из шерстяного матерьяла темно-синего цвета. Очутившись в коридоре, я сразу же старался выпрямить спину и стать прямо, но оказалось не так то легко это сделать. Спина болела, все онемело и мне не без труда и усилий удалось надеть свою шубу. Помню, был яркий солнечный день, ни одного облачка не видно было на небе, кругом блестел величественно чистый, глубокий снег. В один миг настроение изменилось, на душе стало веселее, появилась надежда на улучшение нашей участи. Окинув взором еще с площадки вагона чистый высокий небосвод, я подумал: как велик и широк Божий мир, и как ничтожны людские дела. Бог велик, – думал я в этот момент, – быть может, он как-нибудь спасет нас от гибели, а жить хотелось больше, чем когда бы то ни было.

Я спускался с площадки вагона по ступенькам на землю, с чемоданчиком и аккуратно свернутым одеялом на плече. Перед выходом из вагона снег был очищен, образовался довольно широкий проход, по сторонам же были высокие сугробы. По бокам длинного прохода стояли тесными рядами вооруженные новые красноармейцы, они то и дело задевали каждого проходящего между ними заключенного разными колкими, неприличными словами и злорадно смеялись. Я лично тоже получил свою долю оскорбления, один из красноармейцев пустил по моему адресу фразу: – а этот долговязый бандит как-будто собрался ехать на дачу, – предварительно выругав меня по матери. Мы давно привыкли к подобным грубостям и проходили мимо них молча, не замечая никого. Внимание наше было поглощено прекрасной погодой, мы старались побольше набирать чистый воздух в легкие, делать движения, менять позу как угодно, выпрямиться в струнку, поднять голову на сколько угодно. Это был настоящий праздник для нашего, сильно упавшего, духа и изнуренного тела, после невероятных страданий в пути в продолжение восьми дней и восьми ночей, в тесной конуре. Цель нашей высадки нам не была известна, мы не знали что намерены делать с нами наши хозяева, но это нас ничуть не беспокоило, важно то, что мы избавились от клеток, хуже не будет. Через некоторое время нас всех горцев подогнали к товарным вагонам с аре[с]тантами, и последовал приказ: – залезай в вагоны. – В этих случаях неповоротливых или слабых заключенных, остающихся в хвосте, красноармейцы безжалостно бьют прикладами винтовки, вдобавок здесь же в Воронеже опять сменили наших конвоиров, мне даже вернули часы, и теперь подгоняли нас совершенно новые красноармейцы.

Людской состав нашего товарного вагона-теплушки оказался довольно пестрым. При посадке второпях, точно на пожар, заключенные вообще не имеют возможности выбора, кто с кем желает быть в одном вагоне,

^{*} Здесь и далее текст, заключенный в угловые скобки, вычеркнут автором – Изд.

всякий лезет куда попало, лишь бы поскорее, чтобы не получить удар прикладом. Сюда попало несколько наших горцев, в вагон[е] оказало[сь] много казаков из Армавирского и Туапсинского районов, несколько человек из Баку, и Ростова, и прочих городов и районов. В вагоне были нары в два яруса, рассчитанные на сорок человек, а посередине стояла высоко над полом большая железная печь, которая топилась дровами.

Дверь вагона давно уже была заперта, мы ознакомились с новой нашей обстановкой и положением и собирались растянуться на нарах уже намеченных местах, как опять двери открылись и к нам влезли две женщины-арестантки со скудными вещами. Судя по внешнему виду, мы сразу догадались, что они казачки. Одна была совсем молодая, милостивая девушка 17-18 лет, другая женщина средних лет, но пережившая кое-что. Обе женщины обвели взором весь вагон и сильно были смущены, вероятно, их обманули, <когда сажали их в наш вагон, они думали, что здесь женщины>. Было ясно, их посадили с нами умышленно, это один из видов пыток, применяемых чекистами.

– То есть как это? – Возмутился рядом со мною сидящий бородатый арестант, глядя в упор на двух растерявшихся женщин у закрытой двери, – что это значит? Почему их посадили с мужчинами, а не в женский вагон? – А потому, дорогой гражданин, – ответил ему с угла вагона молодой арестант, – чтобы поиздеваться над несчастными женщинами и чтобы мы, мужчины, твердо запомнили силу советской власти. – Бородатый арестант сильно покачал голову, сжал губы и бурчал: – Изверги, нехристи.

Женщины оказались кубанскими казачками, осколками раскулаченных семей, именно подобно осколками взорванной скалы. Отец молодой девушки был расстрелян в Краснодаре после раскулачивания, мать с восьмилетней девочкой была вывезена в сторону Архангельска, а сама девушка сидела три месяца в Краснодарской тюрьме и теперь ее везут в исправительно-трудовые лагеря на пять лет, как политически опасного элемента.

Женщина средних лет также получила пять лет каторжных работ в тех же лагерях. Муж ее расстрелян в том же Краснодаре, хозяйство их раскулачено, т. е. отняли у них все, что они имели. Она сидела также несколько месяцев в тюрьме, а трое малолетних детей потеряла из виду и теперь не знала где они. Женщина эта всегда была серьезная, скучная, говорила медленно простым народным языком, никогда на ее лице не было улыбки, она всю дорогу грустила. Арестант с бородой с первого момента стал покровителем этих двух женщин. Он устроил их в конце верхнего яруса, девушку поместил в самый угол, рядом с ней женщину, а потом сам расположился, занимая третье место от боковой стены, как бы замыкая собою вход к ним. Они старались всегда быть наверху, никогда без особой надобности не слезали вниз.

Вскоре поезд наш тронулся в сторону Москвы, мы же горцы, только что вышедшие из клеток «столыпинского» вагона, растянулись во весь рост на нарах и блаженствовали. Захотел – встал и стой, ни голову, ни спину не сгибая, а то сиди, держа корпус прямо или ложись опять и растянься как угодно, ну, не прелесть ли это? И эту свободу мы получили сегодня нежданно и негаданно, как же не радоваться? А что будет завтра с нами и почему мы арестованы, или за что вот нас везут в далекий Сибирь, как рабочую скотину, это совсем другое дело. Каждый благоразумный заключенный, желающий сохранить свою жизнь, никогда не должен ставить эти вопросы, день жизни прошел более или менее сносно, скажи: слава Богу.

Мы легли с вечера и всю зимнюю ночь спали как убитые до позднего утра, непрерывная равномерная тряска вагона и усталость способствовали глубокому сну. И только от чрезмерно громкого разговора утром, уже давно поднявшихся остальных арестантов, мы проснулись. Только успел открыть глаза, как я почувствовал приятный запах слегка жаренного мяса. Мой голодный желудок сразу насторожился, ибо подобный вкусный запах мое обо[н]яние давно не ощущало. Мне почудилось, что кто-то из заключенных жарит мясо на печке. Крайне заинтересованный этим необычным явлением в нашем положении, я поднял голову и наблюдал. Около накаленной печки вокруг стояли три человека и по очереди держали над самой печкой свое нижнее белье. Сухой горячий пар оглушал многочисленных вшей на белье, сыпались вниз на накаленную плоскую поверхность печки и сейчас же лопались, производя небольшой звук минетюрного пузырь[ь]ка. Арестанты работали умело с ловкостью, видно, они не первый раз занимались этим делом. Подходили новые люди, голые по пояс с бельем в руках и проделывали то же самое, и, чем больше сыпались насекомые на печку, тем больше получалось минетюрных звуков, а запах жаренного мяса уже противный усиливался по всему вагону. Мне никогда не приходилось видеть такое множество вшей на теле живого человека, а также подобный способ уничтожения их.

Брезгливость – чувство довольно неприятное, она является как бы своего рода болезнью, однако она легко излечима. Через два-три дня мне стоило только выпачкать из своего тела, далеко запустившей рукой под нижним бельем, несколько пар этих зловредных зверьков и моя брезгливость значительно уменьшилась. Окончательно же я вылечился и избавился от нее тогда, когда стал рядом с другими арестантами близко у горячей печки со своим бельем.

Мудрые китайцы вовсе не знают о существовании брезгливости. Когда-то давно я был свидетелем в городе Харбине, как несколько десятков человек бедноты расположились под забором на его южной стороне.

Дело было ранней весной, солнце приятно грело, и китайцы усиленно и самым внимательным образом углубились в поиски вшей, причем каждый раз, когда кто из них находил насекомого, он как-то ловко бросал его в рот и раздавливал между передними зубами, затем выдувал его губами скорлупу обратно. На заданный вопрос, китаец дал «филосовский» ответ: – эти вши созданы моим телом и питаются им, – сказал он, – следовательно, какая же тут брезгливость может быть?

Если все законы, созданные советской властью для ее политических противников, вся система ГПУ и его террор ведут этих несчастных заключенных к уровню первобытного дикаря или выючного животного, то что значит вши, грязь или сентиментальная брезгливость?

Мы еще не окончательно опустились до дна, так как это было только начало пути к социализму, мирились со своим положением и обстановкой. Однако, если нет худо без добра, то вероятно, нет также добра без худа. Мы питались скудно, воду пили мало, но все же, от времени до времени, куда-то нужно было ходить по естественным надобностям. Около противоположных дверей, постоянно закрытых, на полу вагона была пробита насквозь круглая дыра, вот это и была наша «уборная». Крайне неприятные минуты переживал каждый из нас у этой дырки на виду, хотя эта похабная система для каждого советского арестанта не нова. В подвалах ГПУ бывало еще хуже. В каждой камере была своя параша для нужд 10-40 человек круглые сутки и лишь один раз в двадцать четыре часа выносились опорожнить эту позорную советскую посудину.

Особое положение в вагоне занимали наши дамы. Оне не меньше других страдали от многочисленных противных вшей, но к тому способу, которым мы их уничтожали, оне никогда не прибегали. Оне вообще чувствовали себя плохо среди стольких чужих мужчин, однако самым критическим моментом для них был во время нахождения в «уборной» на виду у всех. Как вообще принято у казачек, наши дамы были в широких юбках, что давало им возможность прикрывать друг друга в «уборной», но это далеко не защищало их от многочисленных пытливых мужских взглядов.

Это была одна из разновидностей многочисленных пыток системы ГПУ, один из способов его постепенно доводить людей до уровня животного, убить в них гордость, лишить духовной жизни, обезсилить их физически и тогда без морали и нравственности, без религии и совести подогнать их к тернистому узкому проходу в социализм, а за ним по широкой дороге, усеянной красными цветами, прямо в царство коммунизма – в самый центр земного рая.

Долгое пребывание на колесах зимою, непрерывная тряска товарного вагона в пути, большие нудные остановки на узловых станциях, всегда где-то в стороне, вдали от людей, в наглухо закрытом вагоне, всегда голодные, грязные, немые в вшах, мы сильно утомились, устали от всего и болезненно тосковали по нормальной свободной жизни.

Каждый день бросали нам в вагон по 400 граммов на душу черного черствого хлеба, утром и вечером по мерке кипятков, вот все наше питание. И только незначительные запасы домашних продуктов, еще вывезенных из тюрьмы, выручали нас.

Сегодня двадцать второй день с той ночи, как вывезли нас из родного города, эшалон наш остановился опять на какой[-то] станции. Беготня конвоиров вдоль состава была больше, чем обычно, они говорили громко и озабоченно. Прислушиваясь к их разговору, выяснилось, что мы прибыли на станцию Соликамск, т. е. на ко[не]-чный пункт. Отсюда до города Усолье, судя по географической карте, не далеко, а самый лагерь может быть еще ближе. Когда открыли двери вагона и один из конвоиров крикнул: – вылезай с вещами, – мы обрадовались точно как дети, рвущихся на прогулку, считая такую перемену в нашей жизни за счастье, хотя будущее было покрыто мраком неизвестности.

Очутившись на ровной пустой площади, в нескольких шагах от железно-дорожных путей, далеко [от] самой станции, в полном сборе, мы стали осматриваться вокруг, вдыхая полной грудью свежий морозный воздух. Огромная толпа исхудалых грязных людей, с длинными волосами на голове и не бритой бородой, стояла по военному длинными шеренгами вдоль полотна, с нищенскими домашними вещами, выставленными вперед перед каждым заключенным. Далеко на другом конце была видна особая группа женщин, тоже стоящих рядами. В тот же день выяснилось, что женского вагона в составе вообще не было. Оказывается, в каждом мужском вагоне помещались всю дорогу по две-три женщины. Эшалон наш состоял из двадцати пяти товарных вагонов и одного классного для Начальника этапа и конвоиров. Тут были вагоны из разных городов, начиная с южного Кавказа: Тифлиссский, Бакинский, Северо-Кавказский, Армави́ро-Туапсинский, Ростовский, Воронежский, Орловский, несколько Московских и прочих городов необъятной России. Теперь только нам стал понятен маршрут

* По-видимому, «миниатюрного» – Изд.

наш, выработанный ГПУ через центр страны и, в частности, через Москву, где нам ничего не пришлось ни видеть, ни узнать что-либо даже о той станции, где мы так долго стояли.

Сосчитать общее число арестантов не представлялось возможным, но судя по количеству вагонов, здесь было около тысячи человек. Была сибирская холодная зима, кругом был снег, легкий туман покрывал весь горизонт. Суровое мутное серое небо, пустынное белое пространство производили невеселое впечатление и наводили на мрачные, беспросветные мысли. Небольшой ледяной северный ветер до боли обжигал лицо и руки, арестанты кутались, ежились в своей убогой домашней одежде. Кругом стояла большая охрана с винтовками, обращение было строгое, они запрещали нам двигаться с места и разговаривать между собою. Начальник этапа, жестокий чекист лет 35-ти, с красным упитанным лицом, обратился к нам с короткой речью: – Вы преступники, бандиты и враги народа, – говорил он, – вас всех следовало расстрелять на местах, но сердобольная народная власть Советов подарила вам жизнь, понятно или нет? Имейте в виду это, если кто-нибудь из вас вздумает бежать, то знайте, что беспощадная стрельба будет открыта не только по убегающим, но по остающимся на месте, не успевшим прилечь на землю. – Угроза Начальника была совершенно лишняя, никто из нас о побеге не помышлял, куда бежать и как бежать по снегу в лютый мороз, без куска хлеба.

Затем последовал приказ: – садись, – каждый арестант подложил под собою свое барахло и присел на месте, не нарушая ряды. Прошло порядочно времени, но перемены в нашем положении не было, мороз проникал до самых костей, слезы текли по щекам и замерзали на них же, каждый переживал свою трагедию молча. Страх охватил нас, в голове неслись недобрые мысли, а что будет с нами, если нас продержат здесь в этом положении всю ночь до утра? А мороз крепчал, лица людей приняли грязно-синий цвет, руки, ноги и щеки онемели, создалось невыносимое положение, но спросить у конвоиров о чем-либо никто не смел. С каким величайшим удовольствием и какой радостью сейчас вернулись бы мы обратно в свои грязные вшивые вагоны, которые теперь казались нам раем. Только перед вечером нас сняли с места, красноармейцы, стоящие вокруг на некоторое рас[с]тояние, теперь подошли к нам вплотную, махая винтовками с громкими криками, как будто перед ними было стадо баранов.

Как выяснилось потом, среди нас было много людей из высшей интеллигенции: профессора с громкими именами, инженеры, врачи, художники, писатели, поэты, городские жители, бывшие служащие советских учреждений, главная же масса арестантов состояла из сельских «кулаков», колхозников и рабочих промышленных предприятий, не угодивших советской власти. Были также уголовники, воры, мошенники, разбойники и убийцы с большим прошлым.

Не вовремя поднявшиеся слабые старики, больные или остающиеся в хвосте, получали жестокие удары, будь это почтенный старый ученый, или больной обезсиленный рабочий, все равно для озверевшего конвоира из ГПУ все враги, он всех бьет без разбора.

Этап погнали на противоположную сторону, через станционных железно-дорожных путей, где стоял состав товарных вагонов с открытыми дверями с одной стороны. За составом, дальше от полотна, видно было много лошадей, только что выгруженных из этих вагонов. – Залезай, – скомандовал стоящий в стороне конвоир. С большим трудом, напрягая последние силы, люди карапались наверх в вагоны, через высокостоящие широкие двери, падали на землю, опять поднимались второпях и вновь лезли, насколько позволяли им окоченевшие руки и ноги. Вагоны были буквально набиты битком, без всякой меры, озябшими арестантами, в них не было ни нар, ни печки, из них только что вывели лошадей, очевидно, привезенных сюда из центральной России для лагерей. К нашему счастью они то оставили свой навоз в вагонах, смешанный с соломой, весь пол был устлан им целым слоем. И, когда за нами закрылась дверь, мы сразу почувствовали тепло до какой-то степени и относительный уют, стоя на свежем конском навозе.

Как выяснилось позже, на запрос нашего Начальника тогда Усольский лагерь ответил отказом принять этап в эту ночь за неимением места, тогда Начальник этапа решил поместить людей на ночь в эти вагоны, а лошади еще не были выгружены, вот почему держали нас на морозе несколько часов. Ночь, проведенная нами в этом вагоне на конском навозе, была самая длинная в моей жизни. Мерзлый навоз под нами постепенно превращался в мягкость от тепла множества людей, издавал характерный запах конюшни и вместе с тем от него несло теплом. На нем мы провели длинную ночь в абсолютном мраке, как в могиле, в разнообразных карикатурных позах, а на дворе трещал мороз. Мы сжимались друг к другу поближе, дрожа от холода, ни кипятка, ни даже простой питьевой воды нам не дали, все удобства и относительное благополучие увез с собою наш состав с теплыми вагонами. Всю ночь мы спали куриным сном, ежеминутно толкая друг друга в невероятной тесноте, то просыпаясь от неожиданного толчка в бок, то вновь впадая в сонное состояние на минуту, до следующего толчка. Меняя позу уставшего тела, никак нельзя было не задеть кого-нибудь или не толкнуть насевших со всех сторон людей.

На рассвете утренний свет стал проникать в вагон через единственное решетчатое окно, остальные окна были наглухо закрыты. Мрак постепенно таял, на той стороне состава, сейчас же за железно-дорожным полотном, несколько левее, где вчера стояли лошади, виднелся длинный холм, наподобие высокой насыпи земли. Весь верх его белел снегом, как вся площадь кругом, но конец его, обращенный к нам, а также видимый бок на всю длину, чернели, производя впечатление не то крутого обрыва, не то сплошной темной стены. Как не напрягали свое внимание и зрение, мы никак не могли определить в полумраке, что это за одиночный холм на ровном месте и так близко к железно-дорожным путям, и только дневной свет помог нам открыть эту тайну – загадку. В вагоне оказался арестант из северян, который пробрался к окну, стал на носки, вытянулся, долго смотрел на загадку и рассмеялся. – Весь этот громадный холм состоит из плетенных лапты из древесной коры, – сказал он тоном знатока, – они предназначены как обувь для сельского населения центральных областей Советской России. Выделываются эти лапты, где-то здесь недалеко в лесу на севере Урала, везут их сюда осенью для отправки партиями по железной дороге. А там на местах распределяют по колхозным кооперативным лавкам, как товар для продажи колхозникам и колхозницам. Плетенные лапты из древесной коры не боятся сырости, мороза или жары, – шутил северянин, – они легки в носке, правда не изящны, но эластичны и на ходу производят нежный скрип, а по цене самая доступная обувь в мире, – добавил он. Воистину достойная обувь для высококультурного, цивилизованного свободного гражданина Советкой России, члена социалистического безклассового общества, самого гордого, самого счастливого во всем мире.

Лучи восходящего солнца падали на длинный бок холма, обращенный на восток, безчисленное количество в беспорядке висели вниз длинные шнурки из древесной же коры, сильно скрученные и приклепленные к лаптям. Сквоз[ь] висевших шнурков в промежутках были видны сами лапты, сложенные в беспорядке.

Многим из нас никогда не приходилось видеть эту дешевую, но чудесную обувь, арестанты с любопытством смотрели через окно на холм, в это время двери вагона открылись, сразу холод ворвался в вагон и мы стали мерзнуть. К нам поднялся красноармеец, стоя на самом конце у дверей и теряя равновесие. Минуту балансировал, а потом схватился другой рукой за стенку. Ни к кому не обращаясь, он озабоченно смотрел вовнутрь вагона, через головы арестантов и внимательно считал людей, беззвучно шевеля губами.

Любопытство странное качество, иногда оно выражается у отдельных людей в виде болезни. Лично я принадлежал к этой категории людей, и мое любопытство мне вредило много раз со дня моего ареста, сидя в подвале ГПУ, а потом в Домзаке. И теперь вот, черт дернул меня, я посмотрел в упор на красноармейца, хотя стоял я вдали от него в глубине вагона. Он был высокого роста, и моя голова высывалась из толпы заметно выше других, и мы встретились на один момент взглядами через массы голов. В этот момент он поднял руку и стал мне делать знаки указательным пальцем, затем крикнул: – Выходи, да скорее. – Не будучи уверенным, что он обращается именно ко мне, я, в свою очередь, пальцем указал на себя без слов и тогда он крикнул: – Да, да, вылезай живо, бандит. – Я растерялся, ибо неизвестно, по какому делу он вызывал меня одного и почему выбрал именно меня, а не другого из рядом стоящих с ним арестантов. С большим трудом толкая людей и пробивая себе дорогу к дверям, я проклинал свое любопытство, свою судьбу. В глубине души я ощущал острую боль, причиненную мне моей же неосторожностью. Я спрыгнул вниз за красноармейцем, он приказал мне идти вперед вдоль длинного состава товарных вагонов, переполненных заключенными. Далеко впереди у одного вагона с открытыми дверями стояла толпа арестантов, окруженных конвоирами. Только успели мы подойти к ним, как мой красноармеец остановил меня и приказал: – Снимай шубу и расстелай ее на земле. – Я снял свою шубу, несмотря на сильный мороз, весь дрожа от холода и от злости, разостлал ее лицом вверх, не понимая намерение красноармейца. Присмотревшись, я понял что здесь отпускают рыбу для заключенных. В это время один из красноармейцев поднес к моей шубе небольшой ящик, из которой стекала струями вниз мутная ржавая житкость. Он вывалил на мою шубу все содержимое ящика с оставшейся житкостью. Полужившая мокрая мелкая рыба темно-синяго цвета издавала неприятный тухлый запах. Она хранилась в бочках слегка отапливаемого вагона, но теперь на морозе постепенно покрывалась покровом льда. Шуба моя пропиталась обильно вонючей житкостью, а потом также стала местами твердеть. Мне было больно видеть состояние моей шубы, ибо она была единственной опорой и надеждой на спасение от сурового сибирского мороза. По приказу моего красноармейца я взвалил рыбу на плечо, оккуратно завернутую в шубу, и мы пошли обратно в наш вагон. Никто из арестантов не был рад этой рыбе, кроме вонючей она имела столько соли, что ее нельзя было брать в рот. Голод и холод сильно обезсилили нас, мы нуждались в тепле, в горячей пище, ежеминутно жаловались друг другу, непрерывно беребя ноги, утопывали конский помет. – О господи, если бы сейчас выпить горячий чай, и не советский, а настоящий, вот было бы дело, – слышен был голос с дальнего угла вагона. – А горячего жирного супа не хочешь, – отвечал ему другой. – И не чай, и не суп, а бутылочку крепкой водки, вот где наше лекарство, – говорил третий голос. Через несколько времени нам раздали кипяток по кружке, к нашему огорчению он быстро остывал на морозе и мы пили его только в

теплом виде. После чаепития весь этап был высажен на ту площадь, где вчера стояли лошади. Проходя мимо целой горы лаптев, мы имели возможность видеть их вблизи на ходу. Арестанты были выстроены в длинную колонну по четыре человека в каждом ряду, затем конвоиры начали считать людей. Процедура эта продолжалась бесконечно долго, очевидно, при подсчете они путались, и мы окончательно озябли. Наконец, к великой нашей радости, этап тронулся в путь и шел быстрым шагом с разрешения самого начальства. Очевидно, и конвоирам и самому Начальнику тоже нелегко было возиться с нами в такой холод. Наконец, мы подходили к Усольскому лагерю, впереди были видны широкие и высокие ворота, открытые настежь. Большая вывеска полукругом висела над воротами концами вниз, на ней блестели белые крупные три буквы «ГПУ», а несколько ниже символическая надпись – «Через труд – путь к социализму». Громадная площадь пустынной местности, называемой лагерным двором, была обнесена оградой колючей проволоки пятиметровой высоты. Примерно в ста метрах друг от друга вдоль ограды стояли вышки, на которых виднелись зоркие часовые с винтовками. Многочисленные деревянные бараки заключенных стояли длинными рядами, образуя улицы в длину площади двора с промежутками между ними десять-пятнадцать метров. Изнуренный, усталый этап наш входил через ворота во двор лагеря, люди жаждали приюта, надеялись найти здесь спасение от голода и лютого мороза. Кто мог предугадать тогда, что многие из нас никогда больше не выйдут отсюда обратно живыми, а найдут вечное успокоение здесь вдали от родины в чуждой земле. Слабые, окончательно обезсиленные жалкие старики и больные отставали и плелись в хвосте этапа, их подгоняли конвоиры с многоэтажной руганью, громкими криками, точно гнали упрямых ленивых ишаков, немилосердно пуская в ход приклады винтовок.

Нас пустили в длинный деревянный, так называемый карантинный барак, совершенно не отапливаемый. По всему было видно, что барак этот, стоящий в стороне от других, только недавно окончен постройкой, и в нем еще никто не жил. Вокруг валялись в беспорядке не убранные стружки и остатки лесного матерьяла. Внутри барака был почти такой же холод как и на дворе, и чувствовалась неприятная сырость от свежего недавно срубленного и распиленного леса. В таком помещении в нашем положении согреться было невозможно. Вдоль барака во всю длину тянулись трехэтажные поперечные нары до самого потолка, а посередине был узкий проход. Вся внутренняя площадь была разбита как бы на отдельные клетки в три этажа с нарами, обращенными друг к другу и с узким проходом между ними. На нарах по обе стороны каждой клетки разместились по десять человек по норме из расчета семьдесят пять сантиметров ширины на душу. Ни столов, ни скамеек для сидения не полагалось, но, если бы даже они были, их негде было ставить. Таким образом, одна клетка, имеющая примерно 7.50 x 4.00 метр полезной площади, вмещала 30 человек во всех своих трех этажах. Барак, пустующий еще час тому назад, теперь превратился в настоящий муравейник, заключенные врывались в тесные клетки со своими убогими вещами, грубо толкая друг друга, стремясь занять лучшие места на нижних нарах. Поднялся шум. Громкий говор многочисленных людей, отдельные грубые окрики, дерские споры и нарекания, звон летевших сверху и падающих на головы чайников или кружек, создавая общий невероятный гул. Если жизни каждого отдельного советского гражданина на воле грозит опасность в какой-то степени, но все же имеет меру, то здесь в лагерях нет никаких гарантий за жизнь любого политического заключенного. Он может погибнуть от холода, от истощения постоянным голодом, от тяжелой непосильной работы, от побоев чекистов в изоляторе, если он вольно или невольно нарушил лагерную дисциплину, и, наконец, может быть расстрелян. Сознывая свое шаткое безнадежное положение, заключенный постепенно теряет устойчивость и душевное равновесие. Даже лучшие интеллигенты, профессора, научные работники или люди с высшим образованием вообще, здесь часто проявляли себя настоящими дерскими груб[и]ями. Сантиментальные нежности в лагерях отсутствуют, здесь среди заключенных иногда большое значение имеет грубая физическая сила. Борьба за жизнь здесь имеет совершенно другие формы, другие приемы, нужно быть сильным, обладать никогда не падающим духом, быть смелым и зорким во всех случаях тюремной и лагерной жизни, иначе гибель неизбежна. Именно по этим причинам поднялся шум и гвалт среди заключенных нашего этапа, они врывались валом в барак, точно шли в атаку на неприятеля и спешно занимали места, это был один из моментов борьбы за жизнь людей обездоленных, лишенных всех человеческих прав, и болезненно цепляющихся за слабую нить надежды на спасение, как утопающий хватается за соломинку.

Двадцатидвухдневный тяжелый пут[ь] кончился, но это был лишь первый шаг в сторону социализма и наши переживания в нем были только цветики, а там впереди предстоял нам обильный урожай горьких ягод*.

* Перед этим предложением, завершающим очерк, в рукописи следующая строка: «Описать лагерь более подробно, дома начальств. состава, Усольск. лагерь 2-е отд. Вишер. лаг».

CONTENTS

Y. A. Dzittsojty. Narts' genealogical tree

The author believes that the problem of genealogy must play a key role for the right understanding of the main events of the Nart epics. Contradicting the traditional point of view he puts forward a theory, based on the Ossetian folklore monuments and comparative data, according to which Bora should be recognized as a forefather of all the Narts, whose three sons were the founders of the three Nart families, singled out by G. Dumézil. Judging by the fact that of his three sons it was the youngest one who has inherited both his name and fortune, i.e. the tradition of minorat (analogous to borough-English in England) was accomplished; the whole society was involved in agricultural activity and therefore was comprised by peasants and shepherds. The endless fraud between the three families is based on the fight for the leading role in the society between the families that have already gained specific social functions, characteristic of the Indo-European society: the ritual, military and economic ones.

R. F. Fidarov. The “main myth” of Indo-Europeans in the Ossetian Nart epics

In the article an attempt is undertaken to reconstruct the Ossetian version of the so called “main myth of the Indo-European mythology” (the term introduced by V. V. Ivanov and V. N. Toporov). For this purpose the author turns to the data of Ossetian epics and folk choreography. Believing all dances to originally have a ritual character, the author compares Næرتون Simd, which is well known due to numerous ethnographic descriptions, to the Nart sagas where the Simd dance is playing the role of the plot forming component. Upon the basis of such a comparison the conclusion is made that the plot of the national epics is reflecting the Ossetian cosmogonical myth, while Næرتون Simd dance, performed at the time of celebrating the New Year’s approach, being the ritual realization.

R. S. Bzarov. The studies of the history of the Ossetian school

The studies are devoted to the main stages of the development of the system of the national education in Ossetia. Four main periods in the history of the Ossetian school are distinguished.

1. The fore historical period, since the middle of the 18th c. till the February revolution of 1917, when a system of school education was created in Ossetia, the Ossetian language being used for the primary education of those who had no command of Russian.

2. The period of the construction of the system of the national education in Ossetia (from 1917 to the beginning of the 1950es), that was taking place within the framework of the complex process of national state self-determination and national cultural development.

3. The period of the denationalization of the education (since 1952 till the end of the 20th c.) justified by “the high speed movement towards communism”, demanding the creation of the “new historical community of people – the Soviet nation”.

4. The period when first in 1990es an attempt of partial restoration was made and then, in 2004 the new creation of the Ossetian school began (as the state “Conception of Ossetian national education” was adopted).

The destiny of the Ossetian school has always depended on the political doctrine and ideological stereotypes prevailing in the society. The general cultural and lingual situation of Ossetia has always exercised obvious influence upon the condition of national education at every stage of its history.

The formation of the thought over lingual and educational policy seems today to be the only way for the constructive movement, combining the preservation of the already existing achievements together with the step by step construction of the sections that national cultural infrastructure still needs. The necessary cultural basis of the efficient national development and normal functioning of the society is formed by such a system of education that is able to translate the national culture and can provide openness to other cultures and modern civilizational progress of the nation.

The Memoirs by Bimbolat Btemirov. I’ve lost my name (Part III)

The main subject of the interest for the author still remains the life of the prisoner of the Soviet jail. Besides the portraits of the different people he met in custody and vivid episodes that happened there, he also gives the analysis of the Soviet system of trade and the “impressions” he got on his way into the labor camps in the Urals. With the third part of the memoirs comes to an end the publication of the literary heritage of Bimbolat Btemirov.

Сведения об авторах

Бзаров Руслан Сулейманович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и казозведения Северо-Осетинского гос. университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Дзиццойты Юрий Альбертович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Юго-Осетинского научно-исследовательского института (Цхинвал).

Фидаров Рустем Фидариковевич – старший научный сотрудник, начальник Змейского отряда Археологической экспедиции Института истории и археологии РСО-А при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

К изданию принимаются ранее не опубликованные материалы. Предлагаемый к публикации текст должен быть снабжен краткой аннотацией на русском и, желательно, английском языках, русским и английским списком ключевых слов к статье, а также сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы/учебы, телефон, адрес электронной почты). Все материалы проходят внешнее рецензирование.

Требования к оформлению текста (подаваемого на дискете или CD-ROM диске в формате IBM с приложением распечатки в 2-х экз.):

1. Объем статей до 1,5 п. л. (60000 знаков), рецензий – до 0,5 п. л.
2. Используемый редактор – Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал полуторный. Применяемые в тексте нестандартные шрифты должны быть приложены на дискете.
3. Ссылки на литературу внутритекстовые, в квадратных скобках, по образцу: [Абаев 1949: 45].
4. К статье прилагается список литературы в алфавитном порядке с библиографическим описанием и условным обозначением, используемым для ссылок, по образцу:
Абаев 1949 – Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.: Л., 1949.
5. Смысловые примечания (пояснения и дополнения к основному тексту) должны быть постраничными. Нумерация сносок сплошная.
6. Иллюстративный материал принимается в оригинальном (не ксерокопии) или в электронном виде на дискете/CD-ROM диске (формат *.tif) с приложением распечатки. На обороте фотографии (рисунка) должны быть указаны: автор, название публикации, порядковый номер рисунка.

Адрес редакции: 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ, ул. Ватутина / Церетели, корпус исторического факультета СОГУ, 2 этаж, Институт истории и археологии.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

№ 3

Подписано в печать 23.01.06. Формат бумаги 70x100 1/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура шрифта «Arial Суг». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,77. Учетно-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ № 2018.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева». 362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.